

A small figure of a person sitting on a grassy hill, holding a dark umbrella. The background is a cloudy sky and a line of trees on the right.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Энтони Гидденс
Филип Саттон

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я

ESSENTIAL
CONCEPTS
IN SOCIOLOGY

ANTHONY GIDDENS
PHILIP W. SUTTON

Second Edition

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

ЭНТОНИ ГИДДЕНС
ФИЛИП САТТОН

Перевод с английского
ЕЛИЗАВЕТЫ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
СТАНИСЛАВА ГАВРИЛЕНКО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2018

УДК 316
ББК 60.5
Г46

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Г46 Гидденс, Э., Саттон, Ф.
Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 336 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1525-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1805-2 (e-book).

Социальная жизнь постоянно меняется, и социология не может позволить себе стоять на месте. Сегодня эта дисциплина необычайно разнообразна в теоретическом отношении, охватывает множество тем и использует обширный методологический инструментарий. Важную роль в изучении социальной жизни играют ключевые понятия и идеи, которые позволяют социологам осмысливать общества. Однако толкование этих понятий постоянно эволюционирует и меняется.

Книга вводит в основные понятия, благодаря которым социология сформировалась как научная дисциплина. Не ограничиваясь краткими словарными определениями, Энтони Гидденс и Филип Саттон подробно рассматривают каждое понятие, исторические и теоретические контексты его возникновения и бытования, показывают значения и интерпретации, обращая внимание на критику и развитие в современных исследованиях и теориях.

Издание адресовано специалистам широкого спектра социальных и гуманитарных наук.

УДК 316

ББК 60.5

Перевод выполнен по изданию: *Giddens A., Sutton P.W. Essential Concepts in Sociology. Second edition (Polity Press, 2017)*

This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

В оформлении обложки использована фотография В. Коршунова

doi:10.17323/978-5-7598-1525-9

ISBN 978-5-7598-1525-9 (в пер.) Copyright © Anthony Giddens & Philip W. Sutton 2017

ISBN 978-5-7598-1805-2 (e-book)

© Перевод на рус. яз. Издательский дом

ISBN 978-1-5095-1666-7 (англ.)

Высшей школы экономики, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ТЕМА 1. МЫСЛИТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИ	14
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (<i>GLOBALIZATION</i>)	14
ДИСКУРС (<i>DISCOURSE</i>)	19
МОДЕРН (<i>MODERNITY</i>)	24
ОБЩЕСТВО (<i>SOCIETY</i>)	28
ПОСТМОДЕРН (<i>POSTMODERNITY</i>)	33
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (<i>RATIONALIZATION</i>)	38
СТРУКТУРА — ДЕЙСТВИЕ (<i>STRUCTURE/AGENCY</i>)	43
ТЕМА 2. ДЕЙСТВОВАТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИ	49
ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП (<i>IDEAL TYPE</i>)	49
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И (ИЛИ) КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ (<i>QUALITATIVE/QUANTITATIVE METHODS</i>)	53
НАУКА (<i>SCIENCE</i>)	58
РЕАЛИЗМ (<i>REALISM</i>)	63
РЕФЛЕКСИВНОСТЬ (<i>REFLEXIVITY</i>)	68
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ (<i>SOCIAL CONSTRUCTIONISM</i>)	72
ТЕМА 3. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И УРБАНИЗМ	78
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ (<i>INDUSTRIALIZATION</i>)	78
МИГРАЦИЯ (<i>MIGRATION</i>)	82
ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА (<i>ENVIRONMENT</i>)	88
ОТЧУЖДЕНИЕ (<i>ALIENATION</i>)	92
РИСК (<i>RISK</i>)	96

УРБАНИЗМ (<i>URBANISM</i>).....	101
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ (<i>SUSTAINABLE DEVELOPMENT</i>)	106
ТЕМА 4. СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА.....	112
БЮРОКРАТИЯ (<i>BUREAUCRACY</i>).....	112
КАПИТАЛИЗМ (<i>CAPITALISM</i>)	117
КОНСЬЮМЕРИЗМ (<i>CONSUMERISM</i>)	122
ОБРАЗОВАНИЕ (<i>EDUCATION</i>)	127
ОРГАНИЗАЦИЯ (<i>ORGANIZATION</i>).....	131
РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (<i>DIVISION OF LABOUR</i>).....	137
РЕЛИГИЯ (<i>RELIGION</i>)	141
ТЕМА 5. НЕРАВЕНСТВО ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ	147
БЕДНОСТЬ (<i>POVERTY</i>)	147
ГЕНДЕР (<i>GENDER</i>)	152
ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ (<i>INTERSECTIONALITY</i>).....	156
КЛАСС (<i>CLASS</i>).....	161
ПАТРИАРХАТ (<i>PATRIARCHY</i>).....	166
РАСА И ЭТНИЧНОСТЬ (<i>RACE AND ETHNICITY</i>)	171
СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ (<i>SOCIAL MOBILITY</i>)	176
СТАТУС (<i>STATUS</i>).....	182
ТЕМА 6. ОТНОШЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.....	187
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ (<i>LIFE COURSE</i>).....	187
СЕКСУАЛЬНОСТЬ (<i>SEXUALITY</i>)	191
СЕМЬЯ (<i>FAMILY</i>).....	196
СЕТЬ (<i>NETWORK</i>)	201

СООБЩЕСТВО (<i>COMMUNITY</i>).....	205
СОЦИАЛИЗАЦИЯ (<i>SOCIALIZATION</i>)	209
ТЕМА 7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОММУНИКАЦИЯ	214
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (<i>INTERACTION</i>)	214
ИДЕНТИЧНОСТЬ (<i>IDENTITY</i>)	218
ИДЕОЛОГИЯ (<i>IDEOLOGY</i>).....	222
КУЛЬТУРА (<i>CULTURE</i>).....	227
МАССМЕДИА (<i>MASS MEDIA</i>)	232
ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА (<i>PUBLIC SPHERE</i>)	237
ТЕМА 8. ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ И ТЕЛО	242
БИОМЕДИЦИНА (<i>BIOMEDICINE</i>)	242
МЕДИКАЛИЗАЦИЯ (<i>MEDICALIZATION</i>).....	246
РОЛЬ БОЛЬНОГО (<i>SICK ROLE</i>).....	250
СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНВАЛИДНОСТИ (<i>SOCIAL MODEL OF DISABILITY</i>)	255
СОЦИАЛЬНАЯ САМОСТЬ (<i>SOCIAL SELF</i>)	259
СТИГМА (<i>STIGMA</i>).....	263
ТЕМА 9. ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ	268
АНОМИЯ (<i>ANOMIE</i>).....	268
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ (<i>RESTORATIVE JUSTICE</i>)	273
ДЕВИАЦИЯ (<i>DEVIANCE</i>)	277
МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА (<i>MORAL PANIC</i>).....	282
НАКЛЕИВАНИЕ ЯРЛЫКОВ (<i>LABELLING</i>)	286
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ (<i>SOCIAL CONTROL</i>)	291

ТЕМА 10. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	296
ВЛАСТЬ (<i>POWER</i>)	296
ГОСПОДСТВО (<i>AUTHORITY</i>)	300
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО (<i>CIVIL SOCIETY</i>)	305
ГРАЖДАНСТВО (<i>CITIZENSHIP</i>)	310
ДЕМОКРАТИЯ (<i>DEMOCRACY</i>)	315
КОНФЛИКТ (<i>CONFLICT</i>)	320
НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (<i>NATION STATE</i>) ..	324
СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (<i>SOCIAL MOVEMENT</i>) ..	329

ВВЕДЕНИЕ

Общественная жизнь никогда не пребывает в статичном состоянии, она представляет собой процесс постоянных изменений. В течение последних 30 лет современный мир был трансформирован «текучими» гендерными отношениями, меняющимися формами миграционных потоков, Интернетом и социальными медиа, мультикультурализмом, цифровой революцией в коммуникациях, финансовыми кризисами, глобальным терроризмом и многочисленными политическими беспорядками. Социология, это порождение XIX века, не может позволить себе остаться в стороне от новых явлений и процессов и должна идти в ногу со временем, иначе она рискует стать бесполезной. Сегодня социология теоретически разнообразна и охватывает широкий круг вопросов, привлекая для понимания общества богатый арсенал исследовательских методов, что является неизбежным следствием попыток понять и объяснить все более глобализирующийся мир, на пороге которого мы находимся. В свою очередь, это означает необходимость пересмотра знакомых нам понятий и создания новых. Данная книга включает как давно устоявшиеся, так и недавно созданные понятия.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Некоторые понятия социологии имеют давнюю историю и выдержали испытание временем. Например, понятия «класс», «статус», «бюрократия», «капитализм», «гендер», «бедность», «семья» и «власть» остаются фундаментальными для социологической работы. Другие появились совсем недавно. Понятия «глобализация», «постмодерн», «рефлексивность», «окружающая среда», «жизненный путь», «восстановительное правосудие» и «социальная модель инвалидности» стали частью понятийного аппарата, представляющего и отражающего обширные изменения последних десятилетий. Это означает, что становится все сложнее уловить общую форму дисциплины. Данная книга вносит вклад в решение этой задачи, представляя некоторые основные социологические понятия. Многие из них являются

веками изменений, произошедших в социологии в течение последних 150 лет. Уяснение значений этих основных понятий, их происхождения и современного использования должны помочь читателю увидеть, как развивался предмет социологии в течение времени.

Разработка концепций в социологии, как правило, связана с теоретическими и эмпирическими исследованиями, которые требуют введения новых понятий для осмысления полученных результатов. Одни понятия (например, «статус», «класс» и «риск») уже имеют широкое хождение в обществе, но заимствуются социологией, где они подвергаются обсуждению и очищению, становясь более точными и полезными в качестве исследовательских инструментов. Другие, в том числе «отчуждение», «моральная паника», «глобализация», создаются самими социологами для изучения социальных явлений, а потом просачиваются в словарь повседневности, оказывая влияние на восприятие людьми мира, в котором они живут. Все это совершенно непохоже на ситуацию в естественных науках. Вне зависимости от того, как много понятий создается в естественных науках, они не способны изменить поведение животных или растений. По мнению Гидденса, это пример так называемого одностороннего процесса. В социологии понятия, результаты исследований и теории возвращаются в общество и влияют на мысли и действия людей. Социологическое исследование — это часть непрерывного *двустороннего* взаимодействия между социологами и объектами их исследований.

Этот двусторонний процесс означает, что социологические понятия по своему существу неустойчивы и подвержены изменениям, причем не только в пределах профессионального дискурса, но и в самом социальном мире как таковом. Это также означает, что большая часть понятий имеет принципиально оспариваемый характер: они используются, исходя из различных теоретических позиций, а общего согласия относительно их значения не существует. Однако степень изменчивости и несогласия, возможно, несколько преувеличена. На практике количество соперничающих теорий относительно невелико, а то, что между ними существует больше согласованности и единства, чем это представляется на первый взгляд, обычно остается скрытым.

Понятия, разработанные в одной исследовательской перспективе, зачастую используются и в других. Понятие «отчуж-

дение», например, которое было первоначально разработано Карлом Марксом и позволило ему лучше понять природу труда в капиталистических обществах, было возрождено более чем столетие спустя. Выведенное за пределы изначальной марксистской теоретической рамки, это понятие получило новую жизнь в индустриальной социологии, где стало использоваться для оценки отношения работников к условиям своего труда. В результате смысл понятия изменился. Но несмотря на возражения некоторых марксистов, обновленная версия обеспечила нас важным пониманием того, как различные рабочие места и системы управления оказывают влияние на жизнь работников.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

У нас нет цели создать полный компендиум понятий социологии. Мы тщательно отобрали около 70 понятий, которые способствовали или способствуют по сей день формированию отдельных исследовательских областей. Среди них — ряд понятий, прошедших испытание временем: например, «власть», «класс», «идеология», «общество», «культура». Эти понятия широко использовались в социологии на протяжении всей ее истории. Они и сейчас продолжают стимулировать дискуссии и направляют многие исследовательские проекты. Другие понятия — например, «гендер», «консьюмеризм», «идентичность», «жизненный путь» — не имеют столь длительной истории, однако их роль в дисциплине трудно переоценить. Они не только способствовали развитию целых исследовательских направлений, но и придали новый вид старым дискуссиям, вынудив социологов переоценить значимость более ранних понятий. Наконец, мы включили в наш список несколько совсем новых понятий: «интерсекциональность», «глобализация», «риск» и «восстановительное правосудие». По нашим оценкам, эти понятия уже породили целый ряд новаторских исследований и имеют все шансы встроиться в специализированные области в качестве основных.

Статьи внутри тематических разделов, разъясняющие основные понятия, в этой книге несколько пространнее, чем принято в подобных изданиях. Наша цель — дать нечто большее, чем краткие определения понятий. Напротив, мы предлагаем расширенное обсуждение каждого понятия, помещаем его в исто-

рический и теоретический контексты, рассматриваем значения, возникающие при его использовании, представляем определенные релевантные критические позиции и указываем читателю на современные примеры исследования и теоретизирования, с которыми он может ознакомиться самостоятельно. Такая структура позволит читателю связать историю социологии с актуальным состоянием, проследив развитие ее понятий. Помимо этого, внутри соответствующих разделов обсуждаются и кратко определяются многие другие понятия. Например, статья «Индустриализация» включает также соотносимые понятия — «урбанизация», «постиндустриализация» и «экологические формы модернизации».

Мы понимаем, что некоторые из выбранных нами понятий могут быть оспорены. Найдутся социологи, которые укажут нам на отсутствие в списке ряда ключевых понятий или, наоборот, на включение в него понятий, вовсе не относящихся к делу. Подобные разногласия в социологии являются нормой, даже если речь идет об основных понятиях. Причиной тому служит многообразие теоретических взглядов и исследовательских перспектив. Но социологи, будучи представителями научного сообщества и активно полемизируя, все же находят почву для диалога и понимания друг друга. Это понимание становится возможным благодаря общему концептуальному наследию многочисленных теорий и объяснительных схем, переживавших на протяжении своей истории периоды расцвета и упадка.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ

Разделы книги сгруппированы по 10 основным темам. Внутри каждой темы понятия располагаются в алфавитном порядке. Это делает поиск понятия в каждой тематической области более быстрым и простым. Книга представляет собой самостоятельный текст, предназначенный для любого, кто хочет разобраться в основных понятиях социологии. Однако студенты, работающие с нашей книгой «Социология: антология для начинающих»¹, оценят то, что сходная структура обеих книг облегчает сопоставление используемых в них понятий. Внутри книги поня-

¹ См.: *Giddens A., Sutton Ph. Sociology: Introductory Readings. Cambridge: Polity Press, 2010. — Примеч. ред.*

тия связаны перекрестными ссылками, для чего применяется простой механизм выделения термина полужирным шрифтом при первом использовании вне специально посвященного ему раздела². Мы также позволили себе некоторую свободу в отношении самой категории «понятие». К примеру, «раса» и «этничность» рассматриваются в рамках одного раздела, а не двух, потому что, как правило, эти понятия обсуждаются вместе. Тем не менее в ходе обсуждения различие между расой и этничностью станет ясным. Аналогично мы поступили с понятиями «структура — действие» и «количественные и (или) качественные методы». Некоторые разделы могут рассматриваться не столько как описание понятий как таковых, сколько в качестве изложения теорий или общих точек зрения. Так, «глобализация» является и конкретным понятием, и теорией социальных изменений, в то время как «социальная модель инвалидности» — это специфический подход к изучению феномена инвалидности. Подобная структура книги избрана, чтобы наилучшим образом осуществить ее основной замысел — создание точной концептуальной карты современной социологии.

² Речь идет об американском издании, в русском издании данный механизм не используется. — *Примеч. ред.*

Тема 1. Мыслить социологически

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (GLOBALIZATION)

Рабочее определение

Разнообразные процессы, через которые географически разобщенные популяции людей обретают более близкие и непосредственные связи друг с другом, становясь единым сообществом или глобальным обществом.

Происхождение понятия

Идея глобального человеческого общества прослеживается, начиная с дискуссий эпохи Просвещения о перспективах человечества как целого. Понятие «глобализация» можно вывести и из концепций XIX века: из идей К. Маркса о тенденции капитализма к расширению и Э. Дюркгейма о географическом распространении разделения труда. Однако первая словарная статья, посвященная глобализации в современном смысле этого термина, появилась в 1961 году и только в 1980-е годы термин стал регулярно использоваться в экономике [Kilminster, 1998, p. 93].

Важным предшественником тезиса о глобализации в социологии был миросистемный анализ Иммануила Валлерстайна [Wallerstein, 1974–1989]. Валлерстайн полагал, что экономическая система капитализма действует на транснациональном уровне, формируя мировую систему, в которой ядром выступают сравнительно богатые страны, самые бедные образуют периферию, а между ними находятся страны полупериферии. Однако современные дебаты о глобализации являются результатом ускорения глобализационных процессов, начавшегося в 1970-е годы и вызванного ростом и властью транснациональных корпораций, упадком национального государства, подъемом наднациональных торговых блоков, формированием региональных экономических и политических союзов (например, Европейского союза), удешевлением путешествий, приведшим к широкому распространению зарубежного туризма и миграции, возникновением Интернета, радикально ускорившего глобальные коммуникации. К 1990-м годам понятие «глобализация» прочно вошло

в понятийный аппарат социологии, оказав влияние практически на все ее исследовательские области.

Значение и интерпретация

Хотя большинство социологов могут согласиться с приведенным выше рабочим определением, существует множество разногласий по поводу основных причин глобализации, а также по поводу того, является ли она позитивным или негативным процессом. Глобализация сигнализирует нам о *процессе* изменений и, возможно, о социальной тенденции к глобальной взаимозависимости. Однако это вовсе не означает, что данные изменения неизбежно приведут к возникновению единого глобального общества. Глобализация имеет экономическое, политическое и культурное измерения [Waters, 2001]. Для одних исследователей феномен глобализации носит преимущественно экономический характер и связан с механизмами финансового обмена, торговли, глобального производства и потребления, глобального разделения труда и функционирования глобальной финансовой системы. *Экономическая глобализация* способствует усилению миграции, изменяя способы передвижения и проживания и создавая более текучие формы человеческого существования. Для других исследователей более важной является *культурная глобализация*. Р. Робертсон предложил понятие «глокализация» (*то есть* смешение глобальных и локальных элементов) для обозначения способов, которыми локальные сообщества активно видоизменяют глобальные процессы, чтобы приспособить их к местным культурам [Robertson, 1995]. Глокализация приводит к возникновению разнонаправленных потоков культурных продуктов, проходящих через различные общества мира. Наконец, те, кто впечатлен *политической глобализацией*, делают акцент на усилении механизмов регионального и международного управления. Например, ООН и Европейский союз объединяют национальные государства и международные неправительственные организации в форумы по принятию совместных решений, призванных регулировать нарождающуюся глобальную систему.

Глобализация включает несколько важных процессов. Торговля и рыночные обмены, как правило, имеют мировой масштаб. Растущая международная политическая кооперация (заявляющая о себе активно используемым понятием «международное

сообщество» или применением многонациональных войск по поддержанию мира) демонстрирует политическую и военную координацию поверх национальных границ. Современное развитие информационных технологий и более регулярные (и доступные) перевозки также означают, что социальная и культурная активность разворачивается на глобальном уровне. Более того, глобализация человеческой активности становится все более интенсивной: *больше* глобальной торговли, *больше* международной политики, *больше* глобальных средств сообщения, *больше* рутинных культурных обменов. Увеличивается общий объем активности на глобальном уровне. Многие социологи связывают начавшееся в 1970-е годы *ускорение* процессов глобализации с возникновением дигитализации, бурным развитием информационных технологий и прогрессом в транспортировке товаров, услуг и людей. Быстрые темпы глобализации имеют далеко идущие последствия. Решения, принятые в одной точке земного шара, могут оказать огромное влияние на весь мир, а национальное государство, будучи до этого центральным актором, ныне частично утратило свою власть и способность к контролю.

Критические замечания

Теоретики глобализации рассматривают ее как процесс фундаментальных изменений в жизни человека, однако их оппоненты говорят о том, что ее значение сильно преувеличено [Held et al., 1999]. Скептически настроенные исследователи уверены: настоящий уровень экономической взаимозависимости не является беспрецедентным. Быть может, контакты и торговые обмены между странами и стали более активными, чем раньше, но они не создали единую глобальную экономическую систему [Hirst, Thompson, Bromley, 2009]. Напротив, существовала тенденция к интенсификации региональной торговли внутри Европейского союза, Азиатско-Тихоокеанского региона, Северной Америки. Учитывая, что эти три региональные экономические системы функционируют относительно независимо друг от друга, любое представление о единой глобальной экономической системе кажется скептикам надуманным.

Мысль о том, что глобализация подорвала роль национального государства, также небесспорна. Национальные правительства продолжают оставаться ключевыми игроками, которые регулируют и координируют экономическую деятельность,

связанную с торговыми соглашениями и политикой экономической либерализации. Объединение национальных суверенитетов вовсе не означает их неизбежную утрату. Национальные правительства, несмотря на рост глобальной взаимозависимости, сохранили значительную часть своей власти. Однако в условиях ускорения глобализации государства становятся более активными и на международной арене. Глобализация — это не односторонний процесс все более тесной интеграции, а двусторонний поток образов, информации и влияний, порождающий различные последствия.

Сохраняющаяся актуальность

Поскольку глобализация образует концептуальный фон социологии, она представлена в большом количестве современных исследований, посвященных самым разным темам — международному терроризму, социальным движениям, конфликтам и войнам, окружающей среде, миграции, мультикультурализму и др. Прогресс в исследовании позволил обнаружить ряд непреднамеренных последствий крупномасштабной глобализации. К примеру, М.-К. Ренард изучила возникновение и развитие рынка «справедливой торговли» продуктами, целью которого стало поощрение мелких производителей в развивающихся странах через справедливую продажу их товаров этичным потребителям в промышленно развитых странах [Renard, 1999]. Основные глобализационные процессы определяются большими транснациональными компаниями, поэтому мелким производителям сложно выйти на рынки товаров массового производства. Однако Ренард обнаружила, что экономическая глобализация на самом деле создает небольшие лакуны, или ниши, которые могут занять мелкие производители. Это крайне любопытный объект для исследования, показывающий, как глобализация открывает новые возможности развития для мелких производителей (в данном случае — для производителей кофе) на основе общих ценностей справедливости и солидарности, разделяемых различными слоями общества, как в развитых, так и в развивающихся странах.

Если у глобализации есть политическое измерение, то можно ожидать организацию социальных движений, превосходящих уровень местной или национальной политики. Ш. Барнертт провела количественный анализ, рассмотрев в качестве возмож-

ного свидетельства этого социальные движения людей с ограниченными возможностями [Barnartt, 2010]. Она изучила более 1200 протестных событий в США и более 700 в других странах с 1970 по 2005 год. Анализ данных показал, что в США с 1984 года количество протестов людей с ограниченными возможностями быстро росло; в других странах аналогичный рост наблюдался с 1989 года. Барнертт утверждает, что протесты людей с ограниченными возможностями действительно участились и распространились по всему миру. Однако нельзя говорить о том, что эти протесты являются показателем глобализации. Бóльшая их часть была связана с локальными и национальными, а не глобальными проблемами. Более того, международные организации почти не были в них вовлечены. Несмотря на сходства различных протестных движений, Барнертт все же приходит к выводу, что движения людей с ограниченными возможностями не являются частью глобализационных процессов.

Мнения о глобализации заметно различаются, однако недавние оценки Л. Мартелла возвращают разговор к знакомой теме неравенства [Martell, 2016]. Этот исследователь полагает, что хотя многие социологи рассматривают глобализацию как частично или полностью культурное явление, им необходимо признать ключевую роль капиталистической экономики и материальных интересов. Мартелл выступает против космополитических теорий возникновения международной политической сферы, которые он считает чересчур оптимистичными. В той степени, в какой она является реальной, глобализация носит неравномерный характер, воспроизводя существующее неравенство и неравные шансы на власть. Глобальное свободное перемещение, к примеру, означает, что «те, кто меньше всего нуждается, богатая элита, наиболее свободны, а те, кто больше всего нуждается в возможности мобильности, бедные, находящиеся вне богатого ядра, наиболее ограничены в своей свободе» [Ibid., p. 251]. Несмотря на важность культурных изменений, капиталистическая экономика остается для Мартелла ключевой движущей силой.

Литература

Barnartt S. The Globalization of Disability Protests, 1970–2005: Pushing the Limits of Cross-Cultural Research? // *Comparative Sociology*. 2010. Vol. 9. No. 2. P. 222–240.

Held D. et al. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity, 1999; см. также рус. пер.: Хелд Д. и др. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004.

Hirst P., Thompson G., Bromley S. Globalization in Question. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2009.

Kilminster R. The Sociological Revolution: From the Enlightenment to the Global Age. London: Routledge, 1998.

Martell L. The Sociology of Globalization. Cambridge: Polity, 2016.

Renard M.-C. The Interstices of Globalization: The Example of Fair Coffee // Sociologia Ruralis. 1999. Vol. 39. No. 4. P. 484–500.

Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds). Global Modernities. London: Sage, 1995. P. 25–44.

Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. New York: Academic Press, 1974–1989; см. также рус. пер.: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 2. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 3. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Waters M. Globalization. 2nd ed. London: Routledge, 2001.

ДИСКУРС (*DISCOURSE*)

Рабочее определение

Способ высказывания и мышления о предмете, основанный на общих допущениях и служащий для формирования человеческого понимания этого предмета и действия в отношении него.

Происхождение понятия

Понятие «дискурс» возникает в лингвистике — науке о языке и его применении. В этом контексте дискурс обозначает формы устной или письменной коммуникации, используемые в разговорах лицом к лицу, публичных дебатах, на интернет-форумах и т.д. Дискурс анализируется в лингвистике, чтобы понять, как организованы коммуникативные процессы и как они функционируют. Однако в 1950-е годы британский философ

Дж.Л. Остин утверждал, что устные и письменные коммуникации являются не наборами нейтральных, пассивных сообщений, а речевыми актами, активно формирующими мир, как мы его знаем [Austin, 1962]. Мишель Фуко связал изучение языка с преобладающим в социологии интересом к власти и ее эффектам в обществе. Именно после этого понятия «дискурс» и «дискурсивные практики» стали вызывать все больший интерес у социологов.

Значение и интерпретация

Изучение языка и коммуникации было сосредоточено преимущественно на технических аспектах, например, на роли грамматики и грамматических правил в конструировании значения. Однако с конца 1950-х годов дискурс стал пониматься как тип действия и, поэтому, как некоторое вмешательство в мир. Рассматриваем ли мы политические группировки как террористические или как борющиеся за свободу, фокусируются ли новостные сообщения на причинах промышленных забастовок или на их разрушительных последствиях — все это оказывает влияние на то, как мы действуем. Понятие «речевой акт» изменило способ рассмотрения языка и повседневного общения. То, что ранее казалось незначительным, стало центральным для нашего понимания социальных структур и отношений власти, равно как для исследований культуры и массмедиа. Социологи смогли изучить, каким образом язык используется для упорядочения политических аргументов, исключения из дебатов определенных идей и контроля над тем, как люди обсуждают те или иные вопросы.

Несомненно, наиболее влиятельная теория дискурса принадлежит Мишелю Фуко, который изучал историю психических заболеваний (в его терминологии — безумия), преступлений, пенитенциарных систем и медицинских институтов. Фуко полагал, что множество дискурсов создает рамки, которые структурируют общественную жизнь и через которые осуществляется власть [Foucault, 2002]. Тем самым, дискурсивные рамки действуют, скорее, как парадигмы, устанавливающие пределы тому, *что* мы можем осмысленно говорить об определенном предмете, и тому, *как* мы можем о нем говорить. Дискуссии о преступлении, к примеру, структурированы в соответствии с господ-

ствующим дискурсом закона и порядка, что делает подчинение закону и принятие полицейского контроля над общественным порядком частью здравого смысла нормальной жизни. Возможность оказать сопротивление этому масштабному контролю или игнорировать закон в повседневной жизни почти невысказана. Это происходит вследствие того, что дискурс преступления предшествует вхождению человека в социальный порядок. Его поведение и мироощущение отчасти формируется этим дискурсом: человек усваивает общественные нормы и ценности через социализацию. Таким образом, дискурсы способствуют приобретению человеком чувства самости и личностной идентичности. Это служит полезным напоминанием о том, что у человека нет абсолютной свободы мышления, речи и действия — у человеческой деятельности всегда есть пределы.

Фуко в разработке понятия «дискурс» идет дальше, делая дискурс и дискурсивные практики ядром исследований власти. Он утверждал, что знание и власть внутренне связаны, а не противопоставлены друг другу. Академические дисциплины, такие как, например, криминология и психиатрия, которые пытаются найти объективное знание о преступном поведении и психических заболеваниях, также производят отношения власти, определяющие понимание преступлений и психических заболеваний и способы воздействия на них. Психиатрический дискурс устанавливает собственную границу между безумием и нормальностью, легитимируя специализированные медицинские институты изоляции, ухода за больными и их лечения. Аналогично, меняющиеся дискурсы преступления не просто описывают и объясняют преступное поведение, но и содействуют появлению новых определений преступников и способов обращения с ними [Foucault, 1975].

Критические замечания

Понятие «дискурс», без сомнения, является продуктивным и в целом было принято в социологии. Однако центральная идея Фуко о том, что дискурсы не связаны с конкретным социальным основанием (социальным классом), расходится с другими исследованиями феномена власти. Многие из них рассматривают власть как полученное и используемое личное или коллективное преимущество: в случае, например, патриархальной власти

мужчины удерживают и используют власть над женщинами, а правящие классы господствуют над подчиненными классами. Мысль о том, что власть анонимно «смазывает колеса» социальных отношений, игнорирует последствия властного неравенства. Впоследствии критика строится на утверждении, что преимущественный фокус на языке, речи и текстах придает им слишком большое значение. Для некоторых критиков это становится причиной возникновения «декоративной социологии», которая погружает социальные отношения в сферу культуры, избегая сложных и подлинно социологических проблем изменения баланса сил [Rojek, Turner, 2000]. Для формирования общественной жизни более существенными являются не дискурсы, а реальные социальные отношения и материальная культура.

Сохраняющаяся актуальность

Основная идея, что дискурсивные рамки играют ключевую роль в общественной жизни, остается продуктивной и важной при исследовании множества разнообразных предметов. К примеру, Я. Лесса для оценки деятельности финансируемого правительством Великобритании агентства, работающего с родителями-одиночками подросткового возраста, использует дискурс-анализ, позволяющий понять рассказы подростков, их родителей и опекунов [Lessa, 2006]. В противоположность преобладающему в обществе дискурсу, который представляет матерей-одиночек как безответственных, беспомощных «попрошак», агентство помогло сформировать альтернативный дискурс о матерях-подростках как о молодых родителях, имеющих легитимное право на социальную поддержку. Этот альтернативный дискурс помог сбору средств и способствовал изменению восприятия данного явления. Исследование показывает, что господствующий в настоящее время дискурс редко не встречает возражений и потенциально может быть низложен, хотя в данном случае лишь на локальном уровне и в очень специфической области системы социального обеспечения. Борьба дискурсов подобного рода является, скорее, нормой, нежели исключением.

Исследования глобальных политических дискурсов гораздо масштабнее. Вслед за нападениями на США 11 сентября 2001 года, известными как «9/11», американское правительство запустило новый дискурс глобальной войны с терроризмом.

Согласно этому дискурсу нападения, совершенные террористами, были направлены не против США, а против демократии как таковой [Hodges, Nilep, 2009, p. 3]. Этот дискурс придал форму публичным дебатам, в которые были вовлечены различные социальные акторы, отреагировавшие на атаки террористов и стремившиеся их объяснить или оправдать. При этом дискурс войны с терроризмом установил в общественной дискуссии границу между «мы» и «они», способствуя созданию новых идентичностей, врагов и друзей.

Несмотря на то что язык и риторика войны, кажется, мало изменились с течением времени и в ходе бесчисленных войн, Д. Мачин утверждает, что визуальные репрезентации войны, будучи также типом нарратива, претерпели значительные изменения [Machin, 2009]. Используя метод мультимодального анализа (то есть соединяя различные коммуникативные источники — тексты, визуальный ряд, язык тела и т.д.) для изучения образов войны в Ираке в прессе 2005–2006 годов, он показывает, что текущие войны (например, в Афганистане) массмедиа стараются изображать как высокопрофессиональные миротворческие миссии, где солдаты заботливо защищают уязвимое местное население, в то время как вражеские потери исключаются из поля зрения. Вместо документирования конкретных событий военные фотографии призваны структурировать медийный материал, представляя общие темы, такие как «страдание», «враги», «бой» или «гражданское население». В частности, Мачин говорит о том, что дешевые снимки из коммерческих банков изображений все чаще используются в наиболее общем, символическом смысле. Военная фотография может поэтому рассматриваться как важный элемент нового дискурсивного конструирования современной войны.

Литература

Austin J.L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1962; см. также рус. пер.: *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

Foucault M. The Archeology of Knowledge. London: Routledge, 2002 [1969]; см. также рус. пер.: *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

Foucault M. Discipline and Punish, Harmondsworth: Penguin, 1975; см. также рус. пер.: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Hodges A., Nilep C. (eds). Discourse, War and Terrorism. Amsterdam: John Benjamin, 2009.

Lessa I. Discursive Struggles within Social Welfare: Restaging Teen Motherhood // British Journal of Social Work. 2006. Vol. 36. No. 2. P. 283–298.

Machin D. Visual Discourses of War: Multimodal Analysis of Photographs of the Iraq Occupation // Hodges A., Nilep C. (eds). Discourse, War and Terrorism. Amsterdam: John Benjamin, 2009. P. 123–142.

Rojek C., Turner B. Decorative Sociology: Towards a Critique of the Cultural Turn // Sociological Review. 2000. Vol. 48. No. 4. P. 629–648.

МОДЕРН (MODERNITY)

Рабочее определение

Период, начавшийся в середине XVIII века, то есть в эпоху Просвещения в Европе, и продолжавшийся до середины 1980-х годов. Характеризуется процессами секуляризации, рационализации, демократизации, индивидуализации и подъемом науки.

Происхождение понятия

Слово «современный» (*modern*) может использоваться для обозначения всего нового. Противопоставление древнего и нового становится общим местом в Европе с конца XVI века [Williams, 1987]. Сама идея модернизации как придание чему-либо современного облика вызывала сопротивление вплоть до XIX века, когда отношение к ней приобрело позитивный оттенок. На протяжении первых трех четвертей XX века модернизация транспорта, жилья, социальных установок, моды и многого другого воспринималась как необходимая и прогрессивная. В социальной теории понятие «модерн» имеет гораздо более широкое значение, отсылающее к историческому периоду, начавшемуся в середине XVIII века и продолжавшемуся до 1980-х годов. Философы Просвещения поставили под сомнение традицию, авторитет религии и общепринятые верования, полагая, что прогресс человечества возможен только благодаря рациональному мышлению, науке и стремлению к свободе и равенству. Сама со-

циология есть продукт модерна. Ее цель — получить с помощью научных методов надежное знание о социальном мире для того, чтобы вмешиваться в жизнь общества и улучшать ее на благо всем.

Значение и интерпретация

Период модерна пришел на смену европейскому феодализму. «Модерн» стал своеобразным зонтичным термином для всех характерных особенностей постфеодальных обществ — для индустриализации, капитализма, урбанизации и урбанизма как способа жизни, секуляризации, установления и распространения демократии, превращения науки в непосредственную производительную силу и широкого движения к равенству во всех сферах жизни. Модерн означает также подъем рационального мышления и действия, характеризуемых бесстрастной установкой на факты в отличие от эмоционального и религиозного отношения к миру. Макс Вебер описывал этот процесс как постепенное «расколдовывание мира», распространяющееся повсюду путем расширения легально-рациональной формы капитализма.

Как социальная формация, модерн с впечатляющим успехом разрушил ограничения, сковывавшие материальное производство, способствуя невероятному росту богатства в некоторых странах и большему равенству во многих сферах человеческой жизни. На протяжении XX века многие социологи полагали, что модерн представляет социальную модель, к которой должны стремиться все нации или которую они будут вынуждены в конце концов принять. Этот общий тезис лег в основу теории модернизации. Ее самый известный вариант был предложен Уолтом Ростоу [Rostow, 1961]. Он считал, что модернизация — это процесс, прошедший несколько стадий; по мере того как общества «догоняли» ранних модернизаторов, их экономика начинала расти. Традиционные аграрные общества могут модернизироваться, отказываясь от своих давних традиционных ценностей и институтов, инвестируя в инфраструктурные проекты и новые отрасли промышленности ради будущего процветания. Постоянное инвестирование в передовые технологии ведет к более высокому уровню производства и массовому потреблению, которые, в свою очередь, создают основу для устойчиво-

го экономического роста. Несмотря на то что Гонконг, Тайвань, Южная Корея и Сингапур шли по этому пути, предложенная Росту модель сегодня кажется чересчур оптимистичной: многие страны (например, в Африке) не сумели модернизировать свои экономики таким образом.

Для некоторых теоретиков, в особенности для Зигмунта Баумана, ключ к пониманию модерна лежит в осознании отличительных черт его культуры и ментальности, которые можно сравнить с возделыванием сада [Bauman, 1987]. Ментальность модерна предпочитает порядок хаосу. Следовательно, если общество подобно буйному саду, то его запущенная и некультивируемая часть должна быть освоена и обработана. С ростом власти национальных государств и их способности возделывать сад появляются средства для достижения этой цели. Метафора возделывания сада не ограничивается национальными государствами, так как желание порядка стало обычным аспектом повседневной жизни современного человека.

Критические замечания

Основная проблема понятия «модерн» состоит в его слишком общем характере. Критики рассматривают его как описание постфактум некоторых, но отнюдь не всех, современных обществ. Более того, это понятие не может предложить объяснение *причин* модернизации. Теория модернизации также не может объяснить неуклонный рост неравенства в глобальной системе и очевидную неспособность многих развивающихся экономик уменьшить его уровень, как это предсказывалось ранее. Поскольку понятие «модерн» включает несколько ключевых социальных процессов, оно остается расплывчатым и является скорее описательным, нежели аналитическим. Неясно, к примеру, какие элементы образуют главную движущую силу процессов модернизации. Каков главный причинный фактор модернизации — капиталистическая экономика или индустриализация? Какую роль играет демократизация? Урбанизация — это причина или следствие модернизации?

Критики неомарксистского толка не согласны также с тем, что неумолимая логика модернизации будет стимулировать менее развитые общества к переходу в состояние устойчивого

роста экономики и благосостояния. Скорее, верно обратное. На глобальном уровне сравнительно бедные страны остаются в состоянии постоянной зависимости от богатого мира: их ресурсы расхищаются, население используется как дешевая рабочая сила западными мультинациональными капиталистическими корпорациями. Следовательно, не только понятие расплывчато, но и уязвим сам тезис о модернизации.

Сохраняющаяся актуальность

Постмодернистские теории о закате модерна привели к переоценке данного понятия. Некоторые социологи утверждают, что мы вступаем в период не постмодерна, а позднего или рефлексивного модерна [Giddens, 1990]. Речь идет не о траурном колокольном звоне по модерну, но о раскрытии его негативных аспектов (например, о загрязнении окружающей среды), которые дестабилизируют общественную жизнь по мере утраты прежней веры в науку и ее истинность и ослабления уважения к авторитетам. Юрген Хабермас утверждал, что теоретики постмодерна слишком рано разуверились в том, что он рассматривал как амбициозный проект модерна [Habermas, 1983], многие существенные детали которого не были полностью реализованы и должны быть скорее усилены, чем отброшены. Многое необходимо сделать для обеспечения демократического участия, уравнивания жизненных шансов в разных социальных классах, создания подлинного гендерного равенства и т.д. В итоге можно говорить о том, что модерн — это незавершенный проект, заслуживающий того, чтобы стремиться к его реализации, а не к сворачиванию.

Более современный корпус исследовательской работы основывается на понятии «множественные модерна» или «множественные современности», предполагающем критику незаконного сплава модернизации и вестернизации [Eisenstadt, 2002]. Эта идея противостоит более ранним предположениям о едином, линейном пути модерна и стандартизированной единообразной версии развития, в центре которой — модель западного общества. Эмпирические исследования процессов модернизации, шедших в различных частях мира, показывают, что эти предположения неверны. В действительности существовало множество различных путей к модерну [Wagner, 2012]. Япон-

ский модерн заметно отличается от американского, и, кажется, развивающаяся китайская модель будет также иметь свои особенности. Некоторые варианты модерна (даже в США) так и не стали, как это предсказывалось, полностью секулярными, сохранили свой религиозный характер, будучи при этом всецело индустриальными и нацеленными на постоянное технологическое развитие. Другие же (например, в Саудовской Аравии) не только явным образом религиозны, но и крайне избирательны в отношении того, что именно заимствовать у Запада, а что сохранять в качестве собственной уникальности. Похоже, программа множественных модернов дает более реалистичные оценки и может вдохнуть новую жизнь в понятие «модерн».

Литература

Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Postmodernity and Intellectuals. Cambridge: Polity, 1987.

Berman M. All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. London: Verso, 1983.

Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Eisenstadt S.N. (ed.). Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction, 2002. P. 1–30.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990.

Habermas J. Modernity — an Incomplete Project // Foster H. (ed.). The Anti-Aesthetic. Port Townsend, WA: Bay Press, 1983. P. 3–15; см. также рус. пер.: *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.

Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1961.

Wagner P. Modernity: Understanding the Present. Cambridge: Polity, 2012.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana, 1987.

ОБЩЕСТВО (SOCIETY)

Рабочее определение

Понятие «общество» используется для описания структурированных социальных отношений и институтов в большом сообществе людей, которое не может быть сведено к простой совокупности или скоплению индивидов.

Происхождение понятия

История понятия может быть прослежена начиная с XIV века, когда основными его значениями были «товарищество», «объединение». Такое ограничение значений можно до сих пор видеть в восходящем к XVIII веку употреблении это термина для описания верхних слоев общества («высшее общество»). Термин использовался также для обозначения групп людей с одинаковыми пристрастиями и взглядами, к примеру, «Общество друзей» (квакеры) или различные научные общества. Однако имелось и более общее и абстрактное значение, которое начало приобретать более строгие очертания с конца XVIII века [Williams, 1987]. Именно исходя из такого значения в XIX веке было выработано специфически социологическое понятие «общество».

Можно привести веские аргументы в пользу того, что «общество» стало ключевым понятием социологии: Эмиль Дюркгейм использовал его для учреждения новой дисциплины, имеющей дело с коллективной реальностью человеческой жизни (в отличие от изучения жизни индивидов). Дюркгейм рассматривал общество как независимую реальность, реальность *sui generis*¹, существующую на собственных основаниях и оказывающую существенное влияние на индивидов внутри ограниченной территории [Durkheim, 1984]. Концепция общества, принадлежавшая Э. Дюркгейму, занимала центральное положение в социологии на протяжении большей части XX века и стала серьезно оспариваться лишь в середине 1970-х годов. Теории формирующегося нового глобального уровня социальной реальности и теории глобализации поставили под вопрос дюркгеймовское понимание общества, сформированное, по сути, на основе национального государства. Изучение социальных процессов на глобальном уровне привлекло внимание исследователей к движению поверх государственных границ людей, товаров и культуры; с 2000-х годов раздаются голоса, предлагающие вывести социологию за пределы обществ и обратиться к потенциально более продуктивному анализу в терминах мобильности².

¹ Единственный в своем роде (лат.). — Примеч. ред.

² См. подробнее: [Urry, 2000; 2007]. — Примеч. ред.

Значение и интерпретация

В социологии понятие «общество» играло фундаментальную роль для собственной идентификации социологов. Многие словари и энциклопедии утверждают как неоспоримый факт, что социология — это наука об обществах, которые определяются как большие сообщества людей, живущих на ограниченных территориях, называемых национальными государствами. Толкотт Парсонс добавляет к этому определению еще один важный признак — способность общества к самосохранению: институты, образующие общество, должны его воспроизводить без какой-либо сторонней поддержки. Безусловно, на протяжении большей части истории дисциплины социологи изучали, сравнивали и противопоставляли друг другу определенные общества и их главные признаки; разработанные на основе этих исследований типологии показывают это со всей очевидностью. Целью давнего деления на общества Первого, Второго и Третьего мира была фиксация данных о существенных различиях в уровнях национального богатства и экономического производства во всем мире. Современные дискуссии о разных условиях и перспективах жизни в развитых и слаборазвитых странах выполняют аналогичную функцию. Подобные типологии оказались полезными для привлечения внимания к проблеме глобального неравенства, равно как и к вопросам власти. Тем не менее такие скупые описания почти ничего не говорят о неравенстве и власти *внутри* национальных государств.

Предпринималось и множество попыток понять социальные изменения путем выделения одной специфической движущей силы, что привело к появлению многочисленных теорий индустриального общества, постиндустриального общества, капиталистического общества, общества постмодерна, общества знаний, общества риска и многих других. Все эти теории социальных изменений коренятся в основанной на национальном государстве дюркгеймовской концепции общества, однако искушение экстраполировать один аспект социальных изменений в качестве определяющего на все общества показывает серьезные ограничения этой концепции.

Критические замечания

Теоретическая проблема, связанная с рассматриваемым понятием, заключается в относительно статичном, своего рода вещ-

ном характере общества. Порой это создает впечатление, что общество и индивид самостоятельны для рассмотрения. Многим социологам такой дуализм видится как бесполезный и вводящий в заблуждение. Прежде всего, это относится к Норберту Элиасу, чья исследовательская работа была описана как разновидность «социологии процесса», привлекающая внимание к изменяющимся отношениям на различных уровнях: от межличностных взаимодействий до межгосударственных конфликтов [Elias, 2000]. Элиас, возможно, был первым, кто освободился от подобных оппозиций, видя в них наследие западной философии и препятствие для социологического мышления и анализа.

С конца XX века понятие «общество» было подвергнуто еще более жесткой критике, и это связано с осознанием того факта, что наднациональные социальные силы посягают на способность национальных государств определять собственную судьбу. Глобализация породила серьезную неудовлетворенность понятием «общество», которое, как представляется, не способно отразить динамику глобальных социальных изменений. Крупные мультинациональные корпорации в настоящее время имеют прибыли, превышающие валовой внутренний продукт многих развивающихся стран, и перемещаются по всему миру в поисках дешевой рабочей силы и благоприятных экономических условий. Национальные правительства вынуждены объединяться для того, чтобы не оказаться втянутыми в «аукционы нищих», на которых торгуется создание низкооплачиваемых рабочих мест. Террористические группы (например, Аль-Каида) организуются, привлекают новых сторонников и осуществляют атаки в разных частях мира, что делает необходимой международную кооперацию для эффективной борьбы с ними. Эти и многие другие примеры показывают, что действия на наднациональном уровне становятся более важными для формирования общественной жизни, и перед исследователями возникает задача поиска способов их теоретического осмысления. Возможно, в настоящее время понятие «общество» скорее препятствует, чем способствует пониманию глобальных процессов.

Недавний пример попыток выйти за «пределы обществ» — проект «мобильностей» Джона Урри [Urry, 2007]. Автор проекта не отрицает полностью власть общества, но настаивает на существовании других могущественных сущностей, включая мультинациональные организации, региональные блоки и др.

В основе этого проекта лежит предположение, что социология должна стать наукой о мобильностях (то есть о процессах движения через национальные границы), которые играют все более важную роль в повседневной жизни людей.

Сохраняющаяся актуальность

Учитывая быстрый рост глобализации и обширный корпус исследований ее контуров и будущих направлений, некоторые специалисты утверждают, что у понятия «общество», предполагающего множество независимых национальных государств, нет будущего. Хороший пример тому — исследования Джона Урри о «мобильностях» [Urry, 2000; 2007]. Глобализация предполагает более быстрое и экстенсивное движение в мире людей, товаров, образов, финансов и многого другого, что изменяет сами способы, какими мы мыслим об обществах и их изучаем. Основной тенденцией в социологии была работа с фундаментальным понятием «общество», рассматриваемым как связанное целое, более или менее соответствующее национальному государству. Главным допущением было то, что государства являются достаточно сильными, чтобы регулировать и контролировать свое собственное развитие; тем самым национальные государства могут двигаться по различным траекториям. Однако глобальные сети и потоки становятся более эффективными и могущественными, они пересекают национальные границы, которые сейчас кажутся гораздо более проницаемыми, чем раньше. В контексте глобализации понятие общества становится менее релевантным для возникающей социологии XXI века. Задача современных социологов — разработать способы понимания разнообразных видов мобильности и того типа социальной жизни, который они производят.

Социологи, придерживающиеся противоположной парадигме мобильности точки зрения, полагают, что понятие «общество» сохраняет фундаментальное значение для современной социологии [Outhwaite, 2006]. Представление о том, что понятие «общество» не имеет большой ценности, отчасти основывается на утверждении, что национальные государства перестают играть ключевую роль в делах человека. Но это мнение не кажется убедительным. Общества, основанные на государственных образованиях, продолжают быть крупнейшими «единица-

ми выживания», способными мобилизовать огромные массы людей для защиты своей территории. Уступая отдельные элементы суверенитета крупным региональным блокам, таким как Европейский союз, государства сохраняют значительную часть своей власти. У. Аутвейт утверждает, что общество есть также коллективное представление, поэтому понятие о нем резонирует с восприятием людьми социальной реальности в той мере, в какой она проживается ими.

Литература

Durkheim E. The Division of Labour in Society. London: Macmillan, 1984 [1893]; см. также рус. пер.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Oxford: Blackwell, 2000 [1939]; см. также рус. пер.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Jenkins R. Foundations of Sociology: Towards a Better Understanding of the Human World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002 (esp. Ch. 3).

Outhwaite W. The Future of Society. Oxford: Blackwell, 2006.

Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2000; см. также рус. пер.: Урри Д. Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity, 2007; см. также рус. пер.: Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana, 1987.

ПОСТМОДЕРН (POSTMODERNITY)

Рабочее определение

Исторический период, следующий за модерном. Он менее четко определен и более плюралистичен и социально разнообразен, чем предшествующий ему модерн. Считается, что постмодерн начал развиваться в 1970-е годы.

Происхождение понятия

В социальной теории «постмодернистский поворот» начался в середине 1980-х годов, однако в культуре и искусстве понятие «постмодерн» появилось почти на 10 лет раньше. К примеру, в архитектуре родился новый стиль, использовавший элементы уже существующих стилей, в результате чего возникали необычные здания (такие как постройки Ллойда в Лондоне), которые каким-то образом «работали». Этот метод игривого смешения и соединения различных стилей был описан как постмодерн. В кинематографе странные миры были созданы режиссером Дэвидом Линчем (см. его фильм «Синий бархат», 1986), смешивающим исторические периоды и объединяющим экстремальное насилие и сексуальные девиации со старинными романтическими и моральными нарративами. Постмодерн прослеживается и в других вида искусства, а в конце 1980-х годов это понятие подхватывают и социальные науки.

Ключевой работой о постмодерне стало «Состояние постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара, в которой он формулирует тезис о том, что характерные черты общества модерна утратили свое центральное значение [Lyotard, 1984]. Так, наука, говорит Лиотар, игравшая доминирующую роль в эпоху модерна, лишилась своей легитимности, поскольку люди начинают стремиться к другим, более локальным, формам знания, например, древним народным знаниям или религиозным и обыденным верованиям. Смещение научного знания с центральных позиций, по Лиотару, является симптомом возникновения общества постмодерна. Среди исследователей, труды которых оказали значительное влияние на теорию постмодерна, можно также назвать Зигмунта Баумана [Bauman, 1992; 1997] и Жана Бодрийера [Baudrillard, 1983; 1995].

Значение и интерпретация

Теория постмодерна разнообразна, а его теоретики отдают предпочтение различным элементам, так или иначе связанным с предполагаемым сдвигом к обществу постмодерна. Одним из главных объектов критики со стороны большинства постмодернистов является попытка социальных теоретиков — от О. Конта и К. Маркса до Э. Гидденса — определить направление и форму

истории. Для этих теоретиков процесс исторических изменений структурирован и имеет определенную и прогрессивную направленность. В марксистской теории, к примеру, прогрессивное движение направлено от капитализма к более эгалитарным обществам социализма и коммунизма. Однако постмодернисты отвергают подобное большое теоретизирование.

Доверие, которое до этого люди оказывали научному знанию, политической власти и прогрессу человечества, стало разрушаться по мере того, как страхи возможной ядерной войны или экологической катастрофы наряду с продолжающимися конфликтами и случаями геноцида пробили цивилизованную оболочку общества модерна. Лиотар описывает эти процессы как разрушение метанарративов — больших повествований о непрерывном прогрессе, который оправдывал уважение к ученым, экспертам и профессионалам. Мир же постмодерна плюралистичен и разнообразен. Его олицетворением служит Всемирная паутина, кишашая образами, изображениями и другими материалами почти любой культуры мира. Веб-сёрфинг может стать опытом случайного и произвольного, так как в Сети мы сталкиваемся с широким кругом ценностей и идей, сильно отличающихся от наших собственных. Такой потенциально дезориентирующий опыт типичен для культуры постмодерна, насыщенной массмедийным контентом.

Жан Бодрийяр утверждает, что медиа разрушили наши отношения с прошлым, создав хаотичный, пустой мир, в котором на общество оказывают влияние, прежде всего, знаки и образы. Для Бодрийяра подъем массмедиа размывает границы между реальностью и ее представлением, оставляя лишь гиперреальность, в которой мы и живем. В гиперреальном мире наше восприятие событий и понимание нами социальных процессов становится во все большей степени зависимыми от массмедиа — например, от телевидения. Цель провокационных работ Бодрийяра «Войны в заливе не будет» и «Войны в заливе не было» — показать, каким образом первичные события реального мира (например, военные действия в Кувейте) и вторичные медиасообщения о них составляли части одной гиперреальности [Baudrillard, 1995].

Продуктивный способ размышления о постмодернистских идеях в социологии — это различение между основными догматами постмодернистов о социальных изменениях и способ-

ностью социологической теории их описывать и объяснять. Быстрый рост и распространение массмедиа, новые информационные технологии, увеличение передвижений через национальные границы, исчезновение классовой идентичности и возникновение мультикультурного общества — все эти изменения, по мнению постмодернистов, ведут к заключению, что мы больше не живем в мире модерна, упорядоченном национальными государствами. Модерн мертв, и мы вступаем в эру постмодерна. Тогда встает вопрос: может ли современная (*modern*) социология быть адекватным инструментом для анализа мира постмодерна, то есть существует ли *социология постмодерна*? Или все постмодернистские изменения настолько радикальны, что понятия и теории модерна для их исследования совершенно неприменимы? Нужна ли нам *постмодернистская социология* для изучения мира постмодерна?

Критические замечания

У теории постмодерна есть множество критиков. Некоторые социологи утверждают, что теоретики постмодерна — это пессимисты и капитулянты, настолько потрясенные темной стороной модерна, что готовы выбросить за борт и его позитивные аспекты. Тем не менее у эры модерна есть и очевидные преимущества: ценность равенства, индивидуальная свобода и рациональные подходы к социальным проблемам. Существуют социальные изменения, описываемые в теории постмодерна, которые слабо подтверждены эмпирическими исследованиями. К примеру, изображение о том, что социальный класс и другие формы коллективной организации уже не структурируют жизнь общества, отдавая человека на милость образам массмедиа, является сильным преувеличением. Несмотря на то что сейчас есть и другие источники для формирования человеческой идентичности, социальный класс остается ключевой детерминантой социальной позиции человека и его жизненных шансов [Callinicos, 1990].

Аналогичным образом, очевиден тот факт, что медиа играют гораздо более важную роль, чем в предыдущие исторические периоды, однако из этого вовсе не следует, что люди пассивно «впитывают» медиаконтент. Множество исследований показывают, что телезрители, к примеру, активно воспринимают и интерпретируют медиаконтент, осмысливая его по-своему.

С изобретением Всемирной паутины появилось множество альтернативных источников информации и развлечений, которые основываются на взаимодействиях между производителями и потребителями, создающих множество критических комментариев и переоценок господствующих медиапродуктов. Наконец, даже если некоторые изменения, предполагаемые постмодернистами, все же подлинны и значимы, очевидность их вклада в радикальный сдвиг в сторону от модерна остается, тем не менее, предметом множества теоретических споров.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «постмодерн» было обречено на то, чтобы стать предметом острых дискуссий, поскольку сама социология укоренена в модернистском подходе. Какая нужда будет в социологической науке, если мы оставим попытки понимания и объяснения социальной реальности и не будем применять получаемые знания для ее улучшения? Тем не менее теория постмодерна оказала долговременное воздействие на развитие дисциплины. Открытие множества точек зрения и различных интерпретаций одной и той же социальной реальности означает, что социологи больше не могут принимать как неproblemатичное существование в обществе общей культуры и коллективных ценностей, а должны быть чувствительными к культурному многообразию.

Джим Макгиган предлагает интересный подход к дебатам вокруг модерна и постмодерна [McGuigan, 2006]. Он утверждает, что современные общества с культурной точки зрения должны рассматриваться как общества постмодерна, но в других аспектах глобальный модерн, особенно капиталистическая экономика, остается незатронутым. Иными словами, мы не живем в эру постмодерна и не держим курс на нее, но имеем множество примеров культуры постмодернизма. Постмодернизм не ограничен небольшим художественным авангардом, но может быть обнаружен в глобальных культурных продуктах (так же как в академических и философских идеях). Подобно Ф. Джеймисону [Jameson, 1991] и другим теоретикам, Макгиган полагает, что модерн и постмодерн не противостоят друг другу, а взаимодополняемы. После того как стандартизованное производство, обеспечиваемое фордистскими промышленными методами, уступило в 1970-х годах место нацеленным на разнообразие

производствам для нишевых рынков, индивидуализированная плюралистичная культура постмодерна кажется подходящей для возникающего способа производства.

Литература

Baudrillard J. Simulations. New York: SemioTex(e), 1983; см. также рус. пер.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.

Baudrillard J. The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995; см. также рус. пер.: *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.

Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.

Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. Cambridge: Polity, 1997.

Callinicos A. Against Postmodernism: A Marxist Critique. Cambridge: Polity, 1990.

Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991.

Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2005.

Liotard J.-F. The Postmodern Condition. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984; см. также рус. пер.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

McGuigan J. Modernity and Postmodern Culture. 2nd ed. Buckingham: Open University Press, 2006.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (*RATIONALIZATION*)

Рабочее определение

Длительный социальный процесс, в ходе которого традиционные идеи и верования замещаются методическими правилами и формальным, в терминах цели и средств, мышлением.

Происхождение понятия

Действовать рационально означает действовать разумно и продумывать поступки и их последствия до их совершения. Возникшая в XVII веке философская доктрина, известная как рационализм, противопоставляла знание, основанное на разуме и мышлении, знанию, укорененному в религиозных верованиях, и приобретенной мудрости. Несомненно, что рациональность

происходит из связи мышления, действия и производства знания. В социологии теория рационализации в обществе отсылает прежде всего к процессу, а не к фиксированному состоянию вещей, и является центральной в работах Макса Вебера. Для Вебера рационализация и устранение магического представляют собой длительный всемирно-исторический социальный процесс, который является фундаментом любого реалистического понимания отличительных особенностей модерна. В относительно недавних исследованиях дебаты были сфокусированы на том, остановился ли процесс рационализации в виду нового подъема религиозных и духовных верований или же он продолжается, хотя и в других формах.

Значение и интерпретация

Поскольку тезис Вебера о рационализации стал весьма влиятельным в социологии, мы сконцентрируем наше внимание на нем, а не на философских аргументах относительно разума и рационализма. Рационализация — это процесс изменений, начавшийся на Западе, в ходе которого все большее число аспектов общественной жизни стали определяться расчетами целей и средств их достижения и вопросами эффективности, что резко контрастирует с предшествующими периодами, когда традиционные практики, действия согласно обычаям и эмоциональные привязанности господствовали над человеческим мышлением и деятельностью. Вебер рассматривал рационализацию как процесс, который консолидировался не только развитием капиталистической экономики и ее потребностью в рациональных расчетах и измерениях, но и ростом научных институтов, продвигавших рациональное мировоззрение, а также бюрократией, которая стала господствующей и наиболее эффективной формой организации.

Вебер обсуждает рациональность в терминах ее четырех основных типов: практическая, теоретическая, субстанциальная и формальная [Kallberg, 1985]. Практическая рациональность наблюдается тогда, когда люди находятся в обычной для себя ситуации и их действия направляются, по существу, прагматическими соображениями о том, как эту ситуацию наилучшим способом использовать. Теоретическая рациональность имеет место, когда люди пытаются «овладеть реальностью» путем ос-

мысления собственного опыта, в поисках смысла жизни. Философы, религиозные лидеры, политические мыслители и теоретики права могут рассматриваться как выразители теоретической рациональности. Субстанциальная рациональность управляет действиями, используя набор ценностей в какой-либо сфере общественной жизни. К примеру, дружеские отношения, как правило, подразумевают взаимное уважение, преданность и взаимопомощь; именно этот ценностный набор регулирует человеческие действия в данном случае.

Четвертый веберовский тип, формальная рациональность, основан на расчете наиболее эффективных средств достижения определенных целей в контексте ряда общих или универсальных законов и правил. Рационализация в западных обществах предполагает рост и проникновение формальной рациональности и расчета во все большее количество областей общественной жизни по мере того, как бюрократия становится наиболее распространенной формой организации. Экономические решения являются в данном случае образцовой формой, хотя расчет целей и средств становится общим местом и во многих других сферах жизни. Рационализированная западная музыка, к примеру, использует универсальную систему нотации и измерения ритмических и тональных различий. Она кодифицируется и записывается, что позволяет каждому, кто способен прочесть ноты и владеет музыкальным инструментом, исполнить произведение выдающихся гениев. Музыка начинает определяться правилами, поддается счислению и становится более прогнозируемой, менее спонтанной, но и менее свободной и более предсказуемой.

По мере расширения капитализма и государственной бюрократии формальная рациональность постепенно встраивается в главные общественные институты, вытесняя иные формы. Вебер был прав, говоря о том, что данные процессы носят перманентный характер, так как безличная бюрократическая форма администрирования, которая была принята в офисной среде, на рабочих местах и в государственных учреждениях, является просто самым эффективным разработанным на данный момент методом организации. Путем вытеснения всех личных пристрастий и эмоциональных связей бюрократия обеспечивает занятие должностей самым квалифицированным работникам, а карьерный рост основывается на демонстрации компетентно-

сти и трудовых показателях. (Но необходимо помнить, что речь идет об идеальном типе!) Аналогичным образом, ведение двойной бухгалтерии, ассоциирующееся с капиталистическим производством, ориентированным на прибыль (с записью прихода и расхода) создает расчетливую ментальность, поощряющую инструментальное рациональное действие и, поскольку капиталистические компании становятся все больше, а их география расширяется, эффективное администрирование приобретает все большую важность как условие их существования.

Несмотря на то что Вебер полагал распространение формальной рационализации неизбежным, он также отчетливо видел в этом некоторые опасности. Стремление к эффективности и технический прогресс порождают обезличенность в обществе, которое становится внешней силой, контролирующей жизнь человека. Согласно одному из тезисов Вебера, общество заковывает себя в «железную клетку», перспектив выбраться из которой нет. Еще одно важное последствие рационализации — тенденция к доминированию средств над целями. Бюрократия — это средство для достижения таких целей, как эффективное обслуживание граждан, хорошо организованная система здравоохранения и социального обеспечения. Но со временем ее власть растет, бюрократия начинает жить своей жизнью, из слуги превращается в господина. Вебер рассматривает подобные процессы как рационализацию с иррациональными результатами, что можно наблюдать во многих сферах общества.

Критические замечания

По Веберу, рационализация не ведет с неизбежностью к прогрессивному развитию. Она может приводить и к противоположным результатам, и к новым социальным проблемам. Существует критика самого тезиса о рационализации. Несмотря на то что в мировой экономике продолжает господствовать капитализм, степень доминирования бюрократии в ее традиционной форме может быть поставлена под вопрос. За последние годы произошел рост более свободных форм организации, основанных в большей мере на сетевой структуре, чем на иерархической модели, описанной Вебером [Dijk, 2012]. Вопрос состоит в том, обеспечивают ли подобные сетевые организации наличие формальной рациональности. Рационализация также

связана с судьбой религии, но некоторые социологи утверждают, что религия, весьма далекая от того, чтобы сдать свои позиции, переживает, напротив, в конце XX века возрождение (возникновение религиозного фундаментализма, телеевангелизма и новых религий). Является ли это повторным околдовыванием мира, вступающим в противоречие с тезисом Вебера о рационализации?

Сохраняющаяся актуальность

Учитывая подъем постмодернизма в середине 1980-х годов и его критическую направленность, тезис Вебера о рационализации может показаться устаревшим, поскольку доверие к научному знанию ослабло, а повторное околдование мира, кажется, возрастает [Gane, 2002]. Однако тезис Вебера оказался чрезвычайно продуктивным и приложимым к современным социальным изменениям [Cook, 2004]. Два исследования сыграли важную роль в распространении и обновлении оригинальных идей Вебера. В работе «Актуальность Холокоста» Зигмунт Бауман отвергает аргументы, в соответствии с которыми нацистская политика и массовые убийства еврейского населения были, по существу, варварским (*uncivilized*) отклонением от основного направления модерна [Bauman, 1989]. Бауман показывает, что Холокост был бы невозможен без рационального, бюрократического управления, которое организовало транспортировку и учет, а также действия преступников и жертв. В этом смысле процессы рационализации не создают с неизбежностью защиту от варварства. Скорее, в соответствующем контексте они его усиливают.

Джордж Ритцер применил тезис рационализации к ресторанам быстрого питания [Ritzer, 2007]. Он отметил, что во времена Вебера бюрократическая организация представлялась идеально-типическим проводником для дальнейшей рационализации. К концу XX века таким проводником стали повсеместно распространенные сетевые рестораны быстрого питания, типа «Макдоналдс», чья стандартизированная продукция, высокоэффективное обслуживание, измеримые целевые показатели и единообразный потребительский опыт репрезентируют проникновение рационализации в самое сердце обществ потребления. Модель сети «Макдоналдс» была взята на вооружение

во многих сферах бизнеса и управления. Но, как утверждает Ритцер, подобная рационализация производит внутри себя собственные иррациональности: персонал деквалифицируется, его работа рутинизируется, опыт посетителей обедняется, отходы загрязняют местную среду. В рациональном стремлении уменьшить хаос и неопределенность процесс макдоналдизации создает новый тип «железной клетки».

Литература

Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Cambridge: Polity, 1989; см. также рус. пер.: *Бауман З.* Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010.

Cook C. Who Cares about Marx, Durkheim and Weber? Social Theory and the Changing Face of Medicine // *Health Sociology Review*. 2004. Vol. 13. No. 1 (September). P. 87–97.

Dijk J. van. The Network Society. 3rd ed. London: Sage, 2012.

Gane N. Max Weber and Postmodern Theory: Rationalization versus Re-Enchantment. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.

Kalberg S. Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 85. No. 5. P. 1145–1179.

Ritzer R. The McDonaldisation of Society. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2007; см. также рус. пер.: *Ритцер Д.* Макдоналдизация общества 5. М.: Праксис, 2010.

СТРУКТУРА — ДЕЙСТВИЕ (STRUCTURE/AGENCY)

Рабочее определение

Понятийная дихотомия, укоренная в попытках социологов понять относительное равновесие между влиянием общества на индивида (структура) и свободой индивида действовать и формировать общество (действие).

Происхождение понятия

Несмотря на то что вопросы свободы воли человека были частью философских дискуссий на протяжении многих веков, в социологии они были переведены в проблему действия и структуры. Собственно, проблема является прямым результатом утверждения ранних социологов, что существуют общество и

социальные силы, ограничивающие выбор и свободу индивида. Герберт Спенсер и Огюст Конт рассматривали социальные структуры как группы, коллективы и совокупности индивидов, но именно дюркгеймовская идея социального факта и общества как целого, существующего на собственных основаниях, определила главную тему новой дисциплины. Возникший тип социологии сделал акцент на том, как индивиды создаются и формируются социальными структурами, которые являются внешними по отношению к ним и находятся вне их контроля. В рамках функционализма XX века Толкотт Парсонс разработал теорию действия, которая рассматривала социальные структуры менее вещно и сближала их с паттернами нормативных ожиданий и установками, управляющими допустимым поведением.

К 1960-м годам маятник качнулся в сторону от теорий структуры. Деннис Ронг и другие исследователи утверждали [Wrong, 1961], что структуралистские идеи оставили слишком мало места для творческих действий индивида, и многие социологи обратились к концепциям, больше сфокусированным на действии, таким как символический интеракционизм, феноменология и этнометодология. Этот сдвиг был частью возникавшего тогда теоретического плюрализма, который современными студентами-социологами воспринимается как нормальное положение дел. При этом с 1980-х годов предпринимались попытки теоретически интегрировать действие и структуру. Характерными для такого подхода являются работы М. Арчер [Archer, 2003], П. Бурдьё [Bourdieu, 1986], Э. Гидденса [Giddens, 1984] и Н. Элиаса [Elias, 2000].

Значение и интерпретация

«Структура — действие» является одной из нескольких связанных понятийных дихотомий в социологии, включая такие как «макро — микро» и «общество — индивид». Различие между структурой и действием, вероятно, самое устойчивое деление, что заставило Алана Доу [Dawe 1971] говорить о существовании «двух социологий» с противоположными предметами, исследовательскими методами и стандартами подтверждения. Даже для тех, кто не склонен вдаваться в подробности, очевидно, что дихотомия «структура — действие» основополагающа для практики социологического исследования.

Может показаться, что исследователи социальной структуры рассматривают крупномасштабные феномены на макроуровне, игнорируя действия отдельного индивида, в то время как исследователи действия фокусируются на индивидуальных поступках на микроуровне. Это неплохое эмпирическое правило, но структурированные взаимодействия и отношения на микроуровне предполагают исследование индивидуальных действий; и наоборот, можно утверждать, что не только индивиды, но и коллективные сущности, такие как профсоюзы, социальные движения и корпорации, способны действовать и тем самым совершать творческие акты, формирующие социальную жизнь. Следовательно, между дихотомиями «структура — действие» и «макро — микро» нет полного соответствия.

Такие социальные структуры, как классовая система, семья или экономика, образованы устойчивыми социальными взаимодействиями, которые могут со временем меняться. К примеру, классовая система претерпела существенные изменения в результате общего увеличения уровня доходов, появления конкурирующих форм идентичности (таких как гендер или этничность) и создания новых форм занятости и найма. Однако эта система остается классовой: человек рождается в ней, и именно она оказывает главное влияние на его жизненные шансы. Аналогично, институт семьи сейчас сильно отличается от того, каким он был полвека назад, так как общество приобрело мультикультурный характер, больше рабочих мест стали занимать замужние женщины, а количество разводов резко увеличилось; но семья продолжает осуществлять важнейшие функции социализации, обеспечивая необходимую для жизни подготовку. На общем уровне социальные структуры создают порядок и организуют различные сферы внутри общества.

Для некоторых исследователей принять понятие «социальная структура» довольно трудно: в лучшем случае социальные структуры — это эвристические понятия, сконструированные фикции, созданные социологами специально для содействия собственным исследованиям; в худшем — реификация, незаконная конкретизация того, что в действительности является изменчивыми множествами социальных отношений. Ключевой элемент интеракционизма — интерпретация ситуаций, на которые влияют другие и которые подразумевают определенную рефлексивность. Отсюда следует, что неизменные организую-

щие структуры, предлагаемые теоретиками, текучи, непостоянны и открыты к переменам. Сравнительно мирная, мягкая, или «бархатная», революция 1989 года в Чехословакии показывает, насколько быстро по видимости прочные социальные структуры и институты могут разрушиться в результате творческого действия индивидуальных или коллективных агентов.

Разделение на «две социологии» может рассматриваться как проблема для дисциплины, поскольку изучение действия без структуры и структуры без действия сведет социологическое воображение к неполным описаниям социальной реальности. Решение видится в нахождении продуктивного способа соединения структуры и действия, который сохранил бы достоинства обоих понятий, но при этом позволил бы выйти за пределы их дихотомии.

Критические замечания

Один из способов переформулирования проблемы был предложен К. Марксом: люди действительно делают историю (действие), но в условиях, которые не являются предметом их свободного выбора (структура). Теория структуризации Гидденса кое-чем обязана этой идее [Giddens, 1984]. Для Гидденса структура и действие предполагают друг друга. Структура *способствует* действию, а не просто ограничивает его. Она делает возможной творческую активность, но повторяющиеся действия множества индивидов работают на воспроизводство и трансформацию социальной структуры. В центре теории Гидденса находятся социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени, и именно благодаря им воспроизводятся социальные структуры. Однако Гидденс рассматривает структуру не как абстрактные, господствующие внешние силы, а как правила и ресурсы, делающие возможным воспроизводство социальных практик во времени. Эта дуальность структуры есть способ переосмысления предшествующей дихотомии.

Теория Пьера Бурдьё также стремится перекинуть мост между структурой и действием. Для этого Бурдьё использует понятие «практика». Люди обладают внедренными усвоенными ментальными структурами (габитус), позволяющими им иметь дело с социальным миром и понимать его. Габитус есть продукт длительного периода обживания социального мира исходя из

определенной позиции (например, классового положения). Индивидуальные габитусы поэтому в значительной степени разнятся. Как и Гидденс, Бурдьё рассматривает множество практик, проистекающих из этой разницы, но для него практики всегда имеют место внутри «поля», то есть внутри некоторой сферы общественной жизни (искусство, экономика, политика, образование и т.д.). Поля — это арены конкурентной борьбы с использованием различных ресурсов (типов капитала). Таким образом, в этой модели структура и действие также рассматриваются не как противоположные, а как неразрывно связанные.

Сохраняющаяся актуальность

Вряд ли проблема структуры и действия будет когда-либо решена к всеобщему удовлетворению. В недавних теоретических исследованиях заметно, что Гидденс работает, скорее, из перспективы действия, в то время как подход Бурдьё ближе к структурному. Будет ли достигнута подлинная интеграция, вопрос спорный. В будущем более эмпирические и исторические исследования, возможно, прольют свет на относительное равновесие структуры и действия в определенные исторические периоды, в отдельных обществах и сферах социальной жизни.

Например, в ходе сравнительного эмпирического исследования перехода из школы на работу в Канаде и Германии были изучены решения молодых людей продолжить образование в университете или пройти профессиональное обучение [Lehmann, 2007]. Отвергая представление о том, что структуры, такие как социальный класс, разрушились, расчистив дорогу крайне индивидуализированным формам идентичности, это исследование показало, что социальные структуры продолжают иметь важнейшее значение в формировании шансов и возможностей, доступных человеку. Однако структура не определяет полностью габитус и диспозиции людей. В. Леманн говорит об активном вовлечении молодежи в структурный, институциональный, исторический и культурный контексты, формирующие восприятие собственной позиции в социальной структуре. Результатом становится решение и выбирается дальнейший путь. Вместо «обучения труду», как это было в знаменитом исследовании воспроизводства классов П. Уиллиса [Willis, 1977], молодые люди «выбирают работу».

Литература

Archer M. Structure, Agency and the Internal Conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge & Kegan Paul, 1986.

Dawe A. The Two Sociologies // British Journal of Sociology. 1971. Vol. 21. No. 2. P. 207–218.

Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Oxford: Blackwell, 2000 [1939]; см. также рус. пер.: *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity, 1984; см. также рус. пер.: *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.

Krieken R. van. Norbert Elias. London: Routledge, 1998 (esp. Ch. 3).

Lehmann W. Choosing to Labour: School-Work Transitions and Social Class. Montreal; Kingston: McGill-Queens University Press, 2007.

Parker J. Structuration, Buckingham: Open University Press, 2005.

Swingewood A. A Short History of Sociological Thought. 3rd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000 (esp. Ch. 9).

Willis P. Learning to Labour: How Working-Class Kids Get Working-Class Jobs. London: Saxon House, 1977.

Wrong D. The Over-Socialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. No. 2 (April). P. 183–193.

Тема 2. Действовать социологически

ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП (*IDEAL TYPE*)

Рабочее определение

Создаваемый исследователем «чистый» конструкт социального явления, выделяющий только некоторые из его главных аспектов. Используется для установления сходств и различий между конкретными фактами реального мира.

Происхождение понятия

Понятие «идеальный тип» было разработано Максом Вебером и является частью его метода исследования социального действия как формы социологии. Для Вебера понимание и объяснение социальной жизни методами естественных наук были невозможны. Человек, в отличие от других живых существ в природе, создает смысловую среду, и для понимания его индивидуальных действий необходимо поместить их в контекст этой социальной среды. Разумеется, люди создают организации и социальные институты, которые рассматриваются многими социологами в качестве главного объекта исследования, однако Вебер полагал, что полное описание социальных феноменов предполагает их понимание на уровне индивидуального действия [Weber, 1949]. Этот подход получил название «понимающая социология». Вебер использовал его для изучения происхождения капитализма, его ключевых аспектов и связи с религиозными верованиями, типов экономической жизни в различных обществах, видов господства и лидерства, а также форм организации общества в разные исторические периоды. Конструирование идеальных типов было важным элементом веберовского метода, позволявшим соединять вместе макро- и микроуровни социологического анализа.

Значение и интерпретация

Идеальные типы являются конструктами. Это значит, что они созданы самими исследователями на основе их интереса к опре-

деленному социальному явлению. К примеру, мы можем сконструировать идеальный тип социализма, демократии, киберпреступности, общества потребления или моральной паники. Однако цель создания конструкта заключается отнюдь не в соединении как можно большего количества аспектов явления для его точного изображения. Вебер утверждал, что социология не может копировать экспериментальные методы естественных наук, поэтому необходимо отыскать другие способы получения обоснованных знаний об обществе, и идеальный тип — один из полезных инструментов, позволяющих это сделать.

Так, если мы хотим понять «новый терроризм» сети Аль-Каида или самопровозглашенного Исламского государства, можно путем наблюдения установить некоторые его типичные аспекты — глобальные связи, свободные организационные формы, различные цели и готовность использовать экстремальные виды насилия против гражданских объектов. Затем, на основе этих характеристик, можно построить идеальный тип. Разумеется, реальные случаи нового терроризма не исчерпываются указанными чертами, а в некоторых случаях одна или несколько черт могут отсутствовать вовсе. Например, в действия Исламского государства в Сирии и Ираке входило создание эффективной армии (а не подвижной сети), преуспевшей во временном захвате и удержании территорий. Однако при создании идеального типа мы намеренно создаем одностороннюю модель, чистую форму, которая, возможно, не существует или никогда не будет существовать в реальности. Действия людей, ячеек и организаций могут отклоняться от построенного нами идеального типа. Однако суть этого упражнения в том, чтобы выдвинуть на первый план логически сконструированную форму нового терроризма, позволяющую сравнивать его с предыдущими формами и с большей легкостью устанавливать важные сходства и различия между реальными случаями терроризма. Идеальные типы — это эвристические инструменты, которые социологи используют для выработки гипотез и проведения сравнений.

Идеальный тип похож на точку зрения, с которой ведутся наблюдения за социальным миром, ориентир, позволяющий исследователю начать формулировать некоторые реалистические вопросы об изучаемых явлениях. Нельзя поэтому утверждать, что идеальные типы истинны или ложны. По Веберу, идеаль-

ные типы не должны — подобно научной гипотезе — проходить процедуру эмпирической проверки и соответственно фальсифицироваться в случае обнаружения контрпримеров. Значение идеальных типов состоит в тех исследованиях, которые они позволяют провести, и во вкладе в их осмысление. Если идеальные типы не способствуют лучшему пониманию реальности и не содействуют постановке новых исследовательских вопросов и тем, они бесполезны, от них следует отказаться.

Критические замечания

Критики Вебера настаивают на ограничениях применения идеальных типов в социологии. Норберт Элиас, например, саркастически заметил, что было бы странно заниматься конструированием идеальных типов в то время, как мы вместо этого могли бы изучать реальные типы и эмпирические случаи. Подобная критика кажется справедливой, хотя необходимо помнить, что идеальные типы — лишь часть предварительных этапов работы, которая затем перейдет в надлежащее эмпирическое исследование.

Проблема идеальных типов лежит, скорее, в плоскости их использования, нежели в самом понятии. То, что вначале разрабатывается как эвристический инструмент понимания, зачастую быстро преобразуется в реальную характеристику, которую необходимо отстаивать. Иначе говоря, вымышленный идеальный тип начинают рассматривать как эквивалент реального социального явления, и, вместо того чтобы содействовать его пониманию, он становится препятствием на пути его изучения. Толкотт Парсонс обнаружил подобное «соскальзывание» в работе самого Вебера о капитализме, при переходе от конструкта к уникальной исторической форме. По мнению Парсонса, понятие «идеальный тип» полезно в случае установления общих аспектов социальных явлений для сравнительных исследований, но оно менее пригодно при изучении уникальных исторических периодов и культур, требующих обстоятельных эмпирических исследований.

Сохраняющаяся актуальность

Идеальные типы продолжают использоваться в социологии, особенно в случае возникновения новых социальных явлений. Со-

циологи, изучающие новые социальные движения, новый терроризм или новые войны, создали идеальные типы исследуемых явлений, которые затем используют в ходе изучения конкретных случаев. К примеру, новые социальные движения в 1980-х годах теории расценивали как имеющие относительно свободную организацию, включающие преимущественно новый средний класс, использующие символические формы прямого действия для привлечения общественного внимания к новым проблемам вроде экологических. Подобная идеально-типическая модель подверглась безжалостной критике: историческим социологам — таким как Крейг Калхун [Calhoun, 1993] — не составило труда найти социальные движения, подпадающие под определение «новые», и в XIX веке. Тем не менее, не имея исходный идеальный тип, направляющий последующие исследовательские усилия, нельзя было бы прийти к нынешнему, более реалистичному пониманию новых движений. Это хороший пример сохраняющейся значимости идеального типа как эвристического инструмента, стимулирующего исследование и помогающего социологам достичь лучшего понимания социальных явлений.

Критикуя разновидность классового анализа, выстраивающегося на основе классовой схемы Джона Голдторпа, К. Прэнди отмечает некоторые сходства этой схемы с веберовскими идеальными типами и их проблемами [Prandy, 2002]. Многие эмпирические исследования социальных классов с необходимостью должны суммировать целые серии характеристик в идеально-типические классовые категории. В определенном смысле данная процедура аналогична обобщению стереотипов в общественной жизни: в обоих случаях получаемые в результате типы неизбежно оказываются чрезмерными упрощениями, которые не эквивалентны реальным классовым группам. Проблема, которую видит Прэнди, заключается поэтому в том, что построенные на подобном типе анализа теории защищены от эмпирической фальсификации. В его статье исследуются возможные альтернативы этому стандартному методу.

Литература

Calhoun C. “New Social Movements” of the Early Nineteenth Century // Social Science History. 1992. Vol. 17. No. 3. P. 385–427.

Hekman S.J. Weber, the Ideal Type and Contemporary Social Theory. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2006 [1983].

Parkin F. Max Weber. Rev. ed. London: Routledge, 2009 (esp. Ch. 1).

Prandy K. Ideal Types, Stereotypes and Classes // *British Journal of Sociology*. 2002. Vol. 53. No. 4. P. 583–601.

Weber M. Objectivity in Social Science and Social Policy // Shils E.A., Finch H.A. (eds). *The Methodology of the Social Sciences*. New York: Free Press, 1949. P. 50–112 [1904]; см. также рус. пер.: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И (ИЛИ) КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ (QUALITATIVE/QUANTITATIVE METHODS)

Рабочее определение

Базовое разделение между подходами к исследованию; теми, что стремятся к доскональному знанию путем проникновения в мышление субъекта и процессы принятия решения (качественные методы), и теми, что широко используют измерения для количественной характеристики социальных явлений (количественные методы).

Происхождение понятия

Количественные исследования занимали центральное место в социологии с самого начала. Использование Э. Дюркгеймом официальной статистики для измерения уровня самоубийств и сравнения этого уровня по странам является стандартной техникой социологического исследования. Учитывая распространенные в XIX веке стремления утвердить социологию как науку об обществе, вряд ли можно считать удивительным тот факт, что социологи обратились к количественным методам, обещавшим точные и надежные измерения. Подобные методы, помимо всего прочего, открывали возможности для сравнительных и исторических исследований, которые могли бы показать масштаб (одновременно временной и пространственный) социальных изменений.

Качественные исследования начинались как узкоспециальные, выполняя роль подсобного рабочего для предположитель-

но более значимых и масштабных количественных исследований. Качественные методы работы зачастую рассматривались в качестве важной предпосылки, которая принимала форму небольшого пилотного исследования, предпринятого с целью прояснения значений. С 1970-х годов ситуация начала меняться и качественные методы постепенно стали восприниматься как самостоятельные методы исследования. Для растущего числа современных социологов качественные методы превосходят количественные, будучи более подходящими и адекватными для изучения человека и социальной жизни.

Значение и интерпретация

Количественные исследования обычно позволяют получить информацию в форме чисел или процентов для оценки масштаба социальной проблемы или доли населения, разделяющего схожие установки. Описательная статистическая информация, несомненно, важна, помогая нам создавать точную картину общества. Какова доля рабочего класса в обществе? Каков процент замужних женщин среди работающих по найму? Какое количество людей убеждено в реальности глобального потепления? Ответы на все эти вопросы требуют количественных исследований, предполагающих в типичном случае отбор репрезентативных групп населения. Их изучение позволяет получить общие заключения. Обычно выборки, используемые в количественных исследованиях, гораздо больше тех, с которыми работают качественные исследования, что делает возможным статистическую проверку.

Количественные методы могут быть продвинуты дальше путем использования индуктивного статистического анализа, направленного на получение общих выводов о данных (например, на основе вероятности того, что установленное внутри выборки различие между группами достоверно, а не просто случайно). Индуктивная статистика широко используется в дискриминантном анализе, когда социологи пытаются установить, какие переменные, между которыми обнаруживаются корреляции, связаны причинно-следственными отношениями. В последнее время проведение подобных исследований значительно упростилось в связи с разработкой компьютерных программ (на-

пример, вездесущего SPSS¹), которые делают более легкой обработку исходных данных и автоматизируют вычисления. Как ни странно, развитие подобных технологий совпало по времени с поворотом к качественным методам в социологии.

Качественные исследования включают следующие методы: фокус-группы, этнографическое наблюдение, полуструктурированные и неструктурированные опросы, личное интервью, включенное наблюдение, биографическое исследование, устные истории, анализ нарративов, «приземленную теорию» (*grounded theory*) и истории жизни. При помощи этих методов социологи пытаются понять, как проживается социальная жизнь и как люди интерпретируют собственную социальную позицию, придавая ей смысл. Коротко говоря, смысл качественного анализа — постичь качество человеческой жизни, а не измерить форму или численность общества в целом. Одно из направлений, где качественные методы имели успех, — это предоставление голоса непредставленным и уязвимым социальным группам. Исследования бездомности, членовредительства, домашнего насилия, детских переживаний и многого другого извлекли немалую пользу из качественных методов, спроектированных так, чтобы позволить маргинализированным группам говорить свободно.

Еще одно преимущество качественных методов состоит в возможности усиления обоснованности выводов исследования. В процессе интервьюирования или этнографического наблюдения ученые могут рассказать людям, принимающим участие в исследовании, о том, как они интерпретируют их ответы, и спросить о корректности интерпретации. После интервью может быть проведено его обсуждение, позволяющее исключить любое возможное непонимание. В подходе, известном как «приземленная теория», традиционный дедуктивный метод, включающий построение гипотез, которые затем проверяются эмпирически, оказывается перевернутым с ног на голову, так как исследователь накапливает данные в форме записей интервью прежде, чем обращается к их систематизации и классификации, кодированию и категоризации, и прежде, чем приступает к созданию понятий и теорий, которые должны, как говорится, «появиться» из данных. Все эти взаимодействия показывают

¹ Statistical Package for the Social Sciences (англ.) — Статистический пакет для социальных наук. — Примеч. ред.

скорее активную вовлеченность всех участников в процесс исследования, чем строгое разделение между исследователем и его объектом.

Критические замечания

Рост использования качественных методов способствовал появлению множества полезных и глубоких исследований, однако некоторые социологи обеспокоены тем, что количественные методы могут утратить свое прежнее значение. В ходе национального опроса британских студентов-социологов об их отношении к количественным методам, М. Уильямс и его коллеги выяснили, что многие студенты испытывают страх перед работой с числами и изучением статистических техник [Williams et al., 2008]. Еще более тревожным оказался тот факт, что бóльшая часть респондентов проявляла незначительный интерес к количественным методам или этот интерес у них вовсе отсутствовал, так как в их восприятии социология располагалась ближе к гуманитарным наукам, чем к точным. Это очевидное поколенческое изменение установок может поставить под угрозу статус социологии как научной дисциплины и, следовательно, ее финансирование, а в конце концов, рекрутирование студентов.

Несмотря на очевидное различие между качественными и количественными методами, некоторые социологи полагают, что это разделение не является настолько жестким, как считалось ранее. Нередко качественные методы включают числовые измерения и, наоборот, по видимости количественные методы анализируют содержательные утверждения [Bryman, 2012]. Исследователи, использующие качественные методы, применяют программные пакеты для анализа больших объемов текста и материалов интервью путем их кодирования, категоризации и квантификации, в то время как отдельные количественные исследования делаются на основе полуструктурированных интервью, позволяющих респондентам выйти за пределы фиксированных рамок опросников исследователя. Опросные исследования также направлены на выявление позиций и мнений людей, что означает интерес к значениям и интерпретации. При этом выводы, полученные в результате многочисленных конкретных наблюдений за социальным взаимодействием, неявно предполагают гораздо более обширную область приложения.

Сохраняющаяся актуальность

Некоторые социологи, использующие качественные методы, полагают, что измерение и статистическая проверка непригодны для изучения создающего смыслы человека, тогда как отдельные сторонники количественных исследований рассматривают качественные методы как чересчур субъективные, чтобы быть надежными, и неизбежно индивидуалистические. Однако все большая часть современных исследовательских проектов берет на вооружение смешанную методологию, использующую как количественные, так и качественные методы. Применение методов обоих типов ведет к более надежным результатам, нежели одного из них. В исследованиях, опирающихся на смешанную методологию, выбор в пользу того или иного метода определяется изучаемыми вопросами и практическими соображениями.

Хороший пример продуктивного использования смешанной методологии — изучение культурного капитала П. Бурдьё [Bourdieu, 1986] и более чем трехлетнее исследование (2003–2006) социального исключения Э. Силвы и ее коллег, где использовались опросы, интервью с членами семьи и метод фокус-групп [Silva, Warde, Wright, 2009]. Таким образом, производилось смешение количественных и качественных методов. Авторы исследования описывают собственный подход как «методологический эклектизм», подчеркивая, что он позволяет не только подтверждать факты, но и проверять интерпретации.

Однако у смешанной методологии есть определенные проблемы. Л. Гиддингс и Б. Грант предполагают, что большая часть исследований, проведенных на основе этой методологии, отдадут предпочтение типам данных, характерным для позитивистской ориентации, за счет невнимания к альтернативным формам исследования [Giddings, Grant, 2007]. Прагматическая, явно постпозитивистская методология становится троянским конем для воскресающего позитивизма. Согласно Гиддингс и Грант, это можно проследить на примере тех видов исследований, которые сейчас популярны в сфере здравоохранения, образования и других областях прикладной социологии, особенно если эти работы финансируются государством. Позитивистские экспериментальные проекты, основанные на методологии естественных наук, стали сейчас «золотым стандартом» для финансируемых государством исследований, и многие прагматиче-

ские подходы смешанной методологии продвигают эту идею, игнорируя значимые исследовательские альтернативы. Однако конечная цель формируется не смешанной методологией самой по себе, а теми ее вариантами, которые усиливают позитивистские экспериментальные проекты как лучший или единственный способ достижения научной истины.

Литература

Bourdieu P. The Forms of Capital // Richardson J. (ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258; см. также рус. пер.: *Бурдьё П.* Формы капитала // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2014. С. 293–315.

Bryman A. Social Research Methods. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2012 (esp. Parts 2, 3, 4).

Giddings L.S., Grant B.M. A Trojan Horse for Positivism? A Critique of Mixed Methods Research // *Advances in Nursing Science*. 2007. Vol. 30. No. 1. P. 52–60.

Silva E., Warde A., Wright D. Using Mixed Methods for Analysing Culture: The Cultural Capital and Social Exclusion Project // *Cultural Sociology*. 2009. Vol. 3. No. 2. P. 299–316.

Williams M. et al. Does British Sociology Count? // *Sociology*. 2008. Vol. 42. No. 5. P. 1003–1021.

НАУКА (SCIENCE)

Рабочее определение

Метод получения обоснованного и надежного знания о мире, основанный на проверке теорий собранными данными.

Происхождение понятия

Понятие «наука» возникло как инструмент описания знания как такового, однако к XIV веку в Европе «наука» или «натуральная философия» используются в более ограниченном значении для обозначения знания, которое было записано. В ходе научной революции XVII века произошло множество прорывов (например, открытие Ньютоном гравитационной силы) и наука стала пониматься как метод исследования. К началу XIX века термин

«наука» стал употребляться только в отношении к физическому миру и дисциплинам, которые его изучают (астрономия, физика, химия). В конце XIX века в философии науки разразились споры о том, какие *методы* можно считать научными, как научное знание может быть верифицировано в качестве истинного и, наконец, могут ли возникающие социальные дисциплины обеспечить тип подтверждения, характеризующий естественные науки.

В XX веке различные школы позитивизма отстаивали сравнительные преимущества дедукции или индукции, верификации или фальсификации в качестве принципов, которых должны придерживаться все науки, а не только естественные. Однако постепенно социологи стали воспринимать свою дисциплину как научную. Но научность социологии отличается от научности естественных дисциплин вследствие интенционального характера человеческих действий и отношения рефлексивности между обществом и социологическим познанием. Сегодня социология разделена на тех, кто продолжает воспринимать себя как ученых, изучающих общество, и тех, кто довольствуется самим фактом вовлеченности в социальные исследования, полагая вопросы научного метода и статуса устаревшими.

Значение и интерпретация

Вероятно, ключевым для социологии, начиная с позитивизма Огюста Конта, был вопрос о том, является социология наукой или нет. В каком отношении она находится к таким признанным наукам, как астрономия, физика, химия, биология? Что делает эти дисциплины бесспорно научными? Наука часто описывается как использование систематических методов эмпирического исследования, анализа данных, теоретического мышления и логической оценки аргументов, способствующих росту знания об определенном предмете. Согласно этому определению, социология является наукой, так как включает систематические методы эмпирического исследования, анализ данных, оценку теорий в свете имеющихся свидетельств и логическую аргументацию. Однако растущее число социологов испытывает неловкость при обсуждении их дисциплины как научной. Возможно, им комфортнее воспринимать социологию как располагающуюся ближе к гуманитарным наукам, чем к естественным.

Изучение человека, разумеется, отличается в определенных отношениях от наблюдений за явлениями природного мира, поэтому социология и естественные науки, возможно, никогда не будут абсолютно одинаковыми. Человеческие существа не просто действуют на основе инстинкта или благодаря какому-то биологическому императиву, а взаимодействуют друг с другом некоторым значимым образом, поэтому, чтобы описать и объяснить социальную жизнь, социологи должны найти способы понять, почему люди действуют так, а не иначе. Как правило, люди действуют в соответствии с намерениями, и социологу нужно реконструировать значения, которые индивиды приписывают своим действиям. Понимание поведения лягушек не включает реконструкцию подобных сложных ментальных процессов. Значимый характер человеческого действия является одновременно преимуществом и проблемой. Социологи не могут просто позаимствовать методы успешных естественных наук, таких как химия или биология, а вынуждены разрабатывать собственные, пригодные для специфического исследовательского поля — для изучения человеческих существ и социальной жизни. Одним из важных преимуществ является то, что социологи могут обращаться напрямую (например, задавать вопросы) к объектам своего изучения (другим человеческим существам) и получать ответы, которые они понимают. Возможность общения с участниками исследования и подтверждения правильности интерпретации означает, что социологические результаты, по крайней мере потенциально, даже более надежны (разные исследователи могут прийти к одинаковым результатам) и обоснованы (исследователь измеряет именно то, что предполагает), чем результаты естественных наук. Макс Вебер рассматривал эти преимущества в качестве важнейших для научного статуса социологии. Даже если ее методы по необходимости отличаются от методов естественных наук, они не менее строгие, систематичны и теоретически обоснованы, чем исследовательские процедуры других наук.

Однако социологи сталкиваются с трудностями, которые неизвестны ученым-естественникам. Обладающие самосознанием индивиды могут искусно изменить свое обычное поведение, если знают, что являются объектом изучения, тем самым делая недействительными исследовательские результаты. Например, в повседневной жизни люди постоянно стремятся управлять

представлением о себе у других, и этот процесс управления впечатлениями может развернуться в ходе социологического исследования. Социологи должны осознавать явную возможность того, что в ходе интервью или опроса респонденты предложат те ответы, которые, как они полагают, от них ожидают исследователи. Эти примеры демонстрируют ключевую черту исследований человеческих существ — проблему рефлексивности.

Социологическое знание просачивается обратно в общество, становясь частью самого изучаемого социального контекста и, возможно, его изменяя. Социальная рефлексивность не имеет аналога в естественных науках; это означает, что если социология все же является наукой, то она не может просто заимствовать естественно-научные методы исследования, но должна развивать собственные, адекватные своему объекту методы.

Критические замечания

Представление о том, что социология должна быть научной, порождает фундаментальную проблему, так как предполагает согласие по поводу того, что составляет науку. Если раньше это означало смотреть на то, что делают естественные науки, то теперь это не так. Несколько важных исторических исследований разрушили уверенность, существовавшую в отношении науки. Томас Кун изучал радикальные изменения в науке (научные революции), которые ожидаемо являются результатом накопления знаний в течение длительных периодов [Kuhn, 1970]. Кун полагал, что естественные науки функционируют парадигмами — способами делания науки, основанными на определенных теориях. «Нормальная наука», по сути, представляет собой непрерывную череду проверок и перепроверок парадигмы, не приводящих к существенным прорывам. Переломные моменты наступают тогда, когда кто-то выходит за пределы парадигмы для того, чтобы разрешить аномалию, что ведет к появлению новой парадигмы.

Следующий удар по идеальному типу науки был нанесен проведенными Полом Фейерабендом историческими исследованиями научных методов [Feyerabend, 1975]. Он утверждал, что многие революционные открытия в науке не имели ничего общего с собственно научным методом. Эти открытия были сделаны благодаря простым пробам и ошибкам и даже ошиб-

кам и случайностям, которым элементарно невозможно обучить. Вывод Фейерабенда заключался в следующем: существует только один важный принцип научного метода — «все дозволено». Только поощряя отклонения от научной модели, можно гарантировать инновации. Строго придерживаться одного метода — это рецепт стагнации и отсутствия прогресса. Спустя десятилетия, к 1980-м годам, попытки подражать в социологии методам естественных наук перестали представляться целесообразными.

Сохраняющаяся актуальность

Наука, по сравнению с теологией и представлениями здравого смысла, до сих пор воспринимается многими как высшая форма знания. Однако это связано, скорее, не с широко распространенным усвоением научного метода, а с осведомленностью о практических успехах науки. Даже те социологи, которые не склонны считать свою дисциплину научной, как правило, рассматривают собственные систематические и методологически строгие исследования как лучший способ получения знания, соответствующего реальности. К примеру, в области социального обеспечения, здравоохранения и государственного управления существовала устойчивая тенденция реализации политики, основанной на фактических данных, предполагавшей, что принципы научной работы продолжают формировать государственную политику. Социологи также должны уделять внимание и прозаическим вопросам, прежде всего требованиям финансирующих исследования фондов, которые запрашивают недвусмысленные подтверждения научной строгости и новизны, прежде чем принять решение о финансировании исследований. Кроме того, развитие критического реализма и его принятие во многих современных исследованиях свидетельствует о желании многих социологов держаться за свои научные полномочия в постпозитивистский век.

Литература

Benton T., Craib I. Philosophy of Social Science: The Philosophical Foundations of Social Thought. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001.

Chalmers A.F. What is this Thing Called Science? 3rd ed. Maidenhead: Open University Press, 1999.

Feyerabend P. Against Method. London: New Left Books, 1975; см. также рус. пер.: *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные работы по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125–466.

Fuller S. Science. Buckingham: Open University Press, 1998.

Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970; см. также рус. пер.: *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

РЕАЛИЗМ (*REALISM*)

Рабочее определение

Подход в социальных исследованиях, настаивающий на существовании объективной внешней реальности, а также на том, что лежащие в ее основании причины доступны научному исследованию.

Происхождение понятия

Несмотря на то что термин «реализм» употребляется с давних времен, он вошел в дискурс социальных наук благодаря спорам о природе познания между сторонниками реализма и сторонниками идеализма в XVI–XVII веках. Реалисты полагали, что существует реальный внешний мир, и он может быть познан только с помощью чувственного опыта и наблюдения. Задача науки состоит в представлении реального мира в своих описаниях и объяснениях: по мере их совершенствования мы подходим все ближе и ближе к истине. Идеалисты рассматривали познание как нечто, начинающееся в разуме человека, а не как то, что берет начало во внешнем мире, поэтому структуры нашего мышления, по сути, определяют наши знания о мире. Исходя из этого, нет никакого «прямого», ничем не опосредованного доступа к внешнему миру.

В 1970-х годах возникла новая, «критическая», форма реализма, связанная с идеями Роя Бхаскара, Эндрю Сойера и др. (см.: [Sayer, 1999; Bhaskar, 2008]). Критический реализм стал рассматриваться как альтернатива социально-конструктивистским подходам в социологии, что было отголоском старого философ-

ского спора между реалистами и идеалистами. Критический реализм стремился сохранить научные полномочия социологии, но без возврата к позитивизму, превратившись в исследовательскую традицию, которая стала особенно влиятельной в среде британских социологов. Критический реализм обеспечивает метод, пригодный для исследования социальных явлений любых видов, хотя наиболее полное развитие он получил лишь в некоторых сферах — например, в экосоциологии.

Значение и интерпретация

Критический реализм — это не просто философия науки, но и исследовательский метод, который, согласно его сторонникам, способен проникнуть за поверхность наблюдаемых событий и обеспечить доступ к лежащим в их основании причинам или порождающим механизмам явлений реального мира. Это серьезная попытка защитить социальные науки именно как «науки», и те, кто ее поддерживают, объявляют задачей ученых раскрытие глубинных социальных процессов, которые производят воспринимаемый и наблюдаемый нами мир. Отправная точка реалистов состоит в том, что человеческое общество — часть природы, а значит, природу и общество необходимо изучать, используя один и тот же метод. Однако это вовсе не означает привнесения в социологию методов естественных наук. Напротив, реалистический метод объявляется подходящим и для естественных, и для социальных наук.

Фундаментальный принцип критического реализма состоит в том, что знание стратифицировано и реалисты работают и с абстрактным, и с конкретным уровнем знания. Абстрактное знание состоит из высокопорядковых теорий (таких как законы естественных наук или общие теории общества), а конкретное знание относится к тому, что зависит от различных исторических обстоятельств. Изучение конкретных исторических ситуаций, или конъюнктур (*conjunctions*), необходимо наряду с детальными эмпирическими исследованиями, чтобы ответить на вопрос, как взаимодействие случайных факторов и необходимых отношений породило те специфические последствия, которые мы наблюдаем. Простой пример приводит П. Диккенс: порох имеет нестабильную химическую структуру, определяющую его способность к взрыву [Dickens, 2004]. Но реализация

этой способности зависит от множества случайных факторов — от условий хранения, расстояния от источников возгорания и даже количества пороха. Аналогично люди имеют определенные способности — человеческую природу, — однако реализация их зависит от случайных исторических факторов: способствуют ли этим способностям или ограничивают их существующие социальные отношения, обеспечивает ли общество достаточно возможностей для их реализации и использования?

Очевидно, что критический реализм подходит к производству знания иначе, чем это делает социальный конструктивизм. Конструктивистские исследования зачастую занимают агностическую позицию в отношении реальности таких социальных проблем, как глобальное потепление, отдавая их на откуп экологам. Реалисты, в свою очередь, хотят соединить естественно-научное и социально-научное познание, что должно обеспечить гораздо более полное понимание глобального потепления, его основных причин и порождающих механизмов. Некоторые критические реалисты рассматривают теорию отчуждения К. Маркса как раннюю реалистическую социальную теорию, поскольку она связывает человеческую природу и случайные факторы, такие как возникновение капиталистических социальных отношений, не позволяющих людям полностью реализовать свою «родовую сущность».

Критические замечания

Одна из проблем критического реализма состоит в его стремлении использовать знания естественных наук. Учитывая, что социологи, как правило, не имеют профессиональной подготовки в области естественных наук и неспособны поэтому участвовать в дебатах относительно, скажем, физики и химии процессов климатических изменений, на каком основании они могут оценивать свидетельства этих наук? Если мы просто примем знания естественных наук, многим социальным конструктивистам этот шаг покажется наивным, так как в рамках социологии научного знания существует давняя исследовательская традиция изучения процессов, благодаря которым достигается научный консенсус. Социологи науки должны занять агностическую позицию, чтобы сохранить относительную отстраненность, которая требуется для «залезания под кожу» экспериментальным процедурам и другим научным методам.

Внутри критического реализма также существуют споры относительно той степени, в какой социальные и естественные науки могут изучаться с использованием одного и того же метода. Бхаскар, к примеру, полагал, что между ними существуют фундаментальные различия, прежде всего — различие между социальными и природными структурами. Социальные структуры не сохраняются на протяжении долгих периодов времени и не являются независимыми от восприятия людьми их действий. Отсюда вытекает предположение о необходимости использования различных методов для изучения социальных и природных явлений. Если это так, то критический реализм не может предложить единого научного подхода — обещание, которое делало его столь привлекательным в качестве альтернативы постмодернизму и другим вариантам «декоративной социологии».

Сохраняющаяся актуальность

Несмотря на критику, можно утверждать, что все социологические исследования вне зависимости от их теоретической и методологической перспективы на практике принимают определенную форму «наивного» реализма. В чем смысл проведения исследования, если мы не считаем, что существует реальный внешний мир, стоящий того, чтобы его изучать? Критический реализм воспринимается как способ отстранить социологию от сильных социально-конструктивистских аргументов, отрицающих реальность природного мира. Для многих социологов, рассматривающих сильный конструктивизм как отказ от профессиональной ответственности, критический реализм предлагает, вероятно, наиболее привлекательную, не позитивистскую альтернативу из всех ныне доступных.

Возможно, лучший способ понять критический реализм состоит в том, чтобы рассмотреть несколько примеров. К примеру, Сюзанн Фицпатрик показывает, как подход критического реализма к анализу социальных проблем делает возможным более точный и причинно адекватный анализ [Fitzpatrick, 2005]. Фицпатрик исследовала проблему бездомных, утверждая, что современные подходы к данной проблеме объединяют индивидуальные и структурные факторы в то, что рассматривается как более полные объяснения. Однако многие из структурных факторов — например, бедность — более существенны, чем

остальные. Реалистический подход допускает, что объяснения всегда случайны: если безработица более значима, в случае ее роста, среди молодежи, то личные факторы (например, тяжелая утрата) могут оказывать большее воздействие на пожилых людей. Равновесие между индивидуальными и структурными причинами варьируется в зависимости от социальной группы и различных типов «бездомности», и реалистический подход в большей степени приспособлен к подобной сложности.

Критический реализм был также использован в исследованиях преступности, и он рассматривается как открывающий возможность возрождения актуальности криминологии для политики. Р. Мэттьюс говорит о пессимизме в современной криминологии относительно вклада дисциплины в уменьшение преступности и рецидивизма: кажется, что ничто не работает [Matthews, 2009]. Однако он предполагает, что реализм требует вмешательств (*interventions*), чтобы быть чем-то большим, чем просто стратегия или практика. Они являются реализацией теорий о том, что может сработать в определенных контекстах. Важно не вмешательство как таковое, а причины его возможной неудачи. Поскольку все вмешательства нацелены на активных человеческих агентов, основная задача состоит в изменении или формировании мыслительного процесса потенциального преступника. Для Мэттьюса, даже если подобные интервенции не приведут к радикальным трансформациям, «маленькие выигрыши — это все равно выигрыши», которые помогут дальнейшим реформам [Ibid., p. 357].

Литература

Bhaskar R.A. A Realist Theory of Science. London: Verso, 2008 [1975].

Carter B. Realism and Racism: Concepts of Race in Sociological Research. London: Routledge, 2000.

Dickens P. Society and Nature: Changing our Environment, Changing Ourselves. Cambridge: Polity, 2004 (esp. p. 1–24).

Fitzpatrick S. Explaining Homelessness: A Critical Realist Perspective // Housing, Theory and Society. 2005. Vol. 22. No. 1. P. 1–17.

Matthews R. Beyond “So What?” Criminology // Theoretical Criminology. 2009. Vol. 13. No. 3. P. 341–362.

Sayer A. Realism and Social Science. London: Sage, 1999.

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ (*REFLEXIVITY*)

Рабочее определение

Характеристика отношения между знанием и обществом и (или) исследователем и объектом, акцентирующая постоянную обращенность социальных акторов на самих себя и социальный контекст, в котором они находятся.

Происхождение понятия

Понятие «рефлексивность» связано с представлениями о рефлексии и саморефлексии, поэтому имеет давнюю историю. Однако его использование в социальных науках восходит к работам Чарлза Х. Кули и Джорджа Герберта Мида о социальной самости [Cooley, 1902; Mead, 1934], к социально-конструктивистскому подходу У. Томаса и некоторым ранним работам о самосбывающемся и самоотрицающемся пророчестве. Мид и Кули отрицали, что индивидуальная самость является врожденной. У Кули самость рождается в процессе социальных взаимодействий с другими, по мере того как человек начинает видеть себя таким, каким его видят другие. В теории Мида продолжительное взаимодействие между биологическим организмом человека и его социальным окружением рождает двучленную самость, которая состоит из «Я-сам» (*I*) и «Я-меня» (*Me*), находящимися в постоянном диалоге в каждом человеке. Индивидуальная рефлексивность образует фон социально значимого взаимодействия.

Однако понятия «индивидуальная рефлексивность» и «социальная рефлексивность» приобрели большее значение для социальной теории только в конце XX века. В частности, теоретические идеи Энтони Гидденса и Ульриха Бека [Giddens, 1984; Beck, 1994] распространили понятие «рефлексивность» с индивидуального уровня на социальный, в то время как новый на тот момент акцент на качественные методы привлек внимание к фундаментально рефлексивной природе социальной жизни как таковой. Само существование индивидуальной и социальной рефлексивности рассматривалось как неизбежный подрыв любых проявлений позитивизма в социологии.

Значение и интерпретация

Для Кули, Мида и — более широко — для всей традиции символического интеракционизма процесс формирования самости делал человека рефлексивным существом, активно вовлеченным в социальную жизнь и — в то же время — способным размышлять о ней. Эта индивидуальная рефлексивность означает, что активный человеческий агент может опровергать научные предсказания о том, как он должен или будет себя вести. Она также показывает: то, что называется обществом, является, скорее, непрерывным процессом конструирования, чем фиксированной, объективной сущностью, независимой от индивидов. Самоисполняющиеся пророчества также иллюстрируют некоторые следствия рефлексивности. Слухи о проблемах в солидном платежеспособном банке могут вынудить инвесторов спешно изъять свои деньги, что, в свою очередь, приведет к исполнению ложного пророчества, действительно поставив банк перед серьезными проблемами [Merton, 1957]. Знания и информация всех видов могут изменять процессы принятия человеком решений и приводить к непредсказуемым действиям.

В работах Энтони Гидденса, Ульриха Бека и других исследователей рефлексивность — ключ к пониманию современного общества. Гидденс и Бек утверждают, что поздний модерн — это детрадиционализированный (*de-traditionalized*) социальный контекст, в котором индивиды остаются без поддержки со стороны социальной структуры и поэтому вынуждены постоянно рефлексировать над собственной жизнью и идентичностью. Эту возникающую форму общества Бек называет рефлексивной модернизацией, вторым модерном или обществом риска, приходящим на смену индустриальному обществу. Последствия повышенного уровня рефлексивности существенны для практики исследователя. Результаты социологических исследований становятся частью общественного запаса знаний, которыми обладают индивиды и используют при принятии решений. Рекурсивные эффекты, очевидные в случае самосбывающихся и самоотрицающихся пророчеств, становятся частью социальной жизни как таковой. Следовательно, наивный позитивистский подход, основанный на объективном изучении внешнего мира, представляется ошибочным, поскольку граница между исследователем и объектом его исследования оказывается раз-

мытой. Социологические методы должны отражать эту ситуацию: возможно, именно поэтому качественные методы, такие как биографическое исследование, устные истории и включение в исследование биографии самого исследователя, приобретают в социологии популярность. Понятие «рефлексивность» стало центральным и для социальной теории, и для методов социологического исследования, неразрывно связывая их друг с другом.

Критические замечания

Теория рефлексивной модернизации и предполагаемого ею усиления индивидуализации открыта для эмпирической критики. В то время как некоторые социальные изменения, описываемые теорией, не вызывают сомнений — например, диверсификация семейной жизни, изменение количества браков и разводов, мнение о том, что на смену индустриальному обществу приходит общество рефлексивного модерна, представляется спорным. Становится ли управление риском новым организационным принципом современных обществ? Процессы промышленного производства имеют сейчас глобальный масштаб (большая часть производств сосредоточена на заводах в развивающихся странах), поэтому можно утверждать, что промышленный капитализм остается сегодня лучшей характеристикой обществ. Тезис об индивидуализации и высоком уровне рефлексивности также видится переоцененным. Люди могут и не идентифицировать себя сознательно с социальным классом так, как они делали это в первой половине XX века, но это не означает, что условия их жизни и жизненные шансы больше не определяются их классовой позицией. Конечно, тезис об индивидуализации вызвал сильную ответную реакцию, как только социологи показали продолжающуюся значимость класса.

Использование рефлексивности в социологическом исследовании было также воспринято неоднозначно. Для некоторых исследователей стремление включить ученым в исследовательский процесс собственную биографию означает поддаться соблазну потворствовать своим желаниям и начать перечислять не относящиеся к делу детали личных обстоятельств. К тому же акцент на рефлексивности может привести к нескончаемому процессу «рефлексии над рефлексией» и «интерпретации интерпретаций», что способно оказать парализующее действие на

исследователя, заиклившегося на собственной работе, вместо того чтобы решать реальные социологические задачи, то есть получать новое надежное знание о социальной жизни для более глубокого ее понимания и адекватного объяснения. Помимо этого, непроясненным остается вопрос о том, как рефлексивную исследовательскую практику применять к крупномасштабным социальным исследованиям, которые по-прежнему необходимо, если мы намерены обнаружить структуры и регулярности, лежащие в основании обществ.

Сохраняющаяся актуальность

Не все исследователи, использующие рефлексивные методы, готовы подписаться под теорией рефлексивной модернизации Бека и тезисом Гидденса о детрадиционализации. Для многих рефлексивность лишь часть их профессионального подхода к изучению общества, позволяющего лучше осознавать собственные предрассудки и теоретические предпосылки. Разумеется, некоторая доза рефлексивности может быть полезна для исследователей, которые не привыкли размышлять над своими устоявшимися склонностями и практиками.

Для понимания того, что для исследователя значит привнесение самости в исследовательский процесс, стоит обратить внимание на работу Кима Этерингтона, называющуюся «Становясь рефлексивным исследователем», которая является практическим руководством по проведению рефлексивного исследования [Etherington, 2004]. Однако не все социологи одобряют ученых, делающих свою личность и детали собственной биографии частью исследовательской работы, считая это не относящимся к делу потаканием своим желаниям. Как бы то ни было, в настоящее время можно встретить большое количество молодых ученых, стремящихся встроить рефлексивность в свои исследовательские проекты.

Литература

Beck U. The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity, 1994. P. 1–55.

Buttel F.H. Classical Theory and Contemporary Environmental Sociology: Some Reflections on the Antecedents and Prospects for Reflexive Modernization Theories in the Study of Environment and Society // Spaargaren G., Mol A.P.J., Buttel F.H. (eds). Environment and Global Modernity. London: Sage, 2002. P. 17–40.

Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. New York: Scribner's, 1902; см. также рус. пер.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

Etherington K. Becoming a Reflexive Researcher: Using our Selves in Research. London: Jessica Kingsley, 2004.

Finlay L., Gough B. (eds). Reflexivity: A Practical Guide for Researchers in Health and Social Sciences. Chichester: Wiley-Blackwell, 2003.

Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity, 1984; см. также рус. пер.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.

Mead G.H. Mind, Self and Society / ed. C.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

Merton R.H. Social Theory and Social Structure. Rev. ed. Glencoe, IL: Free Press, 1957 [1949]; см. также рус. пер.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ (SOCIAL CONSTRUCTIONISM)

Рабочее определение

Подход в социологии, занимающий агностическую позицию в отношении реальности социальных явлений и предпочитающий исследовать способы, какими они производятся внутри социальных отношений.

Происхождение понятия

Социальный конструктивизм восходит к тому подходу к рассмотрению социальных проблем, который в начале 1970-х годов видел в них притязания на внимание людей и государственные ресурсы. В конкурентной среде подобных притязаний всегда существует слишком много требований о получении доступа к наличным ресурсам, и этот подход анализировал то, как одни из таких требований приобретают известность, в то время как другие игнорируются. Современный конструктивизм опирается на

социологию научного знания (*sociology of scientific knowledge* — SSK), которая изучает социальные процессы, лежащие в основе производства знания. Социология научного знания рассматривает саму науку как форму социальной активности, именно поэтому ее можно исследовать социологически. Научные теории являются продуктом своего общества, и социология научного знания зачастую ставит под вопрос их предполагаемую универсальную значимость.

Объединение двух обозначенных направлений привело к широкому распространению социального конструктивизма в социологии. Эта общая перспектива была использована при анализе различных явлений — от социального конструирования Европы до серийных убийств, деменций, сексуальности и даже океана. Общим местом во всех этих исследованиях оказывается попытка поставить вопросы о естественном или объективном статусе предметов исследования. Аргументация, предложенная социальным конструктивизмом, полезна и для социальных движений, таких как феминизм и движения за права людей с ограниченными возможностями, бросивших вызов кажущемуся естественным статус-кво, ущемляющему в равной степени и женщин, и инвалидов.

Значение и интерпретация

Социальный конструктивизм широко применяется в социологии и предполагает собирание всех элементов, приведших к возникновению конкретного социального явления, будь то гендер или преступление. Конструктивизм оспаривает конвенциональную мудрость и идеи здравого смысла, поскольку они принимают существование гендера и преступности как естественное или нормальное. Для социальных конструктивистов гендер и преступность порождаются историческими социальными процессами и социальными взаимодействиями. Это означает, что гендер и преступность не являются постоянными: может быть показана их изменчивость (и с точки зрения значения, и с точки зрения формы) во времени и в различных обществах. В этом смысле социальный конструктивизм покоится на идее, что общество и его институты постоянно находятся в движении. Задача социологии — исследование этого непрерывного процесса.

Не все подходы конструктивизма одинаковы. Основное разделение (перенесенное из социологии научного знания) проходит между его «сильной» и «слабой» формами. Однако недавно это разделение было переосмыслено как различие между «строгим» и «контекстуальным» конструктивизмом, которое представляется более нейтральным. Строгий конструктивизм утверждает, что ни природа, ни общество не предъявляют себя непосредственно. Все феномены доступны только через человеческие понятия и теории, которые, в свою очередь, открыты изменениям, порой весьма радикальным. Строгие конструктивисты — лишь незначительное меньшинство среди представителей конструктивизма. Большая часть конструктивистов с готовностью признают, что существует реальность, внешняя по отношению к социологическому дискурсу. Но вопрос в том, как мы получаем к ней доступ. Контекстуальным конструктивистам есть что сказать о социальных и экологических проблемах и о связанных с ними требованиях различных социальных групп. При этом они указывают, что существующая иерархия социальных проблем не может быть принята на веру. Некоторые проблемы кажутся требующими особого внимания и незамедлительного решения; другие, напротив, представляются тривиальными и несущественными. Контекстуальные конструктивисты берут в качестве отправной точки наличествующий порядок социальных проблем. Отражает ли он действительную серьезность социальных проблем? Социология способна играть полезную роль в исследовании аргументов тех, кто выдвигает проблемы, и тех, кто их отрицает, тем самым социологи могут гарантировать, что вся информация, необходимая для рациональной оценки, станет общим достоянием.

Хорошим примером того, как работают конструктивисты, служит исследование Джона Ханнигана экологической проблемы утраты биоразнообразия, быстро приобретшей особую актуальность в 1980-х годах [Hannigan, 2014]. Об этой проблеме было известно, по крайней мере, с 1911 года, о чем свидетельствуют многочисленные законодательные инициативы по охране находящихся под угрозой исчезновения птиц и зверей. Но не существовало международных институций, которые придали бы этой проблеме политическое значение. Что изменилось в 1980-е годы? Вовлеченность в ситуацию мультинациональных корпораций, стремящихся запатентовать генетические ресурсы

(например, виды животных, обитающие в тропических лесах), появление новой — кризисной — дисциплины (природоохранная биология), создание на базе ООН инфраструктуры, обеспечившей достаточное внимание к проблеме со стороны политиков, а также разработка целого ряда новых законов в сфере защиты биологических видов. Словом, гораздо большее число «производителей» проблем обозначили свой интерес в виде конкретных требований, и в итоге они возвели проблему утраты биоразнообразия на вершину экологической повестки дня. Разумеется, были и те, кто отрицал существование проблемы, но их противники показали себя сильными и хорошо организованными. Только конструктивистский подход, уделяющий внимание процессам конструирования проблем и связанных с ними притязаний, способен ясно показать, как и почему это конструирование оказалось успешным.

Критические замечания

Какими бы интересными ни были конструктивистские исследования, их критикуют за агностицизм. Изучение биоразнообразия Ханниганом, к примеру, упускает нечто важное: является ли утрата биоразнообразия все в большей степени серьезной социальной и экологической проблемой? Этот вопрос не должен и не может быть адресован представителям социального конструктивизма. Для ответа на него необходимы экспертные мнения биологов, специалистов по естественной истории и экологов. Лишь немногие социологи обладают достаточным экспертным знанием, чтобы участвовать в профессиональных спорах о биоразнообразии и многих других конкретных проблемах. Для некоторых ученых (например, для критических реалистов) без включения в анализ подобной экспертизы социология сводится к серии дискурсивных исследований, рассматривающих утверждения, документы и тесты, не доходя до сути дела.

Еще один пункт критики социального конструктивизма заключается в том, что он, как кажется, уделяет первостепенное внимание политике предъявления требований и поэтому, по-видимому, более полезен социальным и политическим движениям, чем научной социологии. Демонстрация того, как относительно влиятельные социальные группы способны формировать и контролировать политические дебаты, — это весьма

полезная функция. Однако представляется, что конструктивизм слишком часто занимает сторону побежденных. Утверждается, что конструктивистская перспектива политически пристрастна. К примеру, движение за права женщин использовало аргументы конструктивистов, чтобы показать, что у женщин нет своего естественного места в приватном, семейном пространстве, а вынашивание и воспитание детей не являются естественными барьерами для гендерного равенства. Основная критика состоит не в нелегитимности аргументов, а в том, что конструктивизм ближе к политической стратегии, чем к научным исследовательским методам.

Сохраняющаяся актуальность

Социальный конструктивизм был чрезвычайно успешным в социологии, и, вероятно, большинство исследований сегодня делаются в рамках этого подхода. Несомненно, он позволил получить новые данные о социальной жизни. Социальный конструктивизм указывает на неизбежно *социальную* природу всех известных явлений, что делает человеческие общества краеугольным камнем анализа, а социологам отводит центральное положение. Данный подход может быть очень полезным, в той мере, в какой ставит перед социологами четко определенную задачу — обнаружить процессы социального конструирования и тем самым получить возможность лучше информировать участников общественных дискуссий по важнейшим вопросам, не оставляя это на откуп экспертам.

Значительное число исследований социальных конструктивистов сосредоточено на изучении медиасообщений и их вкладе в общественные дебаты. Недавний пример — изучение конструирования американскими газетами опасности потребления табака в связи с критическим докладом в 1964 году главного врача службы здравоохранения США и судебным разбирательством в 1998 году с участием представителей табачной индустрии штата Миннесота. Исследование было проведено Вандой Сиу [Siu, 2009]. Она сравнила освещение доклада и судебного процесса в «New York Times», национальной либеральной газете, и «Wall Street Journal», финансовой газете, близкой бизнес-сообществу. В обоих случаях она выяснила, что газета «Wall Street Journal» была склонна формулировать тему в манере, больше симпатизирующей табачной индустрии, например, преумень-

шая результаты из доклада главного врача или обвиняя адвокатов — участников процесса в Миннесоте в утаивании научных данных. Это исследование показывает, что газеты не только освещали конфликты, возникшие вокруг социального конструирования потребления табака в США, но и активно были вовлечены в это конструирование.

Учитывая, что все социальные явления потенциально поддаются конструктивистскому анализу, рассмотрение самого социального конструктивизма как социальной конструкции было лишь вопросом времени. Отсюда язвительность А.Дж. Мотыля и его решительный отказ от радикального конструктивизма [Motyl, 2010]. Его исследование посвящено национализму и формированию идентичности, но интересно, прежде всего, своей критикой социального конструктивизма, который видится автору как заурядный, но в своих строгих вариантах как необычный, захватывающий и неверный.

Литература

Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. 2nd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009.

Hannigan J. Environmental Sociology. 3rd ed. London: Routledge, 2014 (esp. Ch. 5).

Motyl A.J. The Social Construction of Social Construction: Implications for Theories of Nationalism and Identity Formation // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38. No. 1. P. 59–71.

Siu W. Social Construction of Reality: The Tobacco Issue // Critical Public Health. 2009. Vol. 19. No. 1. P. 23–44.

Тема 3. Окружающая среда и урбанизм

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ (*INDUSTRIALIZATION*)

Рабочее определение

Начавшийся в середине XIX века в Великобритании и Европе процесс замещения человеческого и животного труда машинным, прежде всего — в сфере производства.

Происхождение понятия

До эпохи модерна слова «индустрия» (*industry*) и «индустриальный» (*industrious*) означали «усердный, старательный, тщательно выполненный». К концу XVI века термин «индустрия» использовался также для обозначения мануфактурного производства и торговли. Значение термина затем было расширено для описания конкретных отраслей промышленного производства: добычи полезных ископаемых, электроники и даже сферы услуг (*service industries*). Понятие «индустриализация», таким образом, предполагает долговременный процесс изменений: от до- или неиндустриального общества к обществу, основанному преимущественно на промышленном производстве. В этом смысле индустриализация, вероятно, является самым существенным аспектом процесса модернизации. Промышленная революция в Европе и Северной Америке началась с Великобритании; это происходило в середине XVIII века — первых десятилетиях XIX века. В этот период процесс индустриализации был запущен и приобрел самоподдерживающийся характер с взаимосвязанным развитием угольной промышленности, металлургии и новых технологий, способствующих производству больших объемов товаров. Рост производства означал движение населения: люди покидали сельские, земледельческие области, чтобы найти работу в растущих городах, где располагались новые заводы и фабрики.

К концу XIX века можно говорить об индустриальном обществе, основанном на постоянных технологических изменениях. В этом обществе господствующую роль играли промышленные

процессы, а большая часть работающего населения была занята в сфере промышленного производства, а не сельского хозяйства. Несмотря на то что многие рассматривали это как процесс позитивного развития, индустриальное общество имело и своих многочисленных критиков, указывавших на ужасные условия жизни и труда в перенаселенных городах, а также на разрушительное воздействие машин на традиционные ремесленные навыки и умения. Ранние социологи изучали радикальную экспансию разделения труда, возникающий классовый конфликт и все более секулярные способы городской жизни. С 1970-х годов социологи начинают говорить о том, что многие из ранее индустриальных обществ постепенно становятся постиндустриальными, по мере того как все меньше трудящихся оказываются непосредственно задействованными в промышленном производстве и все больше из них работают в сфере услуг (образование, здравоохранение, финансовый сектор).

Значение и интерпретация

Индустриализация — это замена труда человека и животных машинами. Технологическое развитие само по себе не является чем-то новым; его можно проследить с начала создания каменных орудий, способствовавших появлению в первобытных племенных обществах новых социальных практик, таких как более эффективная охота и строительство жилищ. Однако Промышленная революция XVIII века рассматривается именно как революционное изменение, сходное по своему значению с неолитической революцией, которая началась за девять тысяч лет до нашей эры и привнесла в жизненный уклад людей совместное оседлое существование и земледелие. Индустриализация полностью трансформирует повседневную жизнь и способы существования огромных масс людей. Индустриальное общество — это то общество, где технология опосредует связь между человеком и природой.

Индустриализация изменила взаимоотношения между человеком и природой, которая все в большей степени стала восприниматься просто как источник сырья или ресурсов, используемых в производственном процессе. В начале XIX века многие исследователи задавались вопросом, является ли индустриализация краткосрочным процессом, который может быть оста-

новлен или повернут вспять. К концу столетия стало ясно, что это невозможно. В настоящее время деиндустриализация представляется не только невероятной, но и невозможной без резкого сокращения численности населения планеты, рост которого сейчас превышает все прогнозы социологов. Устойчивость численности населения Земли, превышающая уровень 7 млрд человек, может быть достигнута только при индустриализации производства продуктов питания, развитии транспорта и глобальном разделении труда.

Начиная с 1970-х годов некоторые теории постиндустриальных изменений предполагают, что последняя волна развития электроники, связанная с использованием микросхем, вычислительных систем, спутников и информационных технологий, является движением за пределы обычной индустриализации. Однако все эти технологии до сих пор создаются на промышленных предприятиях, где доминирует машинный, а не человеческий или животный труд. Компьютеры все еще производятся на заводах и работают на вырабатываемой электростанциями энергии, Интернет — удивительное средство глобальной коммуникации, но к нему нельзя получить доступ без соответствующих технологических устройств и источников энергии. Возможно, более точным было бы описывать информационные технологии как форму развитого индустриализма, а не как отход от индустриальных принципов.

Одним из важнейших аспектов индустриализации является связанное с нею движение людей, известное как урбанизация — процесс, получивший резкое ускорение в XIX веке. Индустриальное производство создало множество материалов для строительства домов, фабрик и инфраструктуры, что ускорило исход населения из сельскохозяйственных районов с характерным для них деревенским образом жизни. Для огромного числа людей новые города виделись совершенно новым обществом с множеством новых индустриальных изобретений (газ, электричество и машины), но одновременно с более высоким уровнем оплаты труда. Многие критики (включая Уильяма Морриса и Джона Раскина в Британии) отмечали исчезновение традиционных жизненных укладов и морали, появление новых социальных проблем. Ранние социологи также сетовали по поводу исчезновения духа общинности и социальной солидарности и роста индивидуализма и эгоистической расчетливости [Tonnie, 2001].

Критические замечания

Во многом индустриализация — продолжающийся процесс; все больше стран проходят в своем развитии через индустриализацию. Однако с 1970-х годов теория постиндустриализации обращает наше внимание на то, что индустриально развитые общества двигаются в ином направлении. Производственные процессы из развитых стран были перенесены в развивающиеся, с более дешевой рабочей силой и менее строгими режимами регулирования. Это привело к снижению уровня промышленного производства в развитых странах и увеличению уровня занятости в сфере услуг, где люди все в большей степени работают не с сырьем и машинами и не ради производства товаров, а с людьми и для людей. Работа в сфере услуг требует совершенно иного набора навыков, подразумевает так называемый эмоциональный труд (*emotional labour*). Все это послужило одной из важнейших причин феминизации рабочей силы: больше женщин устраивались на оплачиваемую работу и получали высшее образование. Разумеется, в этих странах индустриальный режим изменился, хотя само понятие «индустриализация» по-прежнему отражает опыт недавно вставших на путь индустриализации государств — Китая, Филиппин и Индии.

Сохраняющаяся актуальность

Постиндустриальный тезис описывает ситуацию в таких странах, как Великобритания, США и Франция, однако стоит отметить, что эти страны не могут избежать промышленного загрязнения, вызванного индустриальными процессами в других странах. Социально-экономические изменения в развитых странах означают не конец индустриализации, а только то, что она идет сейчас во всем мире. Масштаб индустриальных изменений и вызванной ими трансформации человеческой жизни не соответствует масштабу постиндустриальных изменений — по крайней мере пока. Индустриализация была всемирно-историческим движением, которое способствовало невероятно быстрому росту населения; промышленное производство продолжает поддерживать этот рост и сейчас.

Большинство развивающихся стран прошли этапы индустриализации гораздо позже развитых государств, в тот период,

когда беспокойство о состоянии окружающей среды стало главным предметом политических дебатов. Некоторые исследователи настаивают сейчас на необходимости экологической формы модернизации, которая помогла бы избежать разрушительных уровней загрязнений, спровоцированных промышленным развитием в эпоху ранней индустриализации, и позволила бы развивающимся странам модернизироваться. Джос Фриджнс и его коллеги рассмотрели этот тезис в трех измерениях в связи с развитием Вьетнама: (1) осведомленность о состоянии окружающей среды; (2) отношение между государством и рынком и (3) технологическое развитие [Frijns, Phuong, Mol, 2000]. Во всех трех случаях они обнаружили значительные отклонения от ожиданий экологической теории модернизации, которая была разработана в европейском контексте. Для того чтобы стать полезной для развивающихся стран, теория нуждается в доработке. Однако реформы, демократизация, интернационализация и либерализация экономики Вьетнама могут открыть иные, чем в Европе, формы экологической модернизации.

Литература

Clapp B. W. An Environmental History of Britain since the Industrial Revolution. London: Longman, 1994.

Frijns J., Phuong P.T., Mol A. Ecological Modernization Theory and Industrializing Economies: The Case of Viet Nam // Environmental Politics. 2000. Vol. 9. No. 1. P. 257–292.

Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2005.

Tonnies F. Community and Society [Gemeinschaft und Gesellschaft]. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001 [1887]; см. также рус. пер.: Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

МИГРАЦИЯ (MIGRATION)

Рабочее определение

Передвижение людей — преимущественно через границы национальных государств — из одного географического региона в другой. В XX веке стало широко распространенным и обычным явлением.

Происхождение понятия

Люди передвигались из одного региона в другой на протяжении всей истории человечества, и именно с крупномасштабной миграцией прежде всего связано распространение человеческого вида по планете. В современную эпоху индустриализация меняла направления миграционных потоков внутри отдельных стран по мере того, как новые возможности трудоустройства привлекали деревенских жителей в города. В то же время спрос на рабочую силу со стороны работодателей и рынков способствовал увеличению межстрановой миграции. Во время преследования нацистами национальных меньшинств, в 1930–1940-е годы, многие восточноевропейские евреи бежали в Западную Европу, и это пример, показывающий, что миграция часто является вынужденной. Миграция порождает смешение различных этнических групп и создает этнически неоднородные общества. В ходе европейской интеграции были устранены многие барьеры для свободного передвижения людей, что значительно увеличило региональную миграцию. Крупномасштабные миграции могут иметь самые разные причины, и теориям миграционных процессов необходимо принимать это во внимание.

Значение и интерпретация

Иммиграция — это процесс *въезда* в страну для дальнейшего в ней проживания, а эмиграция — процесс *выезда* из страны для того, чтобы обосноваться где-либо в другом месте. Изучение иммиграции и эмиграции предполагает установление моделей миграции, связывающих страны происхождения со странами назначения, а также исследование последствий изменения этих моделей для индивидов, сообществ и обществ, вовлеченных в миграционный процесс. Усиление глобальной миграции, начиная со Второй мировой войны и особенно в последние десятилетия, превратило ее в важную политическую проблему для всего мира. Миграция — явление не новое, но в современную эпоху она значительно увеличилась, ускоряя интеграционные процессы глобализации. Эти изменения позволяют некоторым специалистам именовать нынешний период эпохой миграции. К примеру, после падения коммунистических режимов в Восточной Европе, в 1989 году, Европа пережила новую миграцию. Открытие границ привело к миграции нескольких миллионов

человек в 1989–1994 годах. При этом война и этнический конфликт в бывшей Югославии стали причиной исхода около 5 млн человек в другие европейские регионы. Конфликты последних лет в Ираке и Сирии также привели к росту числа перемещенных лиц, ищущих убежище за пределами своих стран, в первую очередь — в странах Евросоюза. Модели миграции претерпели значительные изменения, так как по мере распада государств размывалась граница между страной происхождения и страной назначения.

Для характеристики глобальных передвижений населения, происходящих с 1945 года, можно воспользоваться четырьмя моделями [Castles, Haas, Miller, 2013]. США и Австралия соответствуют *классической* модели миграции. В этих странах общество формировалось путем активного поощрения иммиграции и новые мигранты становились полноправными гражданами. Однако иммиграция не бывает неограниченной. Как правило, ограничения устанавливаются на число мигрантов, которым разрешается въехать в страну. Альтернативную модель — *колониальную* — можно наблюдать в Великобритании, которая в разные периоды поощряла миграцию из своих бывших колоний, для того чтобы, прежде всего, удовлетворить запросы рынка труда. Иммиграция из стран Британского Содружества в 1950-е годы, таких как Индия и Ямайка, возможно, лучший пример данной модели. Третья модель — *гастарбайтерство*¹ — стимулирует *краткосрочную иммиграцию* строго на основе требований рынка труда. Эта модель, принятая в Германии и Бельгии, в отличие от колониальной модели, не позволяет мигрантам становиться гражданами (независимо от длительности их проживания в стране). Наконец, четвертая модель охватывает все формы *нелегальной иммиграции*. Ее значение за последние годы возросло из-за ужесточения миграционной политики относительно богатых стран. Более того, глобализационные процессы способствуют тому, что движение идей, информации и людей становится более изменчивым и нестабильным.

В теориях, описывающих миграционные модели и потоки, преобладают так называемые факторы притяжения и отталкивания. Факторы отталкивания (*push factors*), такие как конфликты, войны, голод или политические потрясения, действуют внутри страны и вынуждают или толкают людей на эмиграцию.

¹ Иностранцы, работающие по временному найму. — *Примеч. ред.*

Факторы притяжения (*pull factors*), то есть развитый рынок труда, возможности трудоустройства, благоприятные условия для жизни и политическая ситуация в стране, существуют в странах назначения и привлекают, или притягивают, новых иммигрантов. В последнее время подобные теории миграции считаются чересчур упрощенными, поскольку миграционные потоки становятся все менее упорядоченными и более глобальными. В качестве альтернативы можно предложить связь факторов на микро- и макроуровнях. К примеру, на макроуровне можно проследить изменения в законодательстве и политической ситуации или формирование региональных блоков (скажем, Европейского союза), которые определяют новые рамки миграции. Далее, можно проследить связь макро- и микрофакторов: на микроуровне важны доходы людей, их знания о других странах, существующие семейные связи. В этом случае могут быть сформулированы более убедительные и обоснованные объяснения конкретных случаев миграции.

Критические замечания

Критики теорий миграции утверждают, что большая их часть не смогла порвать со старой, конвенциональной точкой зрения, сторонники которой оказались неспособными к взаимодействию с новым формирующимся теоретическим подходом — исследованием мобильностей [Urry, Sheller, 2004]. Большинство исследований миграционных моделей остаются государственно-центричными, уделяя основное внимание, скорее, перемещениям между странами, чем региональным потокам или движениям внутри обширных городских районов. Новые миграционные потоки бросили также вызов конвенциональным понятиям «гражданство» и «идентичность», основанным на лояльности национальному государству, создав новые проблемы для теорий, хранящим верность устоявшимся позициям. Однако, как было сказано выше, некоторые недавние работы в этой области начинают устранять эти потенциальные недостатки.

Сохраняющаяся актуальность

Изучение миграции становится, похоже, основной областью социологии из-за нынешних размеров, скорости и размаха это-

го явления. Социологи должны очертить контуры новых, по сравнению с прошлыми периодами, миграционных моделей и описать их тенденции (например, ускорение миграции через границы и ее диверсификация; многие страны получают иммигрантов из множества разных мест). Существует также тенденция к глобализации миграции (процессы перемещения людей вовлекают все больше стран и как «отправителей» мигрантов, и как их «получателей») и к ее *феминизации* (среди мигрантов растет число женщин, что является еще одним отличием по сравнению с прошлыми моделями) [Castles, Haas, Miller, 2013]. Вполне вероятно, что уровень миграции возрастет, женщин-мигрантов станет больше, страны столкнутся с более разнообразным набором иммигрантских групп. Столь же важно, что миграция становится обычной чертой нашего глобального мира. Правительства и международные организации должны будут найти новые творческие способы управлять миграционными потоками.

Полезным методом при исследованиях миграции может стать тематическое изучение отдельных стран. Хорошим примером такого исследования является работа Роберта Уиндера, посвященная истории британской иммиграции [Winder, 2004]. Предлагая широкий исторический охват, Уиндер рассказывает историю последовательных миграций в страну и из страны вплоть до настоящего времени. Он напоминает, что мигранты зачастую являются идущими на риск предпринимателями с острым чувством собственной свободы и тягой к приключениям и эмиграция из Британии также занимает значительное место в этой истории. Главная мысль книги состоит в том, что Британия (и это применимо ко многим странам) на глубинном уровне населена иммигрантами.

Идея переезда в другую страну ради лучшей жизни находится в центре внимания исследования М. Бенсона и К. О'Рейли, посвященного так называемой миграции жизненного стиля (*lifestyle migration*), распространенной среди сравнительно богатых людей [Benson, O'Reilly, 2009]. Миграция предлагает одним альтернативный, более простой стиль жизни, другим — возможность убежать от тяжелой личной истории или сосредоточиться на том, чтобы создать себя заново. Несмотря на нетипичность подобного рода исследований, авторы изучают миграцию жиз-

ненного стиля, исходя из точки зрения представителей состоятельных слоев, что позволяет поместить решение о миграции в контекст всего жизненного пути. Такой подход может оказаться полезным для изучения и других типов миграции.

Не всегда миграция — результат свободного выбора. Зачастую ее причинами становятся торговля людьми и рабство, которые, как полагают многие, были когда-то окончательно искоренены. Однако краткий исторический обзор, сделанный Дэвидом Маски, показывает, что основная часть торговли людьми состоит в перемещении жителей некоторых беднейших районов мира для принуждения их к труду и проституции и контролируется организованной международной преступностью [Masci, 2010]. Работа Маски ставит вопрос о том, делают ли правительства по всему миру достаточно для контроля и предотвращения торговли людьми. Исследование охватывает современные дискуссии по этому вопросу в развитых и развивающихся странах, что делает работу полезной для студентов.

Литература

Benson M., O'Reilly K. Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration // *Sociological Review*. 2009. Vol. 57. No. 4. P. 608–625.

Castles S. Twenty-First Century Migration as a Challenge to Sociology // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33. No. 3. P. 351–371.

Castles S., Haas H. de, Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

Masci D. Human Trafficking and Slavery: Are the World's Nations Doing Enough to Stamp it Out? // Issue in Race, Ethnicity, Gender and Class: Selections from CQ Researcher. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2010. P. 25–46.

Urry J., Sheller M. (eds). *Tourism Mobilities: Places to Play, Places in Play*. London: Routledge, 2004.

Winder R. *Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain*. London: Little, Brown, 2004.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА (*ENVIRONMENT*)

Рабочее определение

В экологической социологии (*environmental sociology*) — естественная среда планеты Земля, а не экономическая среда, бизнес-среда или другое подобное творение человека.

Происхождение понятия

Если под окружающей средой понимать естественную среду, то это понятие, по всей видимости, не отличается от понятия «природа». В социологии сложное понятие «природа», имеющее долгую историю и целый ряд значений, зачастую рассматривалось как противоположное понятиям «культура» и «общество». Понятие «окружающая среда» относительно недавно используется для описания природного мира, в пределах которого существуют общества. Понятие соединяет представления о природных силах и природных объектах — растениях, животных, экосистемах — и пришло на смену понятию «природа» в послевоенный период, получив широкое распространение в 1960-е годы в развитых странах среди экологических активистов и «зеленых». Однако само происхождение придало понятию «окружающая среда» четкий моральный статус: это что-то ценное, требующее защиты от агрессивной человеческой деятельности, особенно от индустриализации и распространения урбанизма. В наиболее широком смысле окружающая среда — это вся планета Земля, а изображения, получаемые со спутников, превращают понятие в ясный и широко распространенный визуальный символ. Окружающая среда вошла в социологию в форме ключевых проблем, требующих решения, таких как кислотные дожди, глобальное потепление, рост загрязнений. Сегодня экологическая социология — это специализированная область исследований, по преимуществу представленная в США. В Европе доминирует социология окружающей среды (*sociology of environment*), укорененная в более широкой перспективе социального конструктивизма.

Значение и интерпретация

Многие социологи относятся с большим подозрением к объяснениям, использующим биологические понятия в изучении со-

циальной жизни. В этом состоит одна из причин, по которой исследованиям проблем окружающей среды понадобилось столь длительное время, чтобы быть принятыми внутри дисциплины. Для одних исследователей проблемы окружающей среды остаются на периферии социологии, в отличие от таких ее давних проблем, как неравенство, бедность, преступность и здоровье. Для других социологов окружающая среда стала одной из новых центральных проблем — наряду с риском, терроризмом и глобализацией, — трансформирующих социологию и социальные дисциплины в целом. Изучение взаимоотношений между обществом и окружающей средой предполагает понимание и социальных отношений, и природных явлений, поскольку экологические проблемы представляют собой гибриды социального и природного [Irwin, 2001]. Это хорошо видно на примерах нефтяных загрязнений и загрязнений воздуха, генетической модификации продуктов питания и глобального потепления — все эти проблемы требуют от социологов работы с эмпирическими данными естественных наук. Пока социологи не поймут, почему данные проблемы вызывают беспокойство и какие последствия имеют для людей, от них не приходится ждать полезных суждений на эти темы. Но проблемы окружающей среды никогда не бывают полностью природными, так как причины их часто коренятся в результатах человеческой деятельности. Естественники поэтому также должны понимать социальные причины или рукотворный характер экологических проблем, которые они стремятся разрешить. Широко признано, что глобальное потепление, то есть экологическая проблема, рассматриваемая естественниками как наиболее серьезная, — это результат крупномасштабного промышленного производства и современных способов жизни.

Группа социологов, занимающихся экологическими проблемами, сейчас поделена на два лагеря. Первый из них — социальные конструктивисты, которые не принимают как данность «природные» аспекты экологических проблем и склонны к агностицизму относительно того, являются ли они настолько серьезными, как об этом заявляют участники экологических движений и ученые. Причина такой позиции кроется в том, что у многих социологов нет профессиональной подготовки в области естественных наук, поэтому они не могут иметь экс-

пертного мнения, чтобы убедительно дебатировать с учеными-естественниками. Социальные конструктивисты исследуют историю и социологию экологических проблем, подготавливая таким образом широкую общественность к их рассмотрению.

Во втором лагере находятся экологические социологи и критические реалисты. Если экологические проблемы реальны и имеют угрожающий характер, для их решения нужно понять их социальные и природные причины. Критические реалисты (особенно в Великобритании) утверждают, что социологи должны проникнуть в суть явлений, чтобы объяснить механизмы, производящие экологические проблемы. Когда концентрация углекислого газа в атмосфере достигает уровня, при котором она удерживает все больше солнечной энергии, что приводит к повышению температуры поверхности Земли, и мы оказываемся свидетелями возникновения природных процессов, имеющих опасные последствия. Однако эти природные процессы возникли вследствие деятельности человека на протяжении долгого периода времени. Необходимо поэтому точно понять, какие виды человеческой активности являются причинами этих процессов, а какие — всего лишь их корреляты или следствия. Реалисты говорят о том, что мы не можем оставаться агностиками в отношении этих проблем.

Критические замечания

Включение окружающей среды в социологию было воспринято как проблематичное. Если социологи должны полагаться на естественников и их знание экологических проблем, то не подорвет ли это критический подход, которого требует социология? Учитывая различия в теориях, методах и типах данных, используемых в социальных и естественных науках, будет ли реалистичным предположить, что представители этих наук окажутся способными к совместной работе? Поскольку многие социологи придерживаются социально-конструктивистского подхода, находящегося в противоречии с фундаментальным реализмом, присущим естественным наукам, в настоящее время более вероятным представляется сценарий, при котором социологи продолжают изучать не экологические проблемы как таковые, а процессы и социальные взаимодействия, которые вовлечены в производство научного знания об этих проблемах.

Сохраняющаяся актуальность

Социологам потребовалось определенное время, чтобы оценить значимость экологических проблем. В этом они значительно отстали от активистов экологических движений и ученых-экологов. Окружающая среда — это довольно спорное понятие, и едва ли для него когда-нибудь будет выработано общее определение, приемлемое для всех. Тем не менее существует растущий корпус социологических исследований и теорий окружающей среды, которые обогащают наше понимание взаимоотношений между обществом и природой. Глобальное изменение климата, инициативы по устойчивому развитию, растущий интерес к способам производства продовольствия и экономии энергии — все это получило широкий общественный резонанс, и социологи должны включить эти вопросы в проблемное поле своей дисциплины, чтобы сохранить ее актуальность в глазах новых поколений студентов.

Констанс Левер-Трейси считает, что социология боролась против интеграции экологических проблем (особенно против глобального потепления) прежде всего потому, что социологи с большой подозрительностью относятся к натуралистическим аргументам, предпочитая более комфортный социальный конструктивизм [Lever-Tracy, 2008]. Однако она полагает, что настало время сделать вопрос изменения климата центральным в социологии, а социологам обратиться к междисциплинарности. Это стало необходимо, так как понимание глобального потепления и усилия по смягчению его последствий и уменьшению углеродных выбросов требуют совместной работы естественников и социальных ученых. Отвечая ей, Райнер Грундманн и Нико Стер встали на защиту конструктивистского подхода к экологическим проблемам [Grundmann, Stehr, 2010]. Они утверждают, что конструктивизм позволяет социологам избегать вовлечения в политические, по сути, дебаты и привносит сбалансированную социальную точку зрения на научные результаты.

Литература

Bell M.M. An Invitation to Environmental Sociology. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2015.

Dunlap R.E. Paradigms, Theories and Environmental Sociology // *Dunlap R.E. et al. (eds).* Sociological Theory and the Environment: Classical

Foundations, Contemporary Insights. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002. P. 329–350.

Grundmann R., Stehr N. Climate Change: What Role for Sociology? A Response to Constance Lever-Tracy // *Current Sociology*. 2010. Vol. 58. No. 6. P. 897–910.

Irwin A. *Sociology and the Environment: A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Cambridge: Polity, 2001.

Lever-Tracy C. Global Warming and Sociology // *Current Sociology*. 2008. Vol. 56. No. 3. P. 445–466.

Sutton P.W. *The Environment: A Sociological Introduction*. Cambridge: Polity, 2007.

ОТЧУЖДЕНИЕ (*ALIENATION*)

Рабочее определение

Отделение или отстранение человека от некоторых существенных аспектов своей природы или от общества, что зачастую приводит к возникновению чувства бессилия и беспомощности.

Происхождение понятия

Использование термина «отчуждение» в социологии связано с ранними идеями Карла Маркса о механизмах влияния капитализма на социальные отношения и потере человеком контроля над собственной жизнью. Сам Маркс вдохновлялся философской критикой христианства Людвигом Фейербахом. Христианство с его всемогущим и всезнающим Богом есть проекция на духовное существо того, что в действительности является человеческими силами, с принятием идеи спасения, достижимого только после смерти, в другом мире. Фейербах рассматривал подобную проекцию как форму отчуждения или отстранения и мистификации сил человека, которую необходимо разоблачить и устранить.

Маркс изъяснял понятие «отчуждение» из религиозного контекста и использовал его для анализа условий труда и жизнедеятельности в секулярных индустриальных капиталистических обществах [Marx, 2007]. Для Маркса спасение человека состоит в вырывании контроля над всеми аспектами общества у небольшого господствующего класса, эксплуатирующего массы рабочих. Определенные религиозные верования были частью идео-

логического контроля, который призывал рабочих принять свой жребий в обмен на подлинное спасение после смерти. В XX веке социологи, изучавшие промышленность, использовали понятие «отчуждение» для эмпирических исследований производственных отношений в рамках различных систем управления. Более поздние исследования являются в гораздо большей степени социально-психологическими, чем ранние работы Маркса.

Значение и интерпретация

Понятие «отчуждение» перекочевало из дискурса социологии в современные медиакомментарии и повседневный язык. К примеру, можно услышать, что целое поколение становится отчужденным от общества, или о том, что молодежные субкультуры представляют собой отчуждение молодых людей от господствующих ценностей. Идея дистанцирования и отделения в этих случаях очевидна, однако в социологии отчуждение ассоциируется прежде всего с неравенством в капиталистических обществах. Материалистический подход к истории Маркса начинается со способа, каким люди организуют свою совместную жизнь для производства благ и выживания. Для Маркса быть отчужденным означает находиться в объективных условиях, имеющих реальные последствия, а ключ к изменению ситуации — в изменении не способа нашего мышления или веры, а самого способа нашего существования, в обретении контроля над его условиями. Может показаться, что в предшествующие исторические периоды труд требовал больших физических затрат, был более изнуряющим и утомительным. Однако для многих социальных групп (таких как крестьяне и ремесленники) их труд предполагал знания и умения и сам по себе приносил удовлетворение. Более того, он позволял трудящимся в гораздо большей степени контролировать рабочие процессы, чем это происходит на современных промышленных предприятиях, в больших офисах, колл-центрах и ресторанах быстрого питания. Сегодня труд требует меньших затрат физических усилий, чем прежде, однако контролировать его становится все сложнее, что, в свою очередь, увеличивает уровень отчуждения.

Теория Маркса предполагает, что капиталистическое производство порождает отчуждение в четырех основных сферах. Рабочие отчуждаются от своей собственной *рабочей силы*:

они вынуждены трудиться и выполнять задачи, определяемые для них нанимателями. Они отчуждаются от *продуктов своего труда*, которые присваиваются капиталистами и продаются на рынке ради извлечения прибыли, в то время как рабочие получают только ее часть в форме заработной платы. Рабочие также отчуждаются *друг от друга*, так как капитализм вынуждает их конкурировать за рабочие места, а предприятия и регионы — за доли на рынке. Наконец, Маркс утверждает, что поскольку труд является сущностным свойством человека, определяющим для него, отчуждение от собственного труда означает и отчуждение человека от своей «родовой сущности». Труд как таковой больше не приносит удовлетворение, он становится инструментом заработка для выживания. Сами представления о труде приобрели негативные коннотации и оказались отделены от гораздо более приятной сферы отдыха. Маркс видел решение проблемы отчуждения в уничтожении капиталистических отношений эксплуатации и движении к коммунизму, при котором устанавливается коллективный контроль над производственным процессом, а отчуждение упраздняется.

Критические замечания

Тезис Маркса оказал значительное влияние на социологию, несмотря на свой абстрактный характер и внутреннюю связь с его общей социальной теорией и ее революционными выводами. Для того чтобы сделать понятие «отчуждение» более полезным для эмпирических исследований, социологи освободили его от этой связи, в результате чего стало возможным сравнивать степени отчуждения, определяемые различиями в условиях труда и управленческими режимами. На протяжении XX века предпринималось несколько попыток операционализации понятия «отчуждение». Одним из примеров может служить работа Роберта Блаунера «Отчуждение и свобода» [Blauner, 1964], в которой проведен сравнительный анализ отчуждающих эффектов условий труда в четырех отраслях промышленности. Блаунера интересовало, как сами рабочие переживают ключевые аспекты отчуждения — бессилие, бессмысленность, изоляцию и самоотстраненность. Он пришел к выводу, что в целом ряде ситуаций найма можно измерить каждый из этих аспектов и оценить, какой тип работы порождает самые высокие и самые низкие сте-

пени отчуждения. Блаунер выяснил, что рутинная заводская работа, особенно на конвейерном производстве, вызывает самые высокие степени отчуждения. Однако когда сборочные линии были автоматизированы, степень отчуждения снизилась, так как автоматизация позволила рабочим больше контролировать собственную работу. Результат исследования Блаунера противоречит стандартным марксистским теориям о неизбежной деквалификации рабочей силы, по мере того как технологии приходят на смену людям. Введение Блаунером в теорию отчуждения субъективной перспективы было новаторским и эмпирически продуктивным. Оно обеспечило взглядам и опыту самих рабочих место в социологической теории отчуждения. Блаунер также показал, что отчуждение может быть уменьшено без разрушения капитализма.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «отчуждение» представляется неразрывно связанным с марксистской теорией, несмотря на попытки расширить его значение для более широкого использования в социологии. Поскольку номинально марксистские режимы после 1989 года потерпели крах, а марксистская революционная теория утратила свои позиции, актуальность этого понятия для будущего социологии вызывает сомнения. Однако исследование японских управленческих практик имплицитно предполагало, что использование рабочих групп и коллективного принятия решений уменьшают отчуждения рабочих и улучшают трудовые отношения. Предпринимались попытки использования понятия «отчуждение» и в других исследовательских областях, что может способствовать его возрождению в новом столетии.

Хайден Смит и Роберт Бом возражают против широкого использования в криминологии дюркгеймовского понятия «аномия», утверждая, что отчуждение предлагает более объемную и полезную перспективу [Smith, Bohm, 2008]. Они полагают, что центральным для теории аномии является отсутствие нормы, однако оно лишь одно из пяти измерений в теории отчуждения. Другие четыре измерения — бессилие, бессмысленность, изоляция и самоотстранение — по большей части игнорируются в криминологии. Это способствует тому, что криминология остается слишком близкой к контролю над преступностью и не

может объяснить преступное поведение. Смит и Бом полагают, что отчуждение является более интегративным понятием, которое открывает возможность нахождения действенных способов уменьшения отчуждающих эффектов капиталистической социальной структуры.

В аналогичном ключе Крис Юилл рассматривает теорию отчуждения применительно к здоровью [Yuill, 2005]. Связь между отчуждением и здоровьем, как правило, не принимается во внимание социологами медицины. Это представляется странным, учитывая, что оригинальная теория Маркса основывается на идее, в соответствии с которой эксплуататорские и отчуждающие условия капиталистической экономики воздействуют и формируют материальные, эмоциональные и телесные аспекты существования человека, чье благополучие и здоровье оказываются очевидным образом затронутыми. Юилл принимает марксову версию понятия и рассматривает ряд примеров из социологии медицины сквозь призму отчуждения.

Литература

Archibald W.P. Marx, Globalization and Alienation: Received and Underappreciated Wisdoms // Critical Sociology. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 151–174.

Blauner R. Alienation and Freedom: The Factory Worker and his Industry. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 / ed. and transl. M. Milligan. Mineola, NY: Dover, 2007 [1844]; см. также рус. пер.: Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 517–642.

Smith H.P., Bohm R.M. Beyond Anomie: Alienation and Crime // Critical Criminology. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 1–15.

Yuill C. Marx: Capitalism, Alienation and Health // Social Theory and Health. 2005. Vol. 3. Iss. 2. P. 126–143.

РИСК (*RISK*)

Рабочее определение

Согласно Ульриху Беку, риск — это «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой. Риски в отличие

от опасностей прошлых эпох — следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха»².

Происхождение понятия

Термин заимствован из повседневного употребления и развит в социологическую концепцию, как и более общая теория социальных изменений. Принятие рисков или увлеченность приносящими удовольствие рискованными занятиями (например, экстремальными видами спорта) — часть повседневной жизни многих людей, включающей действия, содержащие элемент опасности. Большинство таких действий — рассчитанные риски, поскольку прилагаются всевозможные усилия для совершения этих действий максимально безопасным образом. Специальная дисциплина оценки рисков используется бизнесом, правительствами и добровольными организациями для взвешивания плюсов и минусов того или иного направления действий, определения вероятности их успеха и минимизации связанных с ними финансовых и иных угроз.

С тех пор как социологи стали использовать понятие «риск», оно приобрело более общий характер и теперь отсылает к социальным условиям, которые становятся преобладающими, по мере того как люди в индустриальных обществах начинают задумываться о пагубных аспектах модерна. Ульрих Бек [Beck, 1992] и Энтони Гидденс [Giddens, 1991] оказали большое влияние на формирование теории рисков (и доверия) как имеющей большое значение для нашего понимания современных обществ. При этом понятие «риск» было введено в широкий круг исследовательских областей, включая здравоохранение, преступность, девиантность, окружающую среду и социальную теорию.

Значение и интерпретация

Человек всегда сталкивался с такими рисками, как угроза насилия со стороны других людей, природные катастрофы, пожары, несчастные случаи. Все это возможно и теперь. Однако социо-

² Цит. по: Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1995. № 4. С. 45. — *Примеч. ред.*

логи риска утверждают, что сегодняшние риски повышенной опасности, такие как глобальное потепление или распространение ядерного оружия, не являются естественными и находящимися вне контроля человека. Скорее, это искусственные риски, результаты применения научного знания в промышленном производстве и незапланированные последствия технологического прогресса.

Многие решения, принимаемые в повседневной жизни, также связаны с риском и неопределенностью. Профессиональная жизнь многих людей подчинена краткосрочным контрактам, нерегулярной занятости и отсутствию безопасности, в то время как самоидентичности больше не укоренены в традиционных источниках (в семье и сообществе) и не поддерживаются ими. Возникающие в результате неопределенности являются одновременно реальными возможностями и рисками, так как индивиды в гораздо большей степени, чем прежде, вынуждены опираться на собственные ресурсы и принимать самостоятельные решения на основе «вороха» доступной им информации. Вступление в брак всегда было относительно простым делом, этапом жизненного пути и стабилизацией взрослой сексуальности. Сегодня многие люди сожительствуют друг с другом, не вступая при этом в брак, уровень разводов высок, равно как и повторных браков, и люди должны оценивать риски в ситуации растущей неопределенности. Именно поэтому понятие «риск» вошло в социологический дискурс и повседневную жизнь людей [Arnoldi, 2009].

Многочисленные террористические атаки последних 20 лет изменили взгляды людей на защищенность их сообществ перед лицом угроз насилия и способность правительств защитить собственных граждан. Посадка в аэропорту на внутренний рейс теперь предполагает целый ряд мер безопасности (включая сканирование тела), направленных на снижения риска для пассажиров стать жертвами. Будучи порождением современного стиля жизни, риски ставят нас перед новыми выборами и вызовами, а также перед необходимостью принимать новые решения. Даже кажущиеся простыми решения, касающиеся питания, сейчас принимаются в контексте конфликтующих мнений и информации о преимуществах и недостатках тех или иных продуктов.

Для Ульриха Бека понятие «риск» имеет даже большее значение. Он утверждает, что в настоящее время мы переживаем медленную смерть индустриального общества. Рождается новое «общество риска», в котором ключевую роль приобретают сознание риска и его предотвращение, а на первый план выдвигаются проблемы окружающей среды. На протяжении XIX и XX веков в политике доминировал конфликт интересов между работниками и их работодателями, разыгрываемый правыми и левыми политическими партиями, фокусирувавшимися на вопросах распределения богатства. Бек полагает, что этот индустриальный классовый конфликт утратил свое значение, так как люди поняли тщетность борьбы за лучший кусок в «пироге благосостояния», ведь пирог уже отравлен результатами загрязнения окружающей среды [Beck, 2002]. Мы стоим на пороге «мирового общества риска», в котором даже сравнительно богатые страны не обладают иммунитетом к промышленным загрязнениям, климатическим изменениям и увеличению озоновой дыры. Управление рисками станет ключевой характеристикой будущего глобального порядка, и следует понимать, что в одиночку странам не справиться с новыми вызовами. Международная политическая кооперация (к примеру, международное соглашение в Киото по борьбе с глобальным потеплением путем снижения выбросов углекислого газа) должна стать обычным явлением.

Критические замечания

Один из главных пунктов критики теории риска заключается в том, что она преувеличивает его значение. Например, нет достаточных эмпирических исследований и конкретных данных для поддержки тезиса Бека о переходе к «обществу риска», несмотря на то что существует большая, чем раньше, осведомленность об экологических проблемах и рисках. Политические партии зеленых не совершили того электорального прорыва, которого можно было бы ожидать в случае отмирания прежней, основанной на классах политики, — старые партии «правых и левых» продолжают доминировать в национальной политике. На глобальном уровне проблема производства богатства и его распределения остается ключевой, потому что развивающиеся страны отчаянно пытаются уменьшить пропасть между богаты-

ми и бедными. Решение многочисленных проблем абсолютной бедности в развивающихся странах остается в центре мировой политики. Некоторые критики рассматривают теорию риска как достаточно наивную в отношении самого понятия «риск» и его изменчивости в зависимости от различных культур. То, что считается риском в одних обществах, может не считаться таковым в других. Сходным образом то, что в богатых индустриальных обществах рассматривается как загрязнение, зачастую видится как признак здорового экономического роста в более бедных развивающихся странах. Понятие «риск» культурно обусловлено; этот факт в значительной степени усложняет достижение международных соглашений по борьбе с рисками.

Сохраняющаяся актуальность

Хотя многие утверждения теории риска могут показаться преувеличениями, нет сомнения, что недавние социальные изменения привели к увеличению неопределенности и уменьшению опоры на традиционные и привычные уклады жизни. В этом новом меняющемся контексте повышается чувствительность к рискам и индивиды оказываются поставлены перед необходимостью принимать собственные решения по гораздо более широкому кругу вопросов. Глобальные угрозы здоровью — свиной грипп, национальные споры о безопасности вакцины MMR³ в Великобритании, постоянные дебаты об опасности Интернета для детей — иллюстрируют то, что ранее рассматривалось как неполитический вопрос, сегодня перемещается в сферу «политики риска».

Джудит Грин признает продуктивность понятия «риск» для своего исследовательского поля — социологии медицины, особенно для постижения того, какой люди придают смысл болезни и планируют свои действия в связи с рисками для здоровья [Green, 2009]. Однако она полагает, что понятие «риск» уже не так полезно в этой области, прежде всего для тех, кто проводит эмпирические исследования, потому что изучение рисков стало слишком узким и касается лишь нескольких тем — оценки рисков, рационального принятия решений и техники расчета.

³ Measles, Mumps, and Rubella (MMR) Vaccine — вакцина против кори, свинки и краснухи. — *Примеч. ред.*

Разработка исследований в терминах риска может сегодня быть неоправданно ограниченной.

Литература

Arnoldi J. Risk. Cambridge: Polity, 2009.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992; см. также рус. пер.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Beck U. Ecological Politics in the Age of Risk. Cambridge: Polity, 2002.

Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity, 2008.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity, 1991.

Green J. Is it Time for the Sociology of Health to Abandon “Risk” // Health, Risk and Society. 2009. Vol. 11. No. 6. P. 493–508.

Tulloch J., Lupton D. Risk and Everyday Life. London: Sage, 2003.

УРБАНИЗМ (*URBANISM*)

Рабочее определение

Отличительная характеристика жизни в современных городах и городских пространствах и ее влияние на прилегающие территории и сельские районы.

Происхождение понятия

Города — это большие поселения людей, зачастую центры власти над прилегающими районами и поселениями меньшего размера. И хотя города были известны еще с глубокой древности, социологический тезис, в соответствии с которым город и проживание в городах имеют отличительный характер или являются особой формой жизни, был сформулирован только в конце XIX века. В то время урбанизация приводила к стремительному росту численности и плотности городского населения, что для многих знаменовало собой начало новой стадии цивилизации. Фердинанд Тённис и Георг Зиммель в своих исследованиях сравнивали современные им города с предыдущими типами поселений и показывали, как индивиды вырабатывают новые физические и социальные стратегии выживания в новой среде [Tonnie, 2001; Simmel, 2005]. Изучение города достигло сво-

его совершеннолетия в работах Чикагской школы в 1920-е и 1930-е годы. Роберт Парк, Эрнст Бёрджесс, Луис Вирт и их коллеги, используя характерный для Чикагской школы подход, известный как «городская экология», дали успешный старт новой дисциплине — городским исследованиям (*urban studies*). Более поздние работы в этой области сосредоточили свое внимание на роли социальных движений и процессов глобализации, которые формируют городскую жизнь и одновременно формируются ею.

Значение и интерпретация

Предтечей городских исследований был Фердинанд Тённис. В 1880-е годы он писал о том, что традиционные связи внутри общности (*Gemeinschaft*), которые были тесными и длительными, уступили место более свободным и преходящим отношениям внутри общества (*Gesellschaft*). Тённис рассматривал это как неизбежность, однако полагал, что в процессе трансформаций утрачивается нечто жизненно важное, по мере того как индивидуальность становится более эгоистичной и инструментальной. Георг Зиммель, еще один важный предтеча городских исследований, старался описать опыт и качественные аспекты городской жизни, концентрируя внимание на том, как люди справляются с ней. Зиммель предполагал, что это происходит при помощи механизма пресыщения, особой ментальной установки — «мы все это видели раньше», которая притупляет и сводит на нет истощающее воздействие городской жизни на чувства. Без подобных адаптивных механизмов городская среда стала бы невыносимой.

Луис Вирт подкрепил все предшествующие разрозненные подходы к городскому опыту известной фразой: «Урбанизм — это образ жизни» [Wirth, 1938]. Возникновение современного урбанизма ознаменовало появление новой формы человеческого существования. Большинство контактов между жителями города мимолетны, фрагментарны, направлены на достижение конкретных результатов и сами по себе не обладают ценностью. Покупка билета, заправка автомобиля, обсуждение сберегательных счетов в банке — все эти рутинные взаимодействия типичны для того, что Вирт называет вторичными контактами. Их отличает от первичных контактов в семье или сообществе то,

что люди вовлечены в них только частью своей самости, достаточной для успешного завершения взаимодействия. Эти взаимодействия всего лишь средства для других целей. Конечно, вторичные контакты существенно важны, но Вирт полагает, что урбанизм требует, чтобы они стали господствующим типом социальных отношений. Как следствие, социальные связи (клей, обеспечивающий целостность общества) становятся слабее.

Чикагская школа обеспечила базовый набор инструментов, позволивших встроить городские исследования в социологию. Ее члены развили подход, известный как экология города. В его рамках анализировался процесс, благодаря которому города становились внутренне социально дифференцированными. Как утверждал Роберт Парк, город — это великий механизм отбора. С использованием заимствованных из биоэкологии понятий (борьба за существование, инвазия и сукцессия) стало возможным показать, что города развиваются, как серии концентрических колец. Бизнес тяготеет к центру города, где располагаются также клонящиеся к упадку частные домовладения. Следующее кольцо — это давно сложившиеся районы, за которыми располагаются пригороды, в которых проживают относительно богатые социальные группы (третье кольцо). Как и в экологии, процессы инвазии и сукцессии порождают постоянное движение через границы концентрических колец, тем самым города сохраняют свой отличительный динамический и мобильный характер.

Более поздние направления в исследованиях города обнаружили непрерывную реструктуризацию пространства городской среды вследствие перемещений бизнеса, скупки земли и собственности инвесторами, действий правительства и местных властей по поддержке занятости и сохранению зеленых территорий. Реструктуризация городского пространства — это постоянный процесс, поскольку частные фирмы непрерывно перемещаются в поисках конкурентных преимуществ, и сейчас этот процесс становится глобальным. Следствием становится упадок одних районов и быстрое возрождение других. Это также означает, что форма урбанизма меняется вместе с бизнес-средой: в последнее время на смену промышленным предприятиям приходят офисные блоки, а бывшие индустриальные объекты становятся частными домовладениями.

Критические замечания

Проблема с понятием «урбанизм» заключается в его использовании как общей характеристики городской жизни, в то время как оно было сформулировано на основе ранних исследований, проводившихся только в США и Европе. Неужели богатые западные города — Лондон, Нью-Йорк и Париж — схожи с такими городами развивающихся стран, как Найроби, Мумбай или Дакка? Кроме высокой плотности населения, различия кажутся огромными. Например, убогие, с временными постройками трущобы, окружающие центральные районы многих городов в развивающихся странах, не имеют пространственных эквивалентов в развитом мире. Городские условия даже в пределах одного города различны, и это означает, что картина, нарисованная Зиммелем и Виртом, может быть применена только к центральным деловым районам и основным торговым кварталам.

Негативная тональность в характеристике урбанизма, появляющаяся во многих городских исследованиях, также может быть поставлена под вопрос. Вполне вероятно, что многие горожане воспринимают обезличенность города как раскрепощение и пользуются свободой, которую она порождает. В этом смысле урбанизм можно трактовать как шаг вперед по сравнению с предыдущими тесно связанными сообществами, подавлявшими индивидуальность. Формирование «сообществ выбора», то есть объединений друзей или единомышленников, также опровергает крайние концепции урбанизма как феномена, способствующего чрезмерному индивидуализму. Герберт Ганс отмечал, что поселки городского типа были обычной формой проживания иммигрантских групп в американских городах [Gans, 1962]. Он показал, что урбанизм может не только разрушать, но и создавать общинную жизнь. В целом экологическая перспектива недооценивает важность сознательного городского проектирования и планирования, которые зачастую приводит к смягчению тех проблем, которые она ставит.

Сохраняющаяся актуальность

Урбанизм обращает наше внимание на особый характер густонаселенных городских сред, которые исторически уникальны. Подход Зиммеля к духовной жизни в городах, возможно, им-

прессионистичен, однако он улавливает, каково это жить в городе. Он показал нам, что город — важный социологический и пространственный феномен. Со времени введения Чикагской школой экологического подхода городские исследования не стояли на месте. Два исследования городских социальных движений и их воздействия на формирование городской жизни, проведенные Мануэлем Кастельсом и Альберто Мелуччи, добавили новые измерения к нашему пониманию, так же как и географическое исследование изменений городского ландшафта и урбанистических форм Дэвида Харви [Castells, 1983; Melucci, 1989; Harvey, 2006].

Сегодня урбанизм может быть гораздо более разнообразным, чем это допускалось его ранними теоретиками, а появление мировых городов показывает, что внешние силы и давление глобализации тоже должны быть приняты во внимание. В последние годы планирование городской застройки оказалось под влиянием идей устойчивого развития. К примеру, Дуглас Фарр пишет о том, что США (и другие развитые страны) идут по неправильному пути и нуждаются во всеохватной реформе городской застройки, для того чтобы вписать человеческие сообщества в окружающую природную среду [Farr, 2008]. Для этого необходимо принять принцип предосторожности, согласно которому на девелоперов ложится обязанность продемонстрировать безопасность своих проектов для окружающей среды еще до начала строительства. Книга Фарра содержит множество исследований отдельных случаев и примеров того, как экологическое проектирование может изменить облик и опыт городской жизни в будущем.

Интересный взгляд на городской опыт можно найти в работе Шарон Зукин «Обнаженный город» [Zukin, 2010]. Это персональное путешествие по городскому обновлению США 1980-х годов, периоду, характеризующемуся, с одной стороны, перестройкой ветхого жилья и даже целых районов, а с другой стороны, обвинениями в утрате городом аутентичности. Зукин пишет, что в Нью-Йорке приток частных капиталов привел к чрезмерному вниманию к шопингу и безопасности. И хотя она не считает, что люди должны оплакивать трущобы, высокий уровень преступности и торговлю тяжелыми наркотиками, гомогенизирующая перестройка 1980-х годов устранила вместе с этими негативными явлениями разнообразие, креативность,

динамизм городов. Подход Зукин очень личностный, но он избегает ностальгии и позволяет понять те вызовы, которые стоят перед современными городскими планировщиками.

Литература

Abrahamson M. Urban Sociology: A Global Introduction. New York: Cambridge University Press, 2014.

Castels M. The City and the Grass Roots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. London: Edward Arnold, 1983.

Farr D. Sustainable Urbanism: Urban Design with Nature. New York: John Wiley, 2008.

Gans H.J. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. 2nd ed. New York: Free Press, 1962.

Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London: Verso, 2006.

Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. London: Hutchinson Radius, 1980.

Simmel G. The Metropolis and Mental Life // Lin J., Mele C. (eds). The Urban Sociology Reader. London: Routhledge, 2005 [1903]. P. 23–31; см. также рус. пер.: *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3/4 (34). С. 1–12.

Tönnies F. Community and Society [Gemeinschaft und Gesellschaft]. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001 [1887]; см. также рус. пер.: *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. No. 1. P. 1–24; см. также рус. пер.: *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005. С. 93–118.

Zukin S. Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010; см. также рус. пер.: *Зукин Ш.* Обнаженный город. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ (SUSTAINABLE DEVELOPMENT)

Рабочее определение

Подход, объединяющий долгосрочное сохранение глобальной окружающей среды с экономическим ростом развивающихся стран.

Происхождение понятия

Понятие «устойчивое развитие» было впервые сформулировано в 1987 году в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development — WCED), созданная ООН и известная по имени председателя Гру Харлем Брунтланн. Однако в истории можно обнаружить предшественников этого понятия. В конце XVIII века Мальтус писал об опасности постоянного роста населения, который превышает возможности земли прокормить это население. До тех пор пока численность населения не будет зафиксирована на безопасном уровне, результатом его увеличения будут массовый голод и социальные кризисы. Джон Стюарт Милль полагал, что неограниченный экономический рост приведет к ухудшению качества жизни и окружающей среды [Mill, 1999]. Говоря современным языком, и Мальтус, и Милль пытались обнаружить образец устойчивого развития.

В 1970-е годы, в докладе «Пределы роста» [Meadows et al., 1972], были выделены пять глобальных трендов: (1) ускорение индустриализации; (2) быстрый рост населения; (3) широкое распространение недоедания; (4) исчерпание невозобновляемых ресурсов и (5) ухудшение состояния окружающей среды. На их основе определялись сценарии будущего. В докладе делался вывод о том, что непрерывный экономический рост не является устойчивым и может прекратиться к 2100 году, несмотря на новые технологии и удвоение доступных ресурсов. Комиссия Брунтланн продолжила эту традицию анализа, одновременно предложив политическую платформу для объединения экономического развития и сохранения окружающей среды путем уменьшения глобального неравенства.

Значение и интерпретация

Основополагающий доклад «Наше общее будущее», известный как «Доклад Брунтланн», был подготовлен Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию [World Commission..., 1987]. Именно в нем было введено знаменитое определение устойчивого развития как отвечающего потребностям нынешнего поколения и не лишаящего будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. Это понятие является неоднозначным с политической точки зрения,

имеет довольно гибкий характер и может становиться объектом конфликтующих интерпретаций. Тем не менее в некоторых своих версиях оно используется экологами, правительствами и международными организациями, пытающимися каким-то образом справиться с экологическими проблемами и глобальным неравенством. Приведенное выше определение устойчивого развития ставит перед современными людьми задачу поиска путей производства достаточного для удовлетворения их потребностей богатства без нанесения вреда окружающей среде, от которой мы все зависим, и без угрозы для будущего поколения. Соединяя *устойчивость* и *развитие*, понятие апеллирует к экологам и правительствам относительно богатого Северного полушария и ко всем тем, кто стремится улучшить экономику относительно бедного глобального Юга. Это приводит к постановке задач, связанных с улучшением множества социальных показателей, таких как образование и уровень грамотности, здравоохранение, предоставление услуг и политическое участие сообществ. В то же время экологические показатели, то есть корпоративный и государственный экологический аудит, качество воздуха в городах, переработка отходов и др., направлены на снижение негативного влияния человека на окружающую среду. До сих пор результаты инициатив по устойчивому развитию оказывались неоднозначными — множество предложений, исходящих от небольших сообществ, и улучшение некоторых, но отнюдь не всех, показателей.

Общая оценка была представлена в докладе комиссии ООН по оценке экосистем на пороге тысячелетия, в заключении которого подчеркивалось, что человечество по-прежнему живет не по средствам, нанося окружающей среде непоправимый урон [UN Millennium..., 2005]. В частности, в докладе отмечалось, что обязательство оставить планету пригодной для того, чтобы будущие поколения могли удовлетворить свои потребности, не может быть выполнено, а задача уменьшить вдвое глобальное неравенство и недоедание не будет решена к 2015 году. В действительности уровень глобального неравенства растет, пагубное воздействие человека на природу усиливается, примерно 1,8 млн человек ежегодно умирают от плохой гигиены, антисанитарных условий и некачественной воды. Едва ли эти факты способны поддержать понятие «устойчивое развитие» и связанную с ним практику.

Критические замечания

В открытости концепции, возможно, и заключена ее сила: именно открытость позволяет каждому участвовать в устойчивом развитии. Однако она же может делать общественный дискурс непоследовательным, угождающим всем и, тем самым, мало способствующим решению реальных проблем. После почти четвертьвекового опыта инициатив по устойчивому развитию реальный прогресс в решении самых насущных и неотложных проблем остается незначительным. Вероятно, одной из причин, почему концепция устойчивого развития не выполнила своего изначального обещания, заключается в том, что она оказалась лишенной радикального содержания и использовалась как идеологическая дымовая завеса для продвижения краткосрочных проектов. Словом, то, что принимается за устойчивое развитие, на деле оказывается неустойчивым и не развитием [Luke, 2005].

Критикуется и само понятие: поскольку оно было выработано на почве западного консерватизма и экологической политики, ему присущ уклон в сторону, скорее, главной проблемы индустриального мира, то есть сохранения окружающей среды, чем основной заботы развивающегося мира — устранения материальной бедности. Это ведет к нелицеприятному спектаклю, разыгрываемому западными правительствами, которые жестко отчитывают развивающиеся страны за их неспособность защитить тропические леса и коралловые рифы, в то время как сам Запад по-прежнему обращается с ресурсами крайне расточительно. Развивающиеся страны жалуются: предлагаемые ограничения на выбросы парниковых газов не учитывают тот факт, что для богатых стран является «выбросами роскоши» (например, находящимися в частной собственности автомобилями) то, что для бедных стран — «выбросами выживания», необходимыми для экономического развития. Подобная полемика показывает, что устойчивость и развитие могут оказаться несовместимыми целями.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «устойчивое развитие» уязвимо для критики. В него «вписано» утопическое стремление решить наиболее неразрешимые проблемы современности. Однако устойчивое развитие

лучше рассматривать как непрерывный процесс, и именно этот процесс является тем, что действительно имеет значение. Кроме этого, у концепции устойчивого развития практически нет альтернатив, которые были бы привлекательными для столь же огромного числа людей, государств и неправительственных организаций. Примечательно, что наиболее острая критика исходила в основном не извне, а изнутри, от сторонников этой концепции. Доклад об экосистемах на рубеже тысячелетия, называющийся «Мы живем не по средствам», хороший тому пример: он признает слабый прогресс и призывает национальные правительства к активным действиям [UN Millennium..., 2005]. До тех пор пока будет продолжаться жесткая внутренняя критика, концепция устойчивого развития на какое-то время, возможно, сохранит свое превосходство. Одна из форм экономического развития, которая также может носить устойчивый характер, — это сфера туризма, особенно если сравнивать ее с промышленным производством и его побочными эффектами в виде загрязнения окружающей среды. Однако туризм оказывает собственное воздействие на экологию. Джозеф Мбайва и Аманда Стронца исследуют возможности «экотуризма» в развивающихся странах [Mbaiwa, Stronza, 2009]. Экотуризм базируется на трех принципах: (1) экономическая эффективность; (2) социальное равенство и (3) экологическая устойчивость. Сейчас туристический бизнес в развивающихся странах сосредоточен в руках иностранцев, и доходы от него скорее выводятся из этих стран, чем способствуют их экономическому развитию. Авторы исследования отмечают, что, например, в регионе Дельты Окаванго в Ботсване доминирует зарубежный туристический бизнес, а 71% прибыли утекает в развитые страны. Местные жители довольствуются низкооплачиваемой работой, в то время как экспатрианты занимают руководящие должности. Местные жители утрачивают ощущение дома и собственного места по мере того, как среда их обитания меняется в угоду запросам туристов, а местные власти утрачивают контроль над ресурсами. Очевидно, что реализация базовых принципов экотуризма сталкивается с многочисленными трудностями, и в статье Мбайвы и Стронцы исследуются возможные способы ее достижения.

Литература

Baker S. Sustainable Development. London: Routledge, 2005.

Luke T. Neither Sustainable, Nor Development: Reconsidering Sustainability in Development // Sustainable Development. 2005. Vol. 13. No. 4. P. 228–238.

Mbaiwa J.E., Stronza A.L. The Challenges and Prospects for Sustainable Tourism and Ecotourism in Developing Countries // Jamal T., Robinson M. (eds). The Sage Handbook of Tourism Studies. London: Sage, 2009. P. 333–353.

Meadows D.H. et al. The Limits of Growth. New York: University Books, 1972.

Mill J.S. Principles of Political Economy with Some of their Applications to Social Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1999 [1848].

UN Millennium Ecosystem Assessment Board. Living Beyond Our Means: Natural Assets and Human Well-Being. Washington, DC: Island Press, 2005; см. также: <www.millenniumassessment.org/en/BoardStatement.aspx>.

World Commission on Environment and Development. Our Common Future. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Тема 4. Структуры общества

БЮРОКРАТИЯ (*BUREAUCRACY*)

Рабочее определение

Форма организации, основанная на писаных правилах, контрактах и иерархии позиций, широко распространенная в современных индустриальных обществах.

Происхождение понятия

Слово «бюрократия» вошло в оборот в 1745 году как комбинация французского *bureau* (канцелярия или письменный стол) и греческого *kratos* (власть). Современное понимание бюрократии как власти служащих датируется серединой XVIII века, когда слово относили исключительно к правительственным чиновникам. Постепенно понятие было распространено на различные типы организаций и почти сразу стало восприниматься негативно. Существует немало художественных произведений, критикующих бюрократическую власть; например, роман Франца Кафки «Процесс» с его кошмарным изображением обезличенного и непостижимого бюрократического аппарата. Негативный взгляд на бюрократию нашел свое отражение и в популярной культуре, в которой бюрократы предстают как персонажи, погружающие людей в бумажную волокиту, ни на что негодные и бесполезные.

Социологические исследования бюрократии основывались, прежде всего, на идеях Макса Вебера, создавшего классический идеальный тип бюрократии. В противоположность предшествующим мнениям о бюрократии как образцовом примере неэффективности, Вебер утверждал, что современная бюрократия в конечном счете получила настолько широкое распространение именно потому, что является самой эффективной из всех разработанных до сих пор форм организации. Однако Вебер также признавал, что бюрократические формы доминирования склонны душить творческое начало и сводить на нет инициативу, производя тем самым множество иррациональных побочных эффектов и вступая в конфликт с принципами демократии. В этом смысле его взгляды частично продолжали тра-

дицию изображения бюрократии как — в итоге — негативной социальной силы.

Значение и интерпретация

Современная жизнь сложна и нуждается в некотором типе организации. Вебер рассматривал бюрократию как доминирующую модель формальной организации, и эта характеристика продолжает оказывать влияние на социологические исследования. Несмотря на существование бюрократии в крупных традиционных цивилизациях (например, в императорском Китае), только с возникновением и распространением промышленного капитализма бюрократия становится повсеместным социальным явлением. Для Вебера расширение и распространение бюрократии было неизбежным и, более того, единственным способом справиться с вызовами модерна. Современные системы здравоохранения и социального обеспечения почти невозможно представить без письменных отчетов, архивных документов и закреплённых формальных правил. Вебер сконструировал идеальный, или «чистый», тип бюрократии, акцентируя внимание на общих чертах реальных случаев, чтобы выделить определяющие аспекты современной бюрократии.

Идеальный тип Вебера включал следующие характеристики:

- строгая иерархия господства, на вершине которой располагаются позиции наивысшего авторитета и власти. Существует также цепь команд, в которой те, кто находится выше в иерархии, контролируют и надзирают за теми, кто располагается ниже;
- поведение служащих подчинено писанным правилам, что обеспечивает предсказуемость и порядок;
- служащие получают заработную плату, имеют долгосрочные контракты и работают полный рабочий день. Человек может строить карьеру внутри организации в течение всей жизни;
- четкое разделение между работой служащих и их личной жизнью — данные области не должны смешиваться;
- все ресурсы, включая рабочие столы, компьютеры, канцелярские принадлежности, являются собственностью ор-

ганизации; служащим не разрешается владеть их «средствами производства».

Возможно, этот «чистый» тип никогда не существовал, но чем ближе приближается к нему реальная организация, тем более эффективной она должна становиться в достижении своих целей.

Вебер полагал, что по мере усиления доминирования бюрократических организаций общество все больше будет походить на «железную клетку» с запертыми внутри нее людьми. Многие считают, что бюрократические системы при вступлении с ними в личный контакт препятствуют удовлетворению индивидуальных потребностей. Но дело в том, что частные соображения и эмоциональные призывы не могут быть приняты в расчет, так как бюрократический порядок разрабатывается таким образом, чтобы максимальная эффективность достигалась при работе с тысячами и даже миллионами случаев, поэтому сам принцип равного обращения порождает массу недовольства среди людей. Более серьезная проблема заключается в том, что бюрократическое доминирование может препятствовать демократии. Поскольку постоянная машинерия управления приобретает реальную силу, демократические процессы и выборы могут оказаться под угрозой.

Критические замечания

Критики аргументов Вебера рассматривают его теорию бюрократии как неполную и игнорирующую неформальные отношения и динамику малых групп, которые позволяют организации «работать». Исследование налогового управления США, результаты которого были опубликованы Питером Блау в 1963 году, показало, что процедурные правила постоянно нарушались, чтобы выполнить работу, а на нижних ступенях иерархии возникла групповая лояльность вследствие образования неформальной системы взаимной помощи и советов [Blau, 1963].

Одним критикам теория бюрократии Вебера представляется недостаточной. Зигмунд Бауман утверждает, что массовые убийства евреев, совершенные немецкими национал-социалистами в годы Второй мировой войны, стали возможными только благодаря бюрократической машине современного государства [Bauman, 1989]. Громадная организация, перемещавшая в

условиях военного времени миллионы людей со всей Европы в концентрационные лагеря и записывавшая огромное количество персональных данных, требовала систематического и тщательного бюрократического планирования и контроля. Именно безличность бюрократии позволяла чиновникам избегать личной моральной ответственности. Для Баумана Холокост не был aberrацией нормального цивилизованного модерна, но стал последствием действия одной из главных организующих модерн силы — бюрократии.

Другие критики Вебера, наоборот, рассматривали его теорию как *слишком негативную*. Пол дю Гай приводит сильные аргументы в пользу бюрократии и традиционного бюрократического этоса, утверждая, что многие проблемы, часто приписываемые бюрократии, в действительности вызваны попытками *обойти* правила и бюрократические процедуры [Gay, 2000]. Он полагает, что исследование Баумана оставляет без внимания реальные причины Холокоста, то есть расистские установки и идеологию, а также утраченное и насилие. Бюрократический этос предполагает равное отношение ко всем и использование важных защитных механизмов, которые не столько усиливают власть, сколько препятствуют политическим лидерам злоупотреблять ею.

Сохраняющаяся актуальность

Всех последствий бюрократизации Вебер не предсказал, и некоторые критические аргументы, направленные против его первоначального анализа, могут быть отклонены. Тот факт, что социологи до сих пор вовлечены в «споры» с Вебером, показывает, что ему удалось указать на ключевой аспект современного мира. Вебер хорошо понимал, что бюрократия стала одним из важнейших двигателей непрекращающейся рационализации общества, распространяющейся на всё новые сферы социальной жизни. Можно спорить о деталях веберовского анализа, но глобальное распространение капитализма и современных видов бюрократии означает, что общая суть его доводов до сих пор актуальна и должна быть принята всерьез.

В противоположность недавним исследованиям, предполагающим, что свободные сети могут замещать характерные для бюрократии жесткие иерархии, Кэтрин Кейси утверждает, что бю-

рократия стала позволять или встраивать в жизнь работника на рабочем месте некоторые новые виды деятельности [Casey, 2004]. Это явление, если оно получит распространение, может бросить вызов нашему представлению о том, что является определяющим для бюрократии. Кейси сосредоточивается на бюрократических организациях, позволяющих выражение «духовности» на работе, что становится тенденцией. Многие индивиды практикуют мистические течения «Новой эры» (New Age) или другие формы «духовности» на рабочем месте, а некоторые крупные компании — Ford, IBM, Apple и др. — поддерживают и даже поощряют программы «духовности на работе», распространяя соответствующую литературу и проводя семинары для руководителей. Кейси подчеркивает, что бюрократии вместо того, чтобы костенеть, адаптируются и меняются вместе с обществом.

Растет число исследований, показывающих, что бюрократические процедуры могут в действительности оказаться выгодными для женщин внутри организаций, поскольку они гарантируют, что карьерное продвижение основывается в большей степени на способностях и квалификации, чем на личных связях и неформальных отношениях, которые долгое время были частью механизмов исключения, позволявшим мужчинам сохранять свои привилегии. Лейша Дехарт-Дэвис расширяет этот аргумент, исследуя мужское и женское восприятие собственных рабочих мест в бюрократической организации [DeHart-Davis, 2009]. Используя смешанный метод, она обнаружила четкие гендерные различия. Женщины склонны подчеркивать эффективность, соответствие правилам и беспристрастность бюрократии, в то время как внимание мужчин сосредоточено на том, что они называют избыточным контролем и регулированием. Исследователь приходит к выводу, что женщины выделяют те элементы, которые позволяют им принимать участие в делах организации на равных с мужчинами и обеспечивают карьерное продвижение. Это бросает серьезный вызов феминистским теориям, описывающим бюрократию как организационную форму мужского доминирования.

Литература

Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Cambridge: Polity, 1989; см. также рус. пер.: Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010.

Blau P. M. The Dynamics of Bureaucracy. Chicago: University of Chicago Press, 1963.

Casey C. Bureaucracy Re-Enchanted? Spirit, Experts and Authority in Organizations // Organization. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 59–79.

DeHart-Davis L. Can Bureaucracy Benefit Organizational Women? // Administration and Society. 2009. Vol. 41. No. 3. P. 340–363.

Gay P. du. In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics. London: Sage, 2000.

КАПИТАЛИЗМ (CAPITALISM)

Рабочее определение

Возникшая на Западе экономическая система, основанная на рыночном обмене и производстве прибыли для реинвестирования и роста бизнеса.

Происхождение понятия

Политэкономы XVIII века обсуждали рынки, обмен, цены и производство товаров. Адам Смит утверждал, что определенный социальный порядок и экономическое равновесие обеспечиваются «невидимой рукой» свободного обмена на рынке [Ingham, 2008]. Однако понятие «капитализм» появилось только в середине XIX века, когда К. Маркс и Ф. Энгельс проанализировали капиталистический способ производства. По Марксу, капитализм — эксплуататорская экономическая система, основанная на производстве товаров для обмена на рынке с целью обогащения буржуазии (или класса капиталистов). В марксистской теории капитализм — это завершающая стадия социального развития общества перед наступлением коммунизма, который покончит с вопиющим неравенством предшествующих ему классовых обществ.

Альтернативная концепция была сформулирована Максом Вебером, чье исследование происхождения капитализма в связи с кальвинистскими религиозными верованиями резко контрастировало с масштабной исторической схемой Карла Маркса. По Веберу, капитализм не был ни результатом революционных перемен, ни переходом к коммунизму в будущем. Будущее рабочего класса обеспечивается не концом капитализма, а его развитием. Вебер утверждал, что долгосрочный процесс

рационализации и распространения бюрократической организации — ключевые аспекты модерна. Во всяком случае, капитализм поощрял конкуренцию и инновации, которые смягчали негативные эффекты бюрократического господства, тем самым давая свободу экспериментированию с новыми идеями.

Значение и интерпретация

Самой влиятельной теорией капитализма остается теория Маркса, которая рассматривает капитализм, возникающий из феодального общества, как последнюю стадию всеобщей истории человеческих обществ. Маркс отмечал поступательность исторического развития, начавшегося с примитивных коммунистических сообществ охотников и собирателей и прошедшего через стадии древнего рабовладения и феодализма, который был основан на делении на землевладельцев и крепостных. Появление купцов и ремесленников ознаменовало зарождение коммерческого или капиталистического класса, который постепенно вытеснил земельную аристократию. Маркс выделяет две главные составляющие капитализма: капитал, то есть любой актив, в том числе деньги, машины и даже фабрики, который может быть использован или инвестирован для создания будущих активов, и наемный труд, то есть множество рабочих, которые не владеют средствами производства и потому вынуждены искать оплачиваемую работу. Те, кто владеет капиталом, образуют правящий класс, остальные — а их большинство — составляют рабочий класс, или пролетариат. Капиталисты и рабочие взаимозависимы, однако их отношения носят характер эксплуатации, что обостряет классовые конфликты. Маркс утверждал, что, в конце концов, другие классы исчезнут и останутся только два главных класса, чьи интересы находятся в состоянии прямого конфликта.

Однако Маркс не был просто критиком, он ясно видел невероятную производительность капитализма, освободившего человека от подчинения религиозному авторитету и вырвавшего его из «идиотизма деревенской жизни»¹. Капитализм также де-

¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 428. — *Примеч. ред.*

монстрировал огромные возможности человека формировать свое будущее, не полагаясь на милость сил природы. Проблема состояла в том, что конкурентные капиталистические социальные отношения становятся препятствием для кооперации, необходимой, если люди должны взять контроль над собственной судьбой. Противоречие между огромными производительными силами и необходимостью конкурировать за них может разрешиться только в результате революции. Предсказанная Марксом более чем 150 лет назад революция не свершилась.

В развитии капитализма произошли существенные изменения: он прошел долгий путь от так называемого семейного капитализма времен Маркса через управленческий капитализм, когда рост компаний вывел их из под контроля членов семьи, к капитализму всеобщего благосостояния в XX веке, при котором крупные компании предлагают своим сотрудникам множество услуг — от ухода за детьми до оплачиваемых отпусков и страхования жизни. Апогея своего развития капитализм всеобщего благосостояния достиг к 1930 году, после чего профсоюзы стали главным ресурсом в борьбе рабочих за получение выгод от системы. Последняя стадия — институциональный капитализм. Его основой является широко распространенная практика владения корпорациями акциями других компаний. В сущности, связанные друг с другом советы директоров контролируют большую часть корпоративного мира, тем самым обращая вспять процесс управленческого контроля, так как при принятии решений в компании блокирующий пакет акций принадлежит другой корпорации. С интенсификацией процессов глобализации большинство крупных корпораций действуют в международном экономическом контексте.

Критические замечания

Споры между веберовской и марксистской позициями всегда включали моральные и нормативные суждения. Для марксистов капитализм представлял собой экономическую систему, которая порождала и воспроизводила неравенство, поэтому заслуживала того, чтобы быть выкинутой на «свалку истории». Для веберовцев капитализм может быть эксплуататорским, однако его альтернативы оказывались менее производительными и более авторитарными, препятствующими развитию демо-

кратии и свободы личности. Сегодня по вопросу общей оценки капитализма среди социологов так и нет единодушия.

Однако большинство социологов согласны с тем, что предсказание Маркса о революции и крахе капитализма оказалось, очевидно, неверным. В странах, где революции все же свершились, как в России (1917) и Китае (1949), они происходили не по модели Маркса, так как в них были вовлечены скорее крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, чем промышленный пролетариат. Крах советского коммунизма в конце XX века также воспринимается как конец эпохи, а глобализация и более тесная интеграция мировой капиталистической системы препятствуют, как представляется, любому движению в сторону социализма и коммунизма. Многие марксисты до сих пор полагают, что анализ Марксом главных механизмов капитализма и его тенденций к кризисам является правильным, хотя он очевидным образом недооценил адаптивные способности капиталистической экономики.

Сохраняющаяся актуальность

В настоящее время нет серьезных разногласий относительно господства капиталистических экономических систем в мире, несмотря на то что с момента падения коммунистических режимов в Советском Союзе, Восточной Европе и других регионах мира прошло совсем немного времени. После падения Берлинской стены в 1989 году и воссоединения Германии, распада Советского Союза и отказа от коммунизма в странах Восточной Европы существовавшие там коммунистические и социалистические режимы были почти мертвы. Сегодняшняя оппозиция принимает форму постсоциалистических движений, таких как антиглобалистская и антикапиталистическая мобилизация последних лет или анархистские и экологические кампании.

В недавних исследованиях большое внимание уделялось различиям в национальных капиталистических экономиках. Предпринятое Джоном Кэмпбеллом и Ове Педерсеном сравнение капитализма в Дании и США является полезным введением в дебаты о его разновидностях [Campbell, Pedersen, 2007]. Часто предполагалось, что капитализм «работает» более эффективно в условиях минимальной экономической регуляции, низких налогов и незначительной системы государственного социаль-

ного обеспечения. Однако Дания опровергает это предположение. Датский вариант капитализма построен на относительно высоких налогах, большом государственном бюджете, высоком уровне регулирования и открытой экономике, успешно конкурирующей с другими вариантами капитализма, которые больше соответствуют модели низкой регуляции. Кэмпбелл и Педерсен утверждают, что Дания успешна, так как компании получают преимущества благодаря государственным институтам, координирующим рынок труда, обеспечивающим высокую профессиональную квалификацию работников и осуществляющим политику развития промышленности. Именно эти институты определяют конкурентоспособность Дании, показывая, что существует более одного пути достижения успеха на глобальных рынках.

Учитывая современную обеспокоенность проблемой глобального потепления, вопрос об устойчивости капитализма — один из важнейших. Анил Маркандья полагает, что он может таковым являться, но только в том случае, если меры рыночного характера будут работать строго в пользу снижения выбросов углекислого газа [Markandya, 2009]. Он пишет, что проблемы окружающей среды, особенно изменение климата, требуют государственного регулирования и согласованных действий, если мы хотим снизить уровень выбросов. Однако чтобы иметь шанс на успех, любая схема снижения должна восприниматься как справедливая. Маркандья поэтому предлагает ввести со временем глобальную квоту на выброс углекислого газа на душу населения. Если система торговли квотами на выбросы углекислого газа окажется успешной, то цена тонны углекислого газа будет равна примерно 420 долл. США. Рыночная цена углекислого газа в 2009 году — 15 евро за тонну. Подобное радикальное несоответствие рыночной цены порождает серьезные сомнения относительно возможности капитализма и рыночно ориентированных мер воспрепятствовать глобальному потеплению.

Литература

Campbell J.L., Pedersen O.K. Institutional Competitiveness in the Global Economy: Denmark, the United States and the Varieties of Capitalism // Regulation and Governance. 2007. Vol. 1. No. 3. P. 230–246.

Ingham G. Capitalism. Cambridge: Polity, 2008.

Markandya A. Can Climate Change be Reversed under Capitalism? // Development and Change. 2009. Vol. 40. No. 6. P. 1139–1152.

Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. London: Longman, 2005; см. также рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 419–459 [1848].

КОНСЬЮМЕРИЗМ (*CONSUMERISM*)

Рабочее определение

Общий для сравнительно богатых обществ образ жизни, поощряющий постоянное приобретение потребительских товаров как полезное для экономики и для личной самореализации.

Происхождение понятия

Возможно, истоки консьюмеризма восходят к эпохе Промышленной революции начала XIX века, когда резко возросший объем производимых материальных благ и низкие цены на них позволили вовлечь в потребление значительное число социальных групп. Первыми превратились в современных потребителей высшие классы и аристократия. Эти группы сформировали обширный рынок для новых предметов роскоши. На протяжении XIX и XX веков демонстративное потребление стало практикой многих других социальных групп, а уже к середине XX века консьюмеризм — отличительная черта развитых экономик.

Одна из важнейших причин роста консьюмеризма — увеличившаяся с начала XX века доступность кредитов. К концу XX столетия жизнь с тяжким долговым бременем стала нормой, а борьба за социальный статус все в большей степени основывалась на формах потребления. С 1960-х годов социологи говорят о том, что капиталистические общества оказались зависимыми от консьюмеризма, поощрявшего высокие материальные стандарты жизни и желание постоянно приобретать. Эти перемены привели к возникновению так называемого общества потребления. Активисты-экологи подчеркивают, что сдвиг в сторону общества потребления оказывает пагубное воздействие на окружающую среду, ведет к увеличению ненужных трат и неустойчивым практикам.

Значение и интерпретация

Общества промышленного капитализма основываются на системе массового производства, однако это означает также существование и массового потребления. Товары и услуги должны покупаться и потребляться, несмотря на то что сами производство и потребление могут быть сосредоточены в географически различных местах. Товары производят там, где это сделать дешевле, а продают там, где дороже, и, как правило, это разные регионы. В течение XX века главная ориентация обществ промышленного капитализма сменилась, перейдя от «парадигмы производства» к «парадигме потребления», и в социологии общим местом является характеристика сравнительно богатых обществ как обществ потребления или как капитализм потребления.

Работа становится все менее важным элементом в процессе формирования идентичности. Потребление предоставляет человеку возможность сконструировать личную идентичность путем приобретения различных элементов, давая, по крайней мере, ощущение свободы выбора и осознание себя индивидуальностью. Центральная роль потребления и идеология консьюмеризма обеспечивают быстрый оборот товаров, базирующийся на обусловленных модой изменениях меновой стоимости предметов потребления и, как следствие, на их ускоренном обесценивании. Идентификация потребителя с товарами и брендами делают потребление важнейшей частью повседневной жизни. Кроме того, корпорации всё в большей степени стремятся производить товары для более гибких и дифференцированных требований потребителей, вместо того чтобы ставить во главу угла нужды производства и только потом заботиться о потребителях. Как правило, этот сдвиг можно проследить в отказе от унифицированных фордистских методов производства и переходе к более гибким постфордистским методам, обслуживающим нишевые рынки. Главная фигура теперь — потребитель, а не рабочий. Поскольку общества потребления делают возможным конструирование личной идентичности, это способствует децентрации основанных на производстве социальных конфликтов и вовлечению все большего числа социальных групп в конкурентную борьбу за социальный статус через символические обмены. Сдвиг в сторону консьюмеризма и обще-

ства потребления означает поэтому существенные перемены в экономической, политической и культурной сферах.

Консьюмеризм — это также стиль мышления, ментальность или даже идеология, которая работает на производство *желания* постоянного потребления. Социологи, изучающие консьюмеризм, утверждают, что удовольствие от потребления основывается не на *использовании* купленного товара, а на *ожидании* приобретения вещей. Люди тратят время на просмотр журналов, витрин магазинов и интернет-страниц, ища товары и предвкушая их покупку. Колин Кэмпбелл полагает, что приносящей наибольшее удовольствие и вызывающей привыкание частью современного консьюмеризма являются ожидание, поиски и желание товаров, а не их использование [Campbell, 2005]. Подобная «романтическая» этика потребления основана на *желании*, поощряемом рекламной индустрией. Это объясняет, почему люди никогда не бывают полностью удовлетворены.

Критические замечания

Несмотря на то что понятие «консьюмеризм» добавляет новое измерение нашему пониманию капитализма, неочевидно, что он является причиной капиталистической экспансии. Идея о консьюмеризме как драйвере производства придает вес требованиям потребителей, но некоторые исследователи находят ее малообоснованной, указывая на огромные маркетинговые и брендинговые бюджеты компаний, которые тратятся на создание желаний и потребностей, превращающих людей в активных потребителей. Вопрос в том, в чьих руках сосредоточена реальная власть в рамках этой системы — производителя или потребителя? Действительно ли крупные транснациональные капиталистические корпорации находятся во власти потребительского спроса?

Еще один тип критики сосредоточен на консьюмеризме как таковом. Он рассматривается как разрушительный для социальных отношений и окружающей среды. Консьюмеризм «работает», превращая желания в потребности и пытаясь убедить людей в том, что они могут и должны удовлетворить их. Таким образом, существует потенциально бесконечный поток мод, новых товаров и услуг для нашего потребления. Это смешение желаний и потребностей видится крайне опасным, приводящим

к ложной вере в то, что счастье можно купить и потребление товаров является естественным. Вместо этого необходимо отделять собственные желания от потребностей и урезать первые, чтобы получить гарантии в удовлетворении подлинных потребностей людей по всему миру. Проблема в том, что попытки определить потребности сталкиваются с большими сложностями. Потребности культурно обусловлены, и не существует твердого критерия отличия подлинных потребностей от неподлинных, с которым были бы согласны все.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «консьюмеризм» и производное от него понятие «общество потребления» были чрезвычайно продуктивны для социологов. Путем увязывания процессов производства со структурами потребления стало возможно гораздо более сбалансированное понимание капитализма. К примеру, теория «беговой дорожки производства и потребления» — подход, успешно соединивший эти два элемента. Он объединяет в себе индустриализацию, экономику капитализма и массовый консьюмеризм для того, чтобы понять, как модерн трансформировал отношение между обществом и природной средой. Образ беговой дорожки призван показать, что система массового производства и потребления, будучи однажды запущенной, не может быть остановлена.

Консьюмеризм превратился не только в стиль жизни, но и в отличительную черту всего жизненного пути человека, в том числе и продолжительного периода старости, что стало общим явлением в современных развитых странах. Айан Джонс и его коллеги отметили это на примере пожилых людей в Британии и других странах: сейчас их доход выше, чем был у предыдущих поколений, и некоторые из них предпочитают полностью или частично выходить на пенсию в более раннем возрасте [Jones et al., 2008]. Современное поколение пожилых людей после 1945 года помогало создавать культуру консьюмеризма. Они и в почтенном возрасте среди первых «горожан-потребителей» остаются скорее активными потребителями товаров, чем «пассивными потребителями» услуг. Упомянутое эмпирическое исследование детально описывает те механизмы, с помощью кото-

рых консьюмеризм влияет на пожилых людей и одновременно испытывает влияние с их стороны.

Растущей тенденцией становится «зеленое» потребление, хотя это понятие очень широкое и с трудом поддается определению. В опросе, проведенном в графстве Девон (Англия), Эндрю Гилг и его коллеги изучали, что мотивирует «зеленых» потребителей пробовать и принимать более устойчивый стиль жизни [Gilg, Barr, Ford, 2005]. В ходе исследования были определены четыре основные группы:

- *радикальные защитники окружающей среды*, в наибольшей степени предрасположенные к устойчивому потреблению — к покупке местных, органических или произведенных в соответствии с режимом «справедливой торговли» продуктов, компостированию отходов;
- *мейнстримовые экологи*, делающие все то же самое, за исключением компостирования отходов;
- *защитники природы по случаю*, совершающие такие действия редко или вообще никогда;
- *люди, равнодушные к охране окружающей среды* (для них в принципе не характерны описанные действия).

Таким образом, между устойчивым потреблением и экологическими ценностями существует связь. Это предполагает, что правительства должны поощрять переход от зеленого потребления к более устойчивому стилю жизни.

Литература

Albridge A. Consumption. Cambridge: Polity, 2003.

Campbell C. The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism. Oxford: Blackwell, 2005.

Gilg A., Barr S., Ford N. Green Consumption or Sustainable Lifestyles? Identifying the Sustainable Consumer // *Futures*. 2005. Vol. 37. No. 6. P. 481–504.

Jones I.R. et al. Ageing in a Consumer Society: From Passive to Active Consumption in Britain. Bristol: Policy Press, 2008 (esp. Ch. 5).

ОБРАЗОВАНИЕ (*EDUCATION*)

Рабочее определение

Социальный институт, обеспечивающий передачу знаний и навыков от поколения к поколению, как правило, через обязательное школьное обучение.

Происхождение понятия

Образование — это передача знаний, навыков и норм поведения, с помощью которых человек становится полноправным членом своего общества. Сегодня оно рассматривается преимущественно как благо: большинство людей, прошедших через систему образования, научившихся читать, писать и считать, овладевших навыками мышления, признают, что быть образованным значит иметь множество преимуществ. Однако социологи проводят различие между образованием и обучением. Образование можно определить как социальный институт, позволяющий овладеть необходимыми навыками, знаниями, расширить личные горизонты и реализующийся во многих местах. Обучение же — это формальный процесс, с помощью которого передаются определенные типы знаний и умений в соответствии с заранее разработанными учебными программами. Как правило, обучение является обязательным вплоть до определенного возраста. В развитых странах обязательное образование все больше расширяется на обучение в колледже и даже в университете.

До конца XVIII века обучение в школах было личным делом. Только самые богатые семьи могли позволить образование для своих детей. В XIX и XX веках были внедрены государственные системы всеобщего обязательного образования в ответ на растущую потребность промышленности и сферы управления в работниках, обученных грамоте и навыкам счета. Если функционалистские теории видят формальную функцию школы в производстве образованного и квалифицированного населения, то многие марксисты и радикальные критики утверждают, что существует так называемый скрытый учебный план, подспудно переносающий ценности и нормы, поддерживающие вопиющее неравенство в капиталистических обществах. Более поздние исследования фокусируют внимание на роли образования и обучения в культурном

воспроизводстве, передаче от поколения к поколению культурных ценностей, норм и опыта, а также на всех тех механизмах и процессах, при помощи которых это достигается.

Значение и интерпретация

Эмиль Дюркгейм говорил об образовании как о ключевом факторе социализации, прививающем детям общие ценности общества, которые поддерживают социальную солидарность. Для Дюркгейма наибольшую значимость имели моральные установки и взаимная ответственность, так как именно эти принципы помогают сдерживать конкурентный индивидуализм, подрывающий, по мнению многих исследователей, солидарность. Однако в индустриальных обществах, по мысли Дюркгейма, образование выполняет еще одну функцию — обучение необходимым для выполнения все более специализированных видов работы навыкам, которые нельзя получить в семье. Толкотт Парсонс развил этот функционалистский подход. Он утверждал, что одна из ключевых функций образования — прививание отношения к индивидуальным достижениям как к главной ценности, чему зачастую содействуют конкурсные экзамены и системы оценок. Экзамены имеют важное значение, так как основываются на универсальных меритократических критериях — в отличие от партикуляристских семейных стандартов, и люди занимают свое положение в силу собственных способностей и заслуг, а не класса, гендера или этничности.

Однако в ходе многочисленных исследований выяснилось, что образование и обучение скорее воспроизводят социальное неравенство, нежели уравнивают жизненные шансы. В исследовании ситуации в Великобритании, проведенном Полом Уиллисом на примере школы в Бирмингеме, ставится вопрос, почему дети — выходцы из семей рабочего класса, как правило, получают работу, аналогичную работе своих родителей [Willis, 1977]. Это актуальный для меритократической системы образования вопрос. Уиллис обнаружил антишкольные субкультуры, в которых подростки не проявляли интереса к экзаменам и будущей карьере, желая скорее покинуть школу и начать зарабатывать деньги. Он отметил близость таких субкультур рабочей культуре синих воротничков. Таким образом, провалы в школе непреднамеренно готовили таких детей к жизни рабочего класса.

Критические замечания

Функционалистская теория права, указывая на формальные функции систем образования, однако действительно ли существует только один набор общих для всего общества ценностей, особенно в современных мультикультурных обществах? Марксисты согласны с тем, что школы социализируют детей, но делают они это для обеспечения капиталистических компаний рабочей силой, в которой те нуждаются, а не потому, что привержены принципу равенства возможностей. Структуры школьной жизни соответствуют структурам жизни трудовой: конформизм ведет к успеху, учителя и управленцы ставят задачи, ученики и работники их выполняют, школа и рабочий персонал организованы иерархически — все это преподается как неизбежное [Bowles, Gintis, 1976].

Идея скрытого учебного плана оказала серьезное влияние на социологию образования. Иван Иллич утверждал, что школы — это охранительные организации, созданные, чтобы занимать молодых людей и отвлекать их от уличной жизни до тех пор, пока те не найдут работу [Illich, 1971]. Школы способствуют некритическому принятию социального порядка и учат детей знать свою классовую позицию. Иллич предлагал «обесшколивание» общества, то есть его освобождение от школ во имя доступности образовательных ресурсов для каждого и в любое время, чтобы можно было изучать то, что каждый хочет, а не быть заложником стандартизованного учебного плана. Образовательные ресурсы могут находиться в библиотеках и банках данных (сегодня, возможно, в Сети) и быть доступными любому учащемуся. В свое время идеи Иллича казались безнадежно идеалистическими, однако при современных тенденциях к дистанционному образованию с помощью Интернета и при необходимости обучения в течение всей жизни эти идеи уже не кажутся столь фантастическими и невозможными.

Сохраняющаяся актуальность

Как мы можем оправдать положительные функции образования перед лицом такой серьезной критики? Обучение в школе — это часть воспроизводства структурного неравенства, но в то же время оно снабжает людей некоторыми навыками и зна-

ниями, позволяющими понять это неравенство и бросить ему вызов. Кроме того, многие учителя полностью осознают структурную роль образовательной системы, работают на то, чтобы улучшить и изменить эту систему изнутри. Теория, не предлагающая никаких перспектив и перемен, придает слишком большое значение власти социальных структур и явно недооценивает творческий потенциал человеческой деятельности. Образование — важная тема целого ряда дискуссий, касающихся не только современной ситуации в системе образования, но и состояния общества в целом.

В последние годы многие развитые страны стали свидетелем того, что девочки опережают мальчиков в том, что касается школьных успехов и квалификаций, даваемых колледжами. Возникли споры о том, почему мальчики отстают и как можно исправить ситуацию. Предполагалось, что девочки уже преодолели прежние препятствия на пути к успеху. Однако эмпирическое исследование, проведенное в Великобритании, показывает, что 12–13-летние девочки с высокими достижениями по-прежнему сталкиваются с проблемами идентичности, если пытаются «быть слишком умными» в условиях существующих норм приемлемой феминности [Skelton, Francis, Read, 2010]. Девочки не только испытывают трудности в своих отношениях с одноклассниками, но и вынуждены бороться за внимание учителей. Реальная жизнь для все более успешных девушек и женщин значительно сложнее, нежели это показано в сухих цифрах статистики академических достижений.

Литература

Barlett S., Burton D.M. Introduction to Education Studies. London: Sage, 2007 (esp. Ch. 2).

Bowles S., Gintis H. Schooling in Capitalist America: Educational Reform and Contradictions of Economic Life. New York: Basic Books, 1976.

Gatto J.T. Dumbing us Down: The Hidden Curriculum of Compulsory Schooling. 2nd ed. New York: New Society, 2002.

Illich I. Deschooling Society. Harmondsworth: Penguin, 1971.

Skelton C., Francis B., Read B. Brains before Beauty? High Achieving Girls, School and Gender Identities // Educational Studies. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 185–194.

Willis P. Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working-Class Jobs. London: Saxon House, 1977.

Zamudio M.M. et al. (eds). Critical Race Theory Matters: Education and Ideology. New York: Routledge, 2011.

ОРГАНИЗАЦИЯ (ORGANIZATION)

Рабочее определение

Социальная группа или коллектив, обладающие внутренней структурой для удовлетворения социальных потребностей или достижения определенных целей.

Происхождение понятия

История организаций начинается с возникновения первых групп людей, объединявшихся для обеспечения безопасности, поиска пропитания и строительства жилища. Однако само понятие «организация» в социологии имеет сравнительно недавнее происхождение. Предпринятое Максом Вебером описание бюрократии как фундаментальной характеристики капитализма и — в более общем смысле — современной жизни часто используется в качестве отправной точки организационных исследований. Вебер признает, что бюрократия — лишь один из типов организации, однако ее современные рациональные формы являются самыми эффективными из всех до сих пор разработанных, поэтому всем организациям суждено, в конце концов, стать бюрократическими. Дальнейшие исследования в этой области расширяли или критиковали эту базовую интерпретацию. Со временем социология организаций перешла от теории организационной структуры и ее функций к изучению неформальных связей, организационной культуры, функционирования власти и гендерных отношений, роста сетей.

Значение и интерпретация

Организации (иногда называемые формальными) варьируются по своему масштабу от малых групп людей до транснациональных корпораций и мультинациональных неправительственных объединений, хотя большая часть исследований сосредоточена на сравнительно крупных структурах — национальных прави-

тельствах, университетах, школах, больницах, религиозных и благотворительных организациях, компаниях и профсоюзах. Организации могут быть противопоставлены институтам. Совокупность установленных норм, ценностей и образцов поведения, образующих культуру, это и есть институты (например, брак, семья, образование). Организации же — это намеренно созданные объединения для достижения определенных целей, как правило, с помощью свода писанных правил, норм и процедур. Кроме того, обычно организации размещены в конкретных физических местах. Подобные формальные организации частично основаны на требованиях законодательства. К примеру, университеты должны удовлетворять многочисленным требованиям закона — от политики оценок до здравоохранения, безопасности и равноправия на работе. Организации такого типа продолжают оставаться самыми распространенными в мире.

Организации играют важную роль в жизни каждого: «Мы рождаемся в организациях, получаем образование в организациях и большинство из нас проводят основную часть своей жизни, работая на организации» [Etzioni, 1964, p. ix]. Организации также ведут огромную координационную работу, необходимую в современной жизни. Однако конфликты интересов, равно как и кооперация занимают центральное место в современных организациях. Исход борьбы за власть между работниками и работодателями или между различными группами служащих может определять общее функционирование и даже цели организации. Признание подобных конфликтов означает отказ от функционалистской перспективы, рассматривающей организации как бесперебойно работающие машины [Silverman, 1994]. Функционализм отделил организацию от образующих ее людей. Более современная перспектива социального действия рассматривает организацию как «продолжающуюся и постоянно изменяющуюся коалицию людей с различными и часто конфликтующими интересами и целями, людей, которые в достаточно четко очерченных рамках стремятся выполнить задачи, отвечающие требованиям тех, кто у власти» [Watson, 2008, p. 110]. Это подход позволяет нам понять, как со временем изменяется внутренняя структура организации, и привлекает наше исследовательское внимание к меняющимся отношениям между организацией и внешними группами.

Том Бёрнс и Джордж Сталкер в исследовании компаний, производящих электронное оборудование в Шотландии, выявили два типа организации: механистический и органический [Burns, Stalker, 1966]. Механистические организации являются бюрократическими, органические же характеризуются более свободной структурой, а их общие цели имеют приоритет над узко определенными обязанностями. Позднее Уэсли Сайн и его коллеги использовали это противопоставление между механистической и органической структурой для изучения интернет-компаний, возникших в 1996–2001 годах [Sine, Mitsuhashi, Kirsch, 2006]. Можно было бы предположить, что эти недавно появившиеся формы бизнеса имеют менее формализованную структуру и, скорее всего, относятся к органическому типу организации, однако это не обязательно так. На ранних этапах компании с механистической структурой действуют эффективно, поскольку специализированные роли основателей уменьшают неопределенность и двусмысленность структуры, повышая организационную эффективность в критические моменты. Противопоставление механистического и органического поэтому не может носить абсолютный характер, а эффективность каждой формы организации зависит от этапа развития компании.

Организации существуют в специально созданной физической среде, отражающей их внутреннюю структуру. К примеру, менеджеры и исполнительные директора часто в системе вертикальной классификации располагаются ближе к ее верху. Местоположение кабинетов, проходов и открытых пространств также может быть связано с проявлениями власти, позволяя осуществлять постоянный надзор над действиями сотрудников, что характерно для колл-центров и офисов с открытой планировкой. Мишель Фуко утверждал, что степень видимости определяет, насколько легко работник подвергается надзору [Foucault, 1973; 1978]. Также действует самонадзор благодаря неопределенности, имеющейся у работников, относительно того, находятся ли они под наблюдением или нет, что вынуждает их постоянно следить за собственным поведением — «на всякий случай».

Критические замечания

Давняя критика основных концепций организации заключается в том, что, несмотря на очевидное существование формаль-

ных правил и процедур, было бы ошибкой принимать их за чистую монету в качестве определяющих. На практике организации функционируют благодаря рутинному избеганию правил или их несоблюдению. К примеру, промышленные предприятия могут иметь обширный свод правил, касающихся техники безопасности и гигиены труда, но рабочие будут игнорировать большинство из них, чтобы работа была выполнена в срок. Джон Мейер и Брайан Роуэн рассматривали формальные правила как миф, имеющий церемониальный или ритуальный характер, но крайне мало говорящий о реальной жизни организации [Meyer, Rowan, 1977].

Сходным образом, безличная вертикальная иерархия, о которой говорят, что она характеризует организацию, также может приводить к заблуждениям. Неформальные социальные сети развиты на всех уровнях организации, а в руководящем звене эти *личные* связи имеют едва ли не самое большое значение. Советы директоров и акционеры несут ответственность за постановку целей и определение политики компании, однако на практике лишь несколько человек принимают ключевые решения, а остальным членам правления компании остается лишь одобрять их. Руководители различных компаний могут быть лично знакомы, являться членами одних и тех же клубов, встречаться в одних и тех же местах. Подобные личные контакты ведут к неформальным обсуждениям и консультациям и циркуляции информации по сетям, связывающим высокопоставленных индивидов, которых порой характеризуют как бизнес-элиты. Такая ситуация была предсказана Робертом Михельсом, утверждавшим в 1911 году, что власть и контроль над большими организациями с неизбежностью концентрируются в руках небольшой элиты [Michels, 1967]. Он называл это железным законом олигархии (олигархия — правление немногих) и считал препятствием для подлинной демократии как внутри организаций, так и в обществе в целом.

Феминистские исследования с 1970-х годов сосредоточили свое внимание на дисбалансе гендерных ролей в организации. Такие работы описывали организации в терминах профессиональной сегрегации по признаку пола: женщинам отведена низкооплачиваемая рутинная деятельность, они используются как источник дешевой и надежной рабочей силы и не имеют тех же возможностей, что и мужчины, для карьерного продвижения.

Женщины удовлетворяют потребности бюрократии мужчин, позволяя им много работать, путешествовать и сосредоточиваться только на своем деле. Таким образом, современные организации — это среда, в которой господствуют мужчины, а женщины лишены власти [Kanter, 1977; Ferguson, 1984].

Сохраняющаяся актуальность

Существовал ряд ключевых различий между конвенциональными моделями организации и компаниями, появившимися в Японии в ходе послевоенной индустриализации страны. В японских компаниях иерархия менее очевидна: со служащими на всех уровнях консультируются о политике компании, наемные работники менее специализированы, чем в западных компаниях, корпорации привержены принципу пожизненного найма. Однако экономические проблемы стали причиной изменений в японской модели, которая воспринимается как негибкая и слишком затратная. Многие японские аналитики пытались найти более конкурентную и индивидуалистичную модель организации бизнеса, близкую к западной [Freedman, 2001]. Рост сетей и сетевых моделей организации стал предметом широких дискуссий в последние годы, однако масштаб этого изменения далеко не ясен [Castells, 2009]. Хотя внутри традиционных организаций всегда существовали неформальные отношения, представляется маловероятным, что в современном мире успешная координация возможна без формальной организации.

В настоящее время в организациях работает большое число женщин и можно было бы ожидать, что это изменение обнаружится прежде всего в политических организациях, считающихся прогрессивными, то есть в рабочих партиях и профсоюзах, приверженных принципу равенства. Сесиль Гийом и Софи Почик использовали биографические методы, чтобы проверить это допущение на примере профсоюзов Великобритании и Франции [Guillaume, Rochic, 2011]. По данным проведенного исследования, среди новых членов и активистов профсоюзов довольно много женщин: в Великобритании это происходит благодаря активной и целенаправленной деятельности самих профсоюзов. Однако даже в самых феминизированных профсоюзах женщины все еще недостаточно представлены на руководящих позициях. По-видимому, несмотря на изменения,

направленные на привлечение женщин на руководящие должности, маскулинная организационная культура, неформальные мужские сети и проблемы достижения баланса между работой и семейной жизнью продолжают препятствовать формированию реального гендерного равенства.

Литература

Burns T., Stalker G.M. The Management of Innovation. London: Tavistock, 1966.

Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2009.

Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1964.

Ferguson K.E. The Feminist Case against Bureaucracy. Philadelphia: Temple University Press, 1984.

Foucault M. The Birth of the Clinic: An Archeology of Medical Perception. London: Tavistock, 1973; см. также рус. пер.: Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.

Foucault M. The History of Sexuality. London: Penguin, 1978; см. также рус. пер.: Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 97–268.

Freedman C. (ed.). Economic Reform in Japan: Can the Japanese Change? Cheltenham: Edward Elgar, 2001.

Godwyn M., Gittel J.N. (eds). Sociology of Organizations: Structures and Relationships. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2012.

Guillame C., Pochic S. The Gendered Nature of Union Careers: The Touchstone of Equality Policies? Comparing France and the UK // European Societies. 2011. Vol. 13. No. 4. P. 607–631.

Kanter R.M. Men and Women of the Corporation. New York: Basic Books, 1977.

Lune H. Understanding Organizations. Cambridge: Polity, 2010.

Meyer J.W., Rowan B. Institutional Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. No. 2. P. 340–363; см. также рус. пер.: Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализованные организации: формальная структура как миф и церемония / пер. с англ. И.С. Чириков; науч. ред. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин // Классика новой экономической социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 133–163.

Michels R. Political Parties. New York: Free Press, 1967 [1911].

Silverman D. On Throwing Away Ladders: Re-writing the Theory of Organizations // Hassard J., Parker M. (eds). Towards a New Theory of Organizations. London: Routledge, 1994. P. 1–23.

Sine W.D., Mitsuhashi H., Kirsch D.A. Revisiting Burns and Stalker: Formal Structure and New Venture Performance in Emerging Economic Sectors // Academy of Management Journal. 2006. Vol. 49. No. 1. P. 121–132.

Watson T.J. Sociology, Work and Industry. 5th ed. London: Routledge, 2008.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (*DIVISION OF LABOUR*)

Рабочее определение

Разделение рабочих задач и занятий в процессе производства, создающее расширенную экономическую взаимозависимость.

Происхождение понятия

Одним из первых систематических исследований разделения труда стала книга Адама Смита «О богатстве народов» (1776), в которой английский экономист описывает разделение труда на булавочной фабрике [Smith, 1991]. Смит утверждал, что один человек может сделать 20 булавок в день, но путем разделения задачи на несколько простых действий коллективная производительность труда может составить до 48 тыс. булавок в день. И это классический пример преимущества спланированного и систематизированного разделения труда. Эмиль Дюркгейм выдвинул теорию о том, что промышленное разделение труда в самом широком смысле приводит к фундаментальным изменениям в типе социальной солидарности, связывающей общество воедино [Durkheim, 1984]. Он полагал, что традиционные формы солидарности, основанные на сходствах, уступают место новой форме солидарности, укорененной в различиях и кооперации. Для Дюркгейма разделение труда было не только экономическим явлением, но и трансформацией общества в целом.

Значение и интерпретация

Современные общества базируются на разделении труда, определяемом огромным числом профессиональных категорий и растущей специализацией, что стало привычной чертой нашей жизни,

и мы уже едва ли замечаем ее всемирно-историческое значение. В традиционных обществах многие люди, не занимавшиеся напрямую земледелием, были ремесленниками, проходившими длительный период ученичества. Это было необходимо, так как ремесленники были вовлечены во все аспекты производственного процесса, а не выполняли какую-то одну задачу. Индустриализация постепенно уничтожила большинство традиционных ремесел; производство при помощи машин и расширения разделения труда тех же самых товаров стало быстрее, эффективнее и дешевле. Промышленные рабочие в типичном случае обучались только одной части производственного процесса, что позволяло им очень быстро приобретать профессиональные навыки без продолжительного периода подготовки. Этот принцип распространяется и на большинство других форм работы. Одним из важных следствий этого распространения стала специализация, то есть тысячи профессий, ролей и именованных должностей, что радикально отличается от примерно 30 главных ремесел и ролей в традиционных обществах.

Эмиль Дюркгейм рассматривал расширение разделения труда как очень важный процесс, который, несмотря на порожденные им серьезные проблемы (например, потенциальный конфликт между собственниками и рабочими), имел множество долгосрочных преимуществ. В традиционном обществе коллектив доминировал над индивидом, а индивидуализм был сведен к минимуму. Тип солидарности, удерживающий общество от распада, был механическим, основанным на сходствах, стабильности и относительно неизменных институтах, разделяемых стилях жизни и уважении к авторитетам. Иными словами, солидарность не была сознательным актом, а возникала механически — как следствие постоянных форм жизни.

С развитием капитализма, индустриализации и урбанизации традиционный жизненный уклад, а вместе с ним и механическая солидарность оказались разрушены. Многие современники были всерьез обеспокоены тем, что разрушение социальной солидарности и развитие индивидуализма приведут к многочисленным конфликтам, а также к социальному и моральному упадку. Однако Дюркгейм не разделял этих опасений. Он утверждал, что в качестве результата распространения разделения труда возникает новая форма солидарности — органическая. Специализация ролей укрепит социальную солидарность

внутри больших обществ, и люди будут связаны взаимной зависимостью гораздо прочнее, чем внутри сравнительно изолированного, самодовлеющего сообщества. Мы все зависимы от огромного числа людей и производимых ими товаров и услуг, поддерживающих наши жизни. Сегодня эта зависимость приобретает глобальный характер. С некоторыми исключениями можно утверждать, что большинство людей в современном обществе не производят продукты питания, которые они едят, не строят дома, в которых живут, и не обеспечивают себя всеми теми материальными благами, которые потребляют. На деле, органическая солидарность порождает более прочную взаимозависимость и к тому же лучше уравнивает индивидуальные различия и коллективные цели.

Критические замечания

Разделение труда привело к глобальной экономической взаимозависимости государств, так что в этом смысле Дюркгейм был прав, утверждая, что оно сделает более тесными контакты и кооперацию между людьми по всему миру. Однако многие критики подчеркивают, что это достигается ценой деквалификации работников и деградации труда. Принципы научного управления, связанные с появлением массового промышленного производства, создали то, что индустриальные социологи называют системами с низким уровнем доверия, то есть с методами производства, при которых менеджмент контролирует весь рабочий процесс, в то время как работники имеют лишь незначительную автономию на рабочем месте (если имеют ее вообще). В системах с низким уровнем доверия работники, как правило, переживают неудовлетворенность работой, и это означает, что они не идентифицируют себя с компанией. Следствием оказываются отчужденность и высокая степень абсентизма. Большую часть XX века работники должны были мириться с подобными системами. Многие вынуждены делать это и сейчас — правда, в основном в развивающихся странах, где нормой остаются эксплуататорские потогонные производства. Глобальное разделение труда может иметь множество преимуществ для западного потребителя, но оно также источник множества страданий и эксплуатации.

Сохраняющаяся актуальность

С 1970–1980-х годов наблюдался процесс демонтажа старой модели массового производства стандартизированной продукции на крупных предприятиях и переход к производству, адаптированному к целевым нишевым рынкам. Этот сдвиг был теоретически осмыслен как отказ от фордизма в пользу гибких форм постфордистского производства. Гибкость была внедрена в способы разработки продукции, в технологии, стили управления, условия труда, в механизмы привлечения работников и в маркетинг. Производственные группы, командный способ решения проблем, многозадачность и нишевой маркетинг — это только некоторые стратегии, принятые компаниями, стремящимися к собственной реструктуризации для получения конкурентных преимуществ в рамках глобальной экономики. Недавний спад глобальной экономики, связанный с финансовым кризисом 2008 года, оказал большое влияние на процесс принятия решения корпорациями и правительствами, а также на глобальное разделение труда.

С конца XX века наблюдался значительный рост занятости в сфере услуг в развитых странах. Следующим шагом может стать офшоринг (*offshoring*), то есть систематическое выведение за рубеж все большего количества рабочих задач [Blinder, 2006]. Алан Блайндер в своем исследовании подчеркивает, что офшоринг будет иметь революционные последствия для развитых экономик, основанных на производстве услуг. Множество офисных и сервисных задач может с легкостью быть перемещено в офшоры, и поскольку связанные с выполнением этих задач рабочие места, как правило, были стабильными и хорошо оплачиваемыми, их потеря будет наиболее остро переживаться средним классом и профессиональными группами. К примеру, университетские курсы могут читаться по Интернету из любой точки мира. То же самое касается банковских и коммерческих услуг. Вопрос состоит в том, какие профессии останутся в постиндустриальной экономике? Блайндер предполагает, что это будут специальности, требующие непосредственного контакта, такие как уход за больными или транспортировка. Будет ли распространение офшоринга настолько радикальным, пока неясно.

Используя пример Лондона, Джейн Уиллс и ее коллеги показывают, как современные города становятся зависимыми от труда мигрантов, приезжающих в Британию со всего мира, чтобы занять такие само собой разумеющиеся места, как работа в

барах, уборка, уход за больными и работа в сфере общественного питания [Wills et al., 2010]. Несмотря на то что крупные города всегда привлекали мигрантов, находящихся в поисках работы, исследование Уиллс и ее коллег показывает, что за последние 20 лет произошли определенные изменения. Неолиберальная модель экономики свободного рынка способствовала нормализации системы субподрядов, уменьшению размера заработной платы и ухудшению условий труда, что сделало Лондон почти полностью зависимым от иностранной рабочей силы, которая поддерживает жизнеспособность города. Это поднимает политические вопросы борьбы с бедностью и укрепления социальных связей. Книга Уиллс и ее соавторов предлагает возможные решения этих ключевых проблем.

Литература

Blinder S. Offshoring: The Next Industrial Revolution? // *Foreign Affairs*. 2006. March/April. P. 113–128.

Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. London: Makmillan, 1984 [1893]; см. также рус. пер.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Morrison K. *Marx, Durkheim, Weber: Formations of Modern Social Thought*. 2nd ed. London: Sage, 2006. Ch. 3.

Smith A. *The Wealth of Nations*. London: Everyman's Library, 1991 [1776]; см. также рус. пер.: *Смит А.* Исследование о природе и причине богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

Wills J. et al. *Global Cities at Work: New Migrant Divisions of Labour*. London: Pluto Press, 2010.

РЕЛИГИЯ (RELIGION)

Рабочее определение

По Эмилю Дюркгейму, «религия — это единая система верований и действий, относящихся к священным, то есть к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен»².

² Цит. по: *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религии // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология*. М.: Канон+, 1998. С. 230–231. — *Примеч. ред.*

Происхождение понятия

В той или иной форме религия обнаруживается во всех человеческих обществах. В древнейших зарегистрированных обществах обнаруживаются очевидные следы религиозных церемоний и символов. Наскальные рисунки показывают, что религиозные верования и практики существовали более 40 тыс. лет назад, и с того времени религия продолжает быть важнейшей частью человеческого опыта. Самые ранние религии Европы включали верования и практики, которые, скорее, были встроены в саму повседневную жизнь людей, чем являлись отдельными социальными институтами. Это до сих пор верно для некоторых регионов мира. Однако в современных индустриальных обществах религия существует в организационных формах, отделенных от других сфер жизни, таких как экономика или политика. Ключевые дискуссии в социологии XX века были сосредоточены вокруг теории секуляризации: с одной стороны, говорилось, что религия медленно утрачивает свою власть, с другой — речь шла об усилении религиозных верований, несмотря на возможное уменьшение формального членства людей в религиозных организациях.

Значение и интерпретация

Маркс понимал религию как прибежище, дающее массам в классовом обществе возможность укрыться от жестокой реальности жизни. Христианство, например, обещало своим адептам жизнь после смерти, но при этом учило, что их материальная жизнь здесь и сейчас может с необходимостью быть трудной, мучительной и полной страданий. Для Маркса это показывает, что религии не свободны от идеологических элементов, которые обнаруживаются в политических теориях. Конечно, обещание счастливой загробной жизни поддерживает продолжающуюся эксплуатацию массы рабочих и существующие отношения неравенства. Макс Вебер в обширном исследовании мировых религий пришел к иным выводам: религия может быть консервативной силой, но это никоим образом не является неизбежным. К примеру, религия на протяжении долгого времени препятствовала социальным изменениям в Индии, где индуизм подчеркивал необходимость избегать пут материального мира,

контролировать и формировать его. На Западе же христианство с его постоянной борьбой с грехом и грешниками породило напряжение и эмоциональную динамику, бросившие вызов существующему порядку. Аналогичным образом Католическая церковь сыграла огромную роль в легитимации движения «Солидарность» в Польше, которое свергло коммунистический режим в 1980-х годах. Религия может способствовать социальным изменениям.

Эмиль Дюркгейм в качестве главной отличительной черты религии называл ее долговечность. Он утверждал, что все религии поделили мир на сферу сакрального и сферу профанного. С сакральными объектами и символами обращаются совершенно иначе, чем с другими — профанными, рутинными аспектами существования. Причина, по которой религии имеют устойчивый характер на протяжении столь длительных периодов времени, заключается в том, что они являются главным средством создания и усиления социальных связей. Церемония и ритуал необходимы для объединения людей, именно поэтому ритуалы и церемонии обнаруживаются в жизненных кризисах и пороговых событиях — рождение, вступление в брак, смерть. Коллективные церемониалы переутверждают групповую солидарность во времена серьезных изменений. Церемонии порождают коллективный подъем, то есть обостренные чувства и энергию, которые генерируются на общих собраниях и позволяют людям вырваться из мира повседневных забот, перенестись на время в мир более возвышенный. Дюркгейм отмечает, что религиозный *опыт* человека не может быть отвергнут как всего лишь самообман или идеология. Фактически это *реальный* опыт подлинных социальных сил.

Социология религии занимается способами функционирования религиозных институтов и организаций, особенно их ролью в создании и поддержании социальной солидарности. Существование множества конкурирующих религий и различий между ними может перерасти в дестабилизирующие конфликты. Тому есть множество примеров: конфликты между католиками и протестантами в Северной Ирландии, между сикхами, индуистами и мусульманами в Индии, столкновения между мусульманами и христианами в Боснии и бывшей Югославии, преступления на почве нетерпимости по отношению к евреям, мусульманам и представителям религиозных меньшинств в США.

Критические замечания

Секуляризация описывает процессы, в ходе которых религия утрачивает свое влияние на остальные сферы жизни общества. Если бы мы жили в полностью секулярном обществе, понятие «религия» было бы лишним. Применительно к Западной Европе в качестве модели была описана вера без принадлежности (*believing without belonging*), так как многие люди до сих пор верят в Бога или богов, однако число посещающих церковь неуклонно снижается [Davie, 1994]. В США же и уровень религиозности, и число посещающих церковь остаются на высоком уровне. Проблема достижения общего заключения связана с разногласиями по поводу того, как нужно измерять степень секуляризации.

Многие люди являются верующими, однако не ходят на службы в церковь, и наоборот — не меньшее число людей постоянно посещают церковь по привычке или для встречи с друзьями, не имея при этой сильной личной веры. Даже исторический подход в данном случае не позволяет прийти к окончательному решению. Можно было бы предположить, что до индустриализации люди посещали церкви чаще, священники обладали более высоким социальным статусом, а религиозные убеждения были сильнее. Однако все эти предположения поставлены под сомнение историческими исследованиями. В средневековой Европе большинство людей в лучшем случае относились равнодушно к религиозным верованиям и посещали церковные службы скорее из чувства долга. В то же время большинство наших современников не верят, что их повседневная жизнь населена божественными и духовными сущностями.

Критики тезиса Дюркгейма утверждают, что нельзя понять сущностные черты всех религий, основываясь на обобщениях, полученных на основе изучения небольших обществ. На протяжении XX века многие общества приобрели мультикультурный характер: внутри одного национального общества могут сосуществовать различные религии. Тезис Дюркгейма о религии как источнике общественной солидарности менее убедителен применительно к мультирелигиозным обществам и не позволяет объяснить внутриобщественные конфликты вокруг различных религиозных верований. Сомнение также вызывает мысль о том, что религия, в сущности, является культом общества, а не божеств или духов. Дюркгеймовский тезис может быть рас-

смотрен как редукционистский аргумент, согласно которому религиозный опыт сводим к социальному феномену. Этим аргументом отрицается сама возможность духовного уровня реальности.

Сохраняющаяся актуальность

Традиционные религии теряют свое влияние, а религиозность, как представляется, разворачивается в новых направлениях и в рамках новых религиозных движений. Более того, мало что свидетельствует о секуляризации в большинстве развивающихся странах. На Ближнем Востоке, в Азии, Африке и Индии существует движение исламского фундаментализма, полное жизненных сил и динамичное. Аналогично миллионы католиков в развивающихся странах встречают визиты Папы Римского, а православное христианство после десятилетий коммунистических репрессий с энтузиазмом поддерживают во многих регионах бывшего СССР. Даже в США религия сохраняет свои позиции и принимает новые формы, к примеру, популярное евангелическое движение и телевангелизм.

Мишель Маффесоли утверждал, что мы живем «во времена племен», как показывает быстрый рост малых групп людей, объединенных на основе разделяемых музыкальных вкусов, идей, потребительских предпочтений и способов развлечения [Maffesoli, 1995]. Приверженность людей этим самым новым племенам может быть слабой и непродолжительной, но она показывает серьезную потребность человека в социальности, которая по-прежнему является, в терминах Дюркгейма, религиозной потребностью. Поскольку традиционные религии борются за удержание своих адептов, многие социологи утверждают, что секулярные идеи способны брать на себя религиозную роль. В качестве примера можно назвать секулярную сосредоточенность на правах человека, которая связывает частное с универсальным и ожидает демократию в будущем. Дискурс прав человека сходен с христианской традицией и может быть представлен как секулярная религия [Reader, 2003]. Однако, если это так, он все же в гораздо большей степени сконцентрирован на индивидуе, чем на сообществе.

Интересным описанием новых религиозных движений является исследование общества «Сока Гаккай» в Италии, про-

веденное Карло Бароне [Barone, 2007]. Движение «Сока Гаккай» возникло больше 75 лет назад, быстро стало популярным, особенно в Италии. Автор исследования пытается объяснить столь широкую популярность. «Сока Гаккай» имеет более восьми миллионов сторонников в Японии и тесно связано с политической партией Комэйто, которая с 1990-х годов играет важную роль в японской правительственной коалиции. Однако многие, если не все, не японские члены «Сока Гаккай» едва ли осведомлены об этой политической связи, воспринимая свою религию как частное, индивидуальное дело. Главная причина успеха «Сока Гаккай» состоит в организационных методах этого движения. Новые члены присоединяются к малым группам (частям сети) и побуждаются к тому, чтобы делиться опытом, порождающим сильное чувство солидарности, в то время как групповое внимание сосредоточивается на сакральных объектах в эмоционально заряженной среде. Словом, группы создают — дюркгеймовский — коллективный подъем, интегрирующий членов относительно быстро и прочно.

Литература

Aldridge A. Religious in the Contemporary World: A Sociological Introduction. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2013.

Barone C. A Neo-Durkheimian Analysis of a New Religious Movement: The Case of Soka Gakkai in Italy // *Theory and Society*. 2007. Vol. 36. No. 2. P. 117–140.

Davie G. Religion in Britain Since 1945: Believing without Belonging. Oxford: Blackwell, 1994.

Fenn R.K. Key Thinkers in the Sociology of Religion. New York: Continuum, 2009.

Jones R.P., Cox D., Navarro-Rivera J. The 2012 American Values Survey. Washington, DC: Public Religion Research Institute, 2012.

Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. London: Sage, 1995.

Reader R. The Discourse of Human Rights — A Secular Religion? // *Implicit Religion*. 2003. Vol. 6. No. 1. P. 41–51.

Тема 5. Неравенство жизненных шансов

БЕДНОСТЬ (POVERTY)

Рабочее определение

Условия отсутствия доступа к благам, которые считаются базовыми или нормальными в обществе.

Происхождение понятия

Несмотря на то что условия для бедности существовали в большинстве обществ, использование понятия восходит к концу XIX — началу XX века. Исследование Сибом Раунтри бедности в Йорке (1899) задали тон последующим работам, стремившимся установить масштаб бедности в обществе [Rowntree, 2000]. Это направление исследований является важным, так как в случае оценки мер по снижению уровня бедности необходимо знать, сколько людей живет в условиях крайней нужды. С конца 1950-х годов, после работ Питера Таунсенда, широко использовался альтернативный метод оценки бедности. Таунсенд разработал реляционное понимание бедности, основанное на образе жизни, и выделил 12 индикаторов — например, «в доме нет холодильника», — образовавших показатель бедности, или депривации [Townsend, 1979]. Такой подход позволил оценить уровень бедности, который оказался значительно выше, чем предполагалось до этого. В концепции Таунсенда бедность скорее относительна, чем абсолютна. Более поздние исследования использовали опросники и интервью, чтобы узнать у людей, что *они сами* считают необходимым для жизни. Многие национальные правительства (и Европейский союз) также установили «черту бедности», основанную на уровне дохода домохозяйства в сравнении со средним доходом по стране (как правило, в раз- мере 50–60% от среднего дохода), чтобы определить количество граждан, живущих в бедности.

Значение и интерпретация

Социологи различают бедность абсолютную и относительную. Понятие «абсолютная бедность» основано на идее материального прожиточного минимума, то есть на представлениях о базовых условиях, которые необходимы для разумного поддержания здорового образа жизни. Люди, которые испытывают недостаток в продуктах питания, жилье и одежде, живут в абсолютной бедности. Согласно этому определению, во многих развивающихся странах целые группы населения живут в абсолютной бедности. Больше трети населения Бангладеш, Мозамбика и Намибии, около двух третей населения Руанды и 70% населения Нигерии на сегодняшний день живут в условиях абсолютной бедности. Однако существование общего стандарта абсолютной бедности является спорным, так как потребности и их определение зависят от культуры.

Большая часть современных социологов используют альтернативное понятие «относительная бедность». Оно соотносится с общим стандартом жизни в обществе. Основная причина предпочтительности этого понятия заключается в широко распространенном мнении о культурной обусловленности определения бедности и невозможности ее измерения в соответствии с универсальным стандартом. Вещи, базовые в одном обществе, могут рассматриваться в другом как предметы роскоши. В развитых странах бегущая из крана вода, смывные туалеты и регулярное потребление фруктов и овощей считается предметами первой необходимости, в то время как в развивающихся странах всё это вовсе не считается частью нормальной жизни и поэтому их отсутствие как показатель бедности не является обоснованным. Даже определения абсолютной бедности менялись с течением времени по мере расширения наших знаний; иными словами, абсолютная бедность тоже относительна.

Тем не менее понятие «относительная бедность» нельзя считать панацеей. По мере развития обществ критерии бедности претерпевают изменения. Было время, когда наличие холодильника, центрального отопления и телефона считалось роскошью, однако сегодня большинство людей рассматривает их как предметы первой необходимости. Некоторые исследователи уверены, что концепция относительной бедности отвлекает внимание от того факта, что самые бедные члены общества сейчас все

равно живут гораздо лучше, чем жили раньше, и поднимают вопрос: существует ли подлинная бедность в богатых странах? Социальные группы, чаще всего живущие в бедности, это дети, люди преклонного возраста, женщины и некоторые этнические меньшинства. Повышенные шансы оказаться бедными имеют люди, находящиеся в неблагоприятном положении или подвергшиеся дискриминации.

Объяснения бедности могут фокусироваться на индивиде («виновата жертва») или на организации общества («виновата система»). Представление о том, что «бедные всегда будут с нами», имеет длинную историю и предполагает, что бедные сами в первую очередь ответственны за свое положение. Согласно этой точке зрения, общество предоставляет множество возможностей для успеха, и если некоторые люди не преуспели, то винить в этом они должны себя. Богательни и рабочие дома XIX века существовали для содержания тех, кто, как предполагалось, потерпел крах. Несмотря на то что позднее эти идеи утратили популярность, они получили вторую жизнь в 1980-х годах, когда политики неолиберального толка стали объяснять бедность определенным образом жизни и установками самих бедных. Американский социолог Чарльз Мюррей говорил о возникновении низшего класса (*underclass*) с характерной для него культурой зависимости, основанной на жизни на социальные пособия и нежелании работать [Murray, 1984].

Второй тип объяснения бедности рассматривает социально-экономические условия, порождающие ее определенные уровни. Периодические экономические подъемы и спады, изменения в образовательной политике и системе, основные социальные деления (по классу, гендеру, этнической принадлежности), инвалидность — все это вносит свой вклад в формирование индивидуальных жизненных шансов и вероятность того, что люди испытают бедность. Подобные структурные объяснения отказываются возлагать главную ответственность за собственную бедность на индивида. Это точка зрения отсылает нас к 1930-м годам, когда Ричард Тоуни предложил теорию, рассматривающую бедность как аспект социального неравенства, приводящего к поляризации богатства и бедности. Ключевым для борьбы с бедностью стало уменьшение социального неравенства при помощи социально-экономической политики, а не обвинение человека в том, что он беден. Уменьшение уровня бедности — это

не вопрос изменения индивидуальных взглядов и установок. Для этого необходима политика более равномерного распределения доходов и ресурсов. Два недавних примера подобной политики в Великобритании — это введение государственного минимума оплаты труда и распространение льгот по месту работы. Их цель — снижение уровня бедности. Реструктуризация экономики может также приводить к увеличению уровня бедности. В 1980-е годы упадок обрабатывающей промышленности, субурбанизация занятости и рост низкооплачиваемого сектора услуг сократили возможности трудоустройства. Если всё это обобщить, то получается, что уровень бедности должен объясняться с учетом структурных изменений в обществе.

Критические замечания

При критике использования понятия «бедность» прибегают к ряду аргументов. Если мы принимаем культурную критику абсолютной бедности, мы остаемся с относительной бедностью. Однако критики видели в концепции относительной бедности не более чем альтернативное описание социального неравенства, не добавляющего ничего к нашему пониманию. Если стандарты бедности меняются в результате социального развития, то теряется изначальная цель понятия — идентификация и повышение уровня информированности о крайних формах лишения. Могут ли семьи, имеющие большинство технологических атрибутов современной жизни и доступ к системе социального обеспечения, считаться по-настоящему бедными?

Некоторые социологи отказались от понятия «бедность» в пользу понятия «социальное исключение», которое позволяет определять процессы, лишаящие бедных определенных гражданских прав. Критика также распространялась на методы измерения бедности. Идея, положенная в основу индекса депривации, предполагала установление группы индикаторов. Но не является ли выбор этих индикаторов произвольным? На какие критерии мы опираемся, отбирая одни индикаторы как выражающие первостепенные или реальные потребности, а другие — всего лишь желания? Некоторые категории, типа горячего завтрака или выходных, могут быть в большей степени связанными с личным выбором и приоритетами, чем с бедностью. Подобная произвольная избирательность способна от-

влечь внимание от реальных проблем абсолютной бедности в развивающихся странах.

Сохраняющаяся актуальность

Несмотря на критику, понятие «бедность» остается значимым в современных социологических исследованиях, особенно в случаях, когда ставится цель информировать тех, кто определяет политику в этой сфере. Понятие «относительная бедность» было важным в дебатах о неравенстве. Оно придало им более социологический характер, привлекая внимания к глубинным социально-экономическим процессам, которые могут приводить к росту уровня бедности, способного лишить целые социальные группы полноправного гражданства.

Старой идее, что «бедные всегда будут среди нас», также был брошен вызов недавними исследованиями, которые показали, что в любой конкретный период времени изрядная доля пребывающих в бедности находилась в лучших жизненных условиях прежде или может рассчитывать выбраться из бедности в будущем [Jenkins, 2011]. Существенный уровень мобильности показывает: некоторые люди успешно избегают бедности, но гораздо большее число людей, чем раньше, осознают, что будут вынуждены жить в бедности всю свою жизнь. В этом смысле произошла гуманизация бедности: люди, живущие в условиях бедности, уже не кажутся настолько оторванными от остального общества.

Литература

Alcock P. Understanding Poverty. 3rd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.

Hulme D. (ed.). Global Poverty How Global Governance is Failing the Poor. London: Routledge, 2010.

Jenkins S.P. Changing Fortunes: Income Mobility and Poverty Dynamics in Britain. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Lister P. Poverty. Cambridge: Polity, 2004.

Murray C.A. Losing Ground: American Social Policy 1950–1980. New York: Basic Books, 1984.

Rowntree B.S. Poverty: A Study of Town Life. Bristol: Policy Press, 2000 [1901].

Townsend P. Poverty in the Unites Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979.

ГЕНДЕР (*GENDER*)

Рабочее определение

Ожидаемые и приемлемые для членов данного общества социальные, культурные, психологические особенности и поведение.

Происхождение понятия

Гендер оставался в значительной мере игнорируемой в социологии темой до тех пор, пока в 1960-х годах целый корпус теоретических и эмпирических феминистских исследований не привлек внимание к серьезному неравенству между мужчинами и женщинами даже в современных обществах. Классическая социология по большей части принимала существующий гендерный порядок, построенный на мужском господстве, в качестве само собой разумеющегося. Например, в функционалистских теориях гендерные различия рассматривались как укорененные в функциональных потребностях общества: «экспрессивные» роли в домашнем хозяйстве играли женщины, а «инструментальные» роли в формальной экономике принадлежали мужчинам. Феминистские исследования бросили вызов этому кажущемуся естественным неравенству, показывая, что мужское господство во многом сходно с классовым. Тем не менее некоторые теоретики использовали существующие социологические понятия и теории для объяснения гендерного неравенства — например, теорию социализации или один из вариантов теории конфликта. В последние годы само понятие «гендер» рассматривалось как слишком строгое. Некоторые исследователи полагают, что понятие это нестабильное и постоянно меняющееся.

Значение и интерпретация

В социологии понятие «гендер» отсылает к психологическим, социальным и культурным различиям между мужчинами и женщинами, в то время как понятие «пол» — к анатомическим и физиологическим различиям между мужским и женским телом. Большинство социологов утверждают, что нет свидетельств существования механизма, связывающего биологические особенности с многообразным социальным поведением, демонстрируемым людьми. Это означает, что гендер — сложный социальный конструкт.

Некоторые социологи рассматривают гендерную социализацию, то есть освоение гендерных ролей через социальных агентов социализации — семью, школу, массмедиа и др., как то, что помогает объяснить наблюдаемые гендерные различия. Процессы социализации в семье, группах сверстников и школе, как правило, поощряют гендерные формы самоидентификации, которые усваиваются детьми. Тем самым гендерные различия культурно воспроизводятся, а мужчины и женщины в процессе социализации присваивают различные роли. Гендерно дифференцированные игрушки, одежда, стереотипные роли в телепередачах, фильмах и видеоиграх — все это примеры культурной поддержки конформизма в отношении гендерных ожиданий. Последние исследования показывают, что гендерная социализация не является простым и односторонним процессом, потому что люди активно в нее вовлечены и могут отвергать или модифицировать ожидания, и это делает социализацию внутренне нестабильной и открытой для оспаривания.

Базовое разделение между полом и гендером отвергается некоторыми социологами как вводящее в заблуждение и предполагающее существование биологического ядра, на которое культура затем накладывает гендерные различия. Вместо того чтобы рассматривать пол как биологически детерминированный, а гендер как культурно усвоенный, сегодня порой предлагается понимать и пол, и гендер в качестве социальных конструкторов. Дело не просто в гендерной идентичности; само человеческое тело формируется и изменяется социальными силами. Люди могут создавать и перестраивать свое тело почти так, как им вздумается, при помощи физических упражнений, диет, пирсинга, индивидуальной моды, пластической хирургии и операций по изменению пола. Гендерные идентичности и половые различия неразрывно связаны с индивидуальными человеческими телами, и стало почти невозможным отделять культурное от биологического.

Равин Коннелл предложила один из самых полных подходов к гендеру, который интегрирует патриархат и маскулинность в теории гендерных отношений [Connell, 2005]. Коннелл утверждает, что труд, власть и катексис (личные и (или) сексуальные отношения) — различные, но взаимосвязанные части и силы общества, действующие совместно и изменяющиеся в зависимости от отношений друг с другом. Труд отсылает к половому

разделению труда и внутри домохозяйства, и на рынке рабочей силы. Власть действует через социальные отношения, такие как господство, насилие и идеология внутри социальных институтов, государство, армия и семья.

Катексис относится к динамике внутри интимных, эмоциональных и личных отношений, включая брак, сексуальность и воспитание детей. На вершине гендерного порядка располагается гегемонистская маскулинность, которая благодаря культуре проникает в частную жизнь и различные социальные сферы. Гегемонистская маскулинность напрямую связана с гетеросексуальностью и брачными отношениями, но, помимо этого, еще и с господством, оплачиваемым трудом, силой и физической крепостью. Несмотря на то что лишь немногие мужчины соответствуют этому стилизованному образу, огромное их число пользуется его преимуществами. В гендерном порядке, в котором господствует маскулинность, гомосексуальность рассматривается как оппозиция «настоящему мужчине». Гомосексуальная маскулинность стигматизирована и находится в самом низу мужской гендерной иерархии. Все типы фемининности формируются в позициях, подчиненных гегемонистской маскулинности. Существуют женщины, которые смогли развить неподчиненные идентичности и стили жизни, — феминистки, лесбиянки, старые девы, повитухи, ведьмы, проститутки и работницы ручного труда, — однако опыт этих *сопротивляющихся фемининностей*, как правило, скрыт от истории.

Критические замечания

Некоторые критики утверждают, что, хотя существование гегемонистской маскулинности очевидно, Коннелл не представила по-настоящему удовлетворительного ее описания. Причина в том, что исследовательница не дает точного определения тому, что противостоит гегемонии. К примеру, сегодня в воспитание детей вовлекается все больше мужчин. Является ли это продолжением гегемонистической маскулинности или противостоящей ей тенденцией? Пока мы не знаем, какие действия подрывают гегемонистическую маскулинность, откуда нам знать, какие именно действия ее конституируют прежде всего? Некоторые социальные психологи также задаются вопросом о том, *каким образом* мужчины приходят к тому, чтобы воплощать в

себе соучаствующую маскулинность. Если сами они не живут согласно идеалам гегемонистической маскулинности, что это несоответствие означает для них? Короче говоря, на что будет похоже сопротивление гегемонистической маскулинности, рассмотренное в практических терминах?

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «гендер» стало очень важным в социологии. Отчасти это результат феминистических исследований. Однако недавние исследования сексуальности (включая так называемую квир-теорию — *queer theory*) также активно использовали это понятие и видоизменили его. Джудит Батлер утверждает, что гендер — это перформатив [Butler, 2004]. Гендер не подобен предмету, не является он и чем-то, неотъемлемо присущим телу. Скорее, он сходен с непрерывной активностью, работой, находящейся в процессе выполнения. Это значит, что гендер — неустойчивая социальная категория, которая может вмещать множество вариаций и быть радикально изменчивой. Возьмем, к примеру, новые типы действия трансгендеров, бисексуалов и лесбиянок, возникшие в движении геев и лесбиянок. Что есть гендер и как его понимать, зависит от того, как люди исполняют (*perform*) свой гендер, и характер этого исполнения может быстро измениться.

Гендерное неравенство — установленный факт для большинства обществ, но масштабы его различны. Хадас Мандел проанализировала гендерный порядок и государственную политику в 14 развитых странах, чтобы сравнить последствия различных государственных вмешательств, направленных на уменьшение гендерного неравенства [Mandel, 2009]. Мандел пишет о том, что в одних странах женщинам выплачивают пособия на детей, в других облегчают условия труда и семейные тяготы. Однако в обоих случаях действия государства основаны на традиционном разделении гендерных ролей и не кладут конец трудному экономическому положению женщин. Политика, направленная на создание условий, позволяющих большему числу женщин переходить на оплачиваемую работу, представляется более многообещающей. Но, как отмечает Мандел, это политика не может работать изолированно и требует изменения идеологии, которая возлагает бремя тяжелого семейного труда на жен-

щин. Внедрение политики предоставления родителям (то есть и мужчинам) отпуска по уходу за ребенком становится поэтому первым практическим шагом в распределении бремени семейного труда на более равных основаниях.

Литература

Bradley H.G. Gender. 2nd ed. Cambridge: Polity, 2012.

Butler J. Undoing Gender. London: Routledge, 2004.

Connell R.W. Masculinities. 2nd ed. Cambridge: Polity, 2005.

Holmes M. What is Gender? Sociological Approaches. London: Sage, 2007.

Mandel H. Configurations on Gender Inequality: The Consequences of Ideology and Public Policy // British Journal of Sociology. 2009. Vol. 60. No. 4. P. 693–719.

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ (*INTERSECTIONALITY*)

Рабочее определение

Пересечение различных типов социального неравенства, включая класс, расу и (или) этничность, гендер, инвалидность и сексуальность, которое порождает формы дискриминации более сложные, чем допускалось одномерными концептуализациями.

Происхождение понятия

Социология после Маркса рассматривала общественный класс как основную форму неравенства, определяющую жизненные шансы индивидов. На протяжении XX века постепенно были признаны как играющие все большее значение другие измерения неравенства, а к 1970-м годам неравенство в современных обществах стало рассматриваться как имеющее разнообразные источники. Несмотря на отдельные попытки создать теорию взаимного усиления, скажем, класса и гендера, сказывалось отсутствие систематического подхода. По мере того как социологические исследования переключали свое внимание с класса на другие формы неравенства, становилось все более очевидным, что теории класса непосредственно на эти формы неравенства перенесены быть не могут. Впервые понятие «интерсекциональность» было использовано в работе Кимберл Креншо о пересе-

чении (*intersection*) расы и пола в США и было быстро подхвачено в сборнике под редакцией Маргарет Андерсен и Патришии Хилл Коллинз, впервые вышедшем в 1990 году, в котором анализировались способы, какими пересечения класса, расы, гендера и сексуальности формируют идентичности людей и определяют их жизненные шансы [Crenshaw, 1989]. Исследования чернокожих феминисток носили инструментальный характер в развитии интерсекциональных теорий. Эти теории появились и долгое время развивались именно в американской науке, хотя сейчас ситуация медленно меняется [Crenshaw, 1991].

Значение и интерпретация

Постепенный отказ от класса как единственной формы неравенства привел социологов к предположению, что для того чтобы понять жизнь современных людей, необходимо обнаружить связь между классом и другими формами неравенства [Rothman, 2005; Andersen, Collins, 2016]. На сегодняшний день теория интерсекциональности, пожалуй, самая влиятельная из тех, что пытаются это сделать. Она начинается с отнюдь не тривиального признания факта социального и культурного разнообразия. Это признание предполагает, что все социологические исследования и теории, которые рассматривают такие родовые категории, как «чернокожие», «рабочий класс», «женщины», «инвалиды», «гомосексуалисты» и т.д., являются свехобобщениями. Что значит на деле, когда социологи дискутируют об опыте рабочего класса и женщин? Классовая позиция может не выступать первичной формой идентификации большинства людей из рабочего класса. Жизнь белого гетеросексуального рабочего может разительно отличаться от жизни чернокожего рабочего-гомосексуалиста, и только эмпирические исследования способны показать, какая из этих форм идентичности более важна.

Исследования интерсекциональности направлены на изучение разнообразных форм различий, переплетающихся в конкретных случаях, и это может приводить к очень сложным типам анализа реально проживаемых людьми жизней. Корпус этих исследований не является всего лишь описательным. Он стремится понять, как в обществе действуют отношения власти, производящие неравенство и дискриминацию [Berger, Guidroz, 2009]. Исследования интерсекциональности — это больше, чем простое сло-

жение класса, расы и гендера. Напротив, каждая из категорий влияет на другие, а взятые вместе, они производят способы восприятия мира как «порой угнетенного и маргинального, а порой привилегированного и предоставляющего преимущества» [Smooth, 2010, p. 34]. Одним словом, интерсекциональные категории производят социальные позиции, которые нельзя разложить на составляющие их дискретные элементы, — они больше, чем сумма их частей.

В исследованиях интерсекциональности отдается предпочтение качественным методам, способным проникнуть в реальную жизнь человека, и биографическим методам, реконструирующим влияние неравенства на протяжении жизненного пути. Именно в этом заключается важное отличие исследований интерсекциональности от исследований класса, в которых главную роль играли метод опроса и количественный анализ. Интерсекциональность — это и *описание* разнообразия социальной жизни, и *теория* этого разнообразия. Однако она может рассматриваться и как способ сфокусировать внимание на взаимодействии социальных позиций, то есть *методология*, разработанная для обеспечения более полного и надежного подхода к разнообразию социального опыта.

Критические замечания

В теории интерсекциональности и ее исследованиях есть ряд проблем. Сколько форм неравенства и категорий идентичности должны быть включены в анализ? Эту проблему часто называют проблемой *et cetera*¹: некоторые исследования к списку, состоящему из класса, гендера и расы, добавляют «и так далее», чтобы указать на множественность источников неравенства [Lykke, 2011]. Однако если это так, то каким образом исследователи узнают, что охватили все эти источники для подтверждения своих результатов? Вторая проблема — это относительный вес, приписываемый различным используемым категориям. Должны ли мы считать, что все они обладают примерно одинаковым весом, или же есть основания предполагать, что одна из них более важна для формирования жизни людей, чем другие? К примеру, марксистская теория утверждает, что в условиях капита-

¹ И так далее, и прочее, и другое (лат.). — Примеч. ред.

листического общества было бы разумно предположить, что классовая позиция остается движущей силой, определяющей возможности и жизненные шансы. Анализ способов, какими пересекаются различные элементы индивидуальной идентичности, стал общим местом. Однако важно помнить, что в Великобритании и других странах существует обширный корпус заслуживающих доверия социологических исследований, которые продолжают обнаруживать структурные условия социальной обездоленности, например — большие социальные группы (классовые фракции или этнические меньшинства), влияющие на жизненные шансы индивидов, занимающих сходные социальные позиции.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «интерсекциональность» приобрело важное значение в связи с попытками уяснить разнообразие опыта не только бедности, но и всей социальной жизни в целом. Как показывают многие работы, социальная жизнь предстает все более сложной по мере проведения все более тонких различий. Элен Барнард и Клэр Тёрнер утверждают, что «опыт индийской женщины, принадлежащей к третьему поколению среднего класса, исповедующей индуизм, имеющей ученую степень и проживающей в Милтон-Кинс, может иметь мало общего с опытом индийской женщины, принадлежащей ко второму поколению среднего класса, исповедующей ислам, не имеющей высшего образования, живущей в Бадфорде с мужем-инвалидом и двумя детьми» [Barnard, Turner, 2011, p. 4].

В последние годы много говорится о том, что для эффективности законодательства о равноправии социальная политика должна принять во внимание интерсекциональность [Hancock, 2007]. Альба Алонсо рассматривает этот тезис применительно к Португалии — стране с богатой историей привлечения различных групп гражданского общества к выработке политики равенства [Alonso, 2012]. Португальское решение заключается в том, чтобы способствовать развитию модели координации уже существующих структур, занимающихся вопросами равноправия, вместо того, чтобы создавать новые. Алонсо пишет о том, что, несмотря на наличие некоторых ограничений, подобный срединный подход позволяет сохранить тех экспертов, которые

работают внутри существующих структур. Он также создает потенциал воздействия на пересекающиеся формы неравенства как в масштабах отдельных групп, так и в масштабах всей страны. Несмотря на довольно недолгую историю проведения такой политики, можно утверждать, что она имеет все шансы проявить себя в будущем.

Литература

Alonso A. Intersectionality by Other Means? New Equality Policies in Portugal // *Social Politics*. 2012. Vol. 19. No. 4. P. 596–621.

Andersen M.L., Collins P.H. (eds). *Race, Class, and Gender: An Anthology*. 9th ed. Boston, MA: Cengage Learning, 2016 [1990].

Barnard H., Turner C. *Poverty and Ethnicity: A Review of the Evidence*. York: Joseph Rowntree Foundation, 2011.

Berger M.T., Guidroz K. (eds). *The Intersectional Approach: Transforming the Academy through Race, Class, and Gender*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009.

Crenshaw K.W. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // *University of Chicago Legal Forum*. 1989. Vol. 1989. Iss. 1. Article 8. P. 139–167.

Crenshaw K.W. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics and Violence against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299.

Hancock A.-M. Intersectionality as a Normative and Empirical Paradigm // *Politics and Gender*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 248–254.

Lykke N. Intersectional Invisibility: Inquiries into a Concept of Intersectionality Studies // *Lutz H., Vivar M.T.H., Supik L.* (eds). *Framing Intersectionality: Debates on a Multi-Faceted Concept in Gender Studies*. Farnham: Ashgate, 2011. P. 207–220.

Rothman R.A. *Inequality and Stratification: Class, Race and Gender*. 5th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2005.

Smooth W.G. Intersectionalities of Race and Gender and Leadership // *O'Connor K.* (ed.). *Gender and Women's Leadership: A Reference Handbook*. Vol. 1. London: Sage, 2010. P. 31–40.

Taylor Y., Hines S., Casey M.E. (eds). *Theorizing Intersectionality and Sexuality*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

КЛАСС (CLASS)

Рабочее определение

Сравнительная экономическая позиция больших социальных групп, определяемая родом деятельности, владением собственностью и выбором стиля жизни.

Происхождение понятия

Социологи долгое время не могли прийти к согласию по вопросу о социальном классе, поскольку существовали различные теории — Маркса и Вебера. По Марксу, класс — это группа людей, находящихся в общем отношении к средствам производства. Говоря буквально, они или собственники, или несобственники. Классовые системы прослеживаются на протяжении большей части человеческой истории. В доиндустриальных обществах было два класса: собственники земли (аристократы, мелкое и среднее дворянство или рабовладельцы) и те, кто работает на земле (крепостные, рабы, свободные крестьяне). Однако в индустриальном обществе фабрики, офисы, машины и необходимый для их приобретения капитал стали более важным фактором производства, чем земля. В современном капитализме классовый антагонизм разделяет капиталистов, то есть тех, кто владеет средствами производства, и рабочих (Маркс называет их «пролетариат»), которые вынуждены трудиться на капиталистов, чтобы выжить.

Вебер полагает, что существование классов обусловлено объективными экономическими условиями, однако принимает во внимание разнообразие объективно существующих экономических условий. Классовое деление основано не только на владении и не владении средствами производства, но и на наличии навыков и квалификаций, которые определяют те виды работы, которые способен получить человек. Позиция на рынке труда сильно влияет на жизненные шансы людей. Управленческие должности и работа, требующая высокой квалификации (врачи, судьи и т.д.), приносят более высокую зарплату, лучшие условия труда и найма, больше преимуществ (например, в виде бонусов и премий), чем работа на фабрике или рутинный офисный труд. Классовая позиция, таким образом, определяется сложным набором факторов и не может быть сведена только к собствен-

ности на средства производства. Вебер также отличал класс от статуса, который формируется исходя скорее из восприятий индивида другими людьми, нежели из его объективной экономической ситуации. В последние годы споры сосредоточены вокруг вопроса о том, не утратил ли класс свое практическое значение и не должны ли классовые схемы включать потребительские предпочтения и другие культурные факторы.

Значение и интерпретация

Сегодня большинство социологов согласилось бы с тем, что класс — это форма социальной стратификации, характеризующая современные индустриальные страны, хотя эта форма, по мере продвижения капитализма, распространилась и на другие общества. Классы — это большие группы людей, пользующихся общими экономическими ресурсами, что сильно влияет на тот образ жизни, который эти люди в состоянии себе позволить. Владение богатством и род занятий — два основных принципа классовых различий. Социологи, как правило, согласны в том, что класс — самая гибкая форма стратификации: поскольку классы не являются юридическими лицами, границы между ними подвижны и не существует юридических ограничений, например, на межклассовые браки. Но даже если это так, исследования показывают, что классовая позиция, определяемая рождением, ограничивает, хотя и не устраняет, возможность перемещения индивида внутри классовой системы.

Изучение социальной мобильности демонстрирует, что люди могут изменять — и делают это — свое классовое положение в обществе, с чем резко контрастирует, скажем, кастовая система в Индии, которая не допускает подобных движений. Классовая система безлична, и индивидуальная классовая позиция объективна и не связана с личными отношениями, которые обычно образуют отдельную сферу жизни человека. Теоретические и эмпирические исследования стремились обнаружить связи между классовой позицией и другими измерениями социальной жизни — например, политическими предпочтениями при голосовании на выборах, уровнем образования, состоянием здоровья и т.д. Социологи попытались создать карту классовой структуры современного общества, разрабатывая схемы, которые максимально полно учитывают профессиональную струк-

туру в рамках нескольких необходимых категорий. Социологи обычно используют род занятий в качестве общего показателя социального класса, потому что, согласно исследованиям, люди одной профессии, как правило, ведут схожий образ жизни и имеют сходные жизненные шансы.

Реляционные классовые схемы используются многими аналитиками, поскольку они позволяют обнаружить изменяющиеся напряжения и неравенства внутри общества, равно как меняющиеся категории занятости и новые профессиональные тенденции. Джон Голдторп в течение многих лет занимался классовым анализом и создал вебериянскую схему для использования в эмпирических исследованиях. Эта схема не иерархична, а воспроизводит реляционную природу современной классовой структуры. Первоначальная схема Голдторпа определяла классовое положение на основе рыночной конъюнктуры и трудовых отношений. Рыночная конъюнктура определяет уровни оплаты труда, гарантии занятости и перспективы карьерного роста; трудовые отношения связаны с вопросами контроля, власти и управления. Позже Голдторп подчеркивал отношения в сфере занятости, обращая особое внимание на различные виды трудовых контрактов [Goldthorpe, 2000].

Критические замечания

Теория и анализ классов имеют давнюю историю в социологии, но с 1980-х годов они столкнулись с критикой со стороны социологов, полагающих, что значение класса неуклонно снижается. По утверждению Яна Пакульски и Малкольма Уотерса, глобализация породила всеобъемлющее разделение труда, при котором основные формы неравенства существуют не внутри отдельных национальных государств, а между ними [Pakulski, Waters, 1996]. Развитые страны стали постиндустриальными с преимущественной занятостью в сфере услуг и растущей индивидуализацией, что привело к возникновению статусного конвенционализма и системы неравенства на основе скорее консьюмеризма и выбора стиля жизни, чем социального класса.

Критики, кроме того, рассматривают систему высшего образования и расширение возможностей, которые оно предоставляет, а также появление большого числа успешных предпринимателей, многие из которых используют новые технологии

(такие как Интернет) и прокладывают собственный путь в системе классов, как свидетельство большей социальной мобильности и более активного перемещения между классами. В результате происходит ослабление основанных на классе обществ и классовой идентичности. Класс просто менее значим для современного человека показатель и уступает место гендеру, этничности, сексуальности и политической принадлежности в качестве источника идентичности.

Еще одна проблема классового анализа, опирающегося на классовый статус главы семьи, обычно — мужчины, приносящего основной доход, заключается в неспособности иметь дело с гендером. Классовая позиция женщины считывалась с классовой позиции ее партнера. Такова схема, возможно, работающая для начала XX века, но оказывающаяся весьма ненадежной, когда все больше замужних женщин находят оплачиваемую работу. Этот пример подтверждает трудность отнесения таких групп, как студенты, пенсионеры или безработные к определенным классовым категориям, что означает: классовые схемы являются несовершенными, неполными и пристрастными.

Сохраняющаяся актуальность

Следует признать ослабление классовой идентификации, но это не означает, что классы стали нерелевантным фактором для формирования жизненных шансов человека. Субъективно люди могут не воспринимать себя как представителей рабочего или среднего класса, однако многочисленные социологические исследования продолжают показывать, что класс, в котором мы родились, остается важнейшим фактором, определяющим наши жизненные шансы [Crompton, 2008]. Подходы Маркса и Вебера справедливо настаивают на том, что необходимо удерживать в фокусе внимания объективный характер социального класса, чтобы понять, как и почему воспроизводится социальное неравенство. В действительности разрыв между богатыми и бедными во многих развитых странах за последние 30 лет увеличился, даже если экономики этих стран росли.

Возвращаясь к веберовскому первоначальному различию между классом и статусом, Так Вин Чан и Джон Голдторп говорят о них как о двух связанных между собой формах стра-

тификации, имеющих, однако, различные последствия [Chan, Goldthorpe, 2007]. В Великобритании экономическое положение и жизненные шансы продолжают определяться классовой принадлежностью, как и политические установки (правые или левые) и предпочтения во время выборов одной из двух главных политических партий — консервативной и лейбористской. Однако Чан и Голдторп утверждают, что формы культурного потребления или вероятность быть носителем либертарианских или авторитарных установок формируются в большей степени социальным статусом, чем социальным классом. Как бы то ни было, класс и статус соотносятся довольно сложным образом. К примеру, классовая принадлежность остается лучшим предсказателем политических ценностей и основных электоральных предпочтений, а статус серьезно влияет на позицию человека по таким вопросам, как цензура, надзор и этические проблемы. Соединения эффектов, порождаемых классом и статусом, имеют поэтому больший объяснительный потенциал, чем рассмотрение каждого типа стратификации по отдельности.

Принимая во внимание недавние теории, предполагающие снижение значимости класса, некоторые исследования изучили опыт классовой принадлежности в конкретных местах. Карол Винсент и ее коллеги использовали качественные методы в эмпирическом исследовании рабочей классности (*working classness*) в центральных районах Лондона, делая специальный акцент на уходе за детьми и ресурсах, доступных людям для жизни [Vincent, Ball, Braun, 2008]. Ключевой контраст, отмеченный авторами, это различие между теми, кто борется за жизнь, и большинством, которое справляется с жизнью. Это большинство имеет высокий социальный капитал (поддержка друзей и семьи), культурный капитал (дипломы об образовании) и экономический капитал (занятость, хоть и нестабильная). Несмотря на то что представители рабочего класса в этом исследовании являлись гетерогенной группой, социальный класс остается важнейшим объективным показателем жизненных шансов.

Литература

Chan T.W., Goldthorpe J.H. Class and Status: The Conceptual Discinction and its Empirical Relevance // American Sociological Review. 2007. Vol. 72. No. 4. P. 512–532.

Crompton R. Class and Stratification. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2008.

Edgell S. Class. London: Routledge, 1993.

Goldthorpe J.H. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Pakulski J., Waters M. The Death of Class. London: Sage, 1996.

Vincent C., Ball S.J., Braun A. 'It's Like Saying "Coloured"': Understanding and Analysing the Urban Working Classes // Sociological Review. 2008. Vol. 56. No. 1. P. 61–77.

ПАТРИАРХАТ (*PATRIARCHY*)

Рабочее определение

Систематическое господство мужчин над женщинами в отдельных или во всех институтах и сферах общества.

Происхождение понятия

Идея господства мужчин над женщинами имеет очень давнюю историю. Многие религии отстаивали ее как естественную и необходимую. В социологии первым теоретическим описанием патриархата является рассмотрение Энгельсом подчинения женщин мужчинам в условиях капитализма. Энгельс утверждал, что при капитализме вся власть сосредоточена в руках небольшой группы мужчин, и поскольку система производит больше богатства, чем когда-либо прежде, происходит усиление классового и гендерного неравенства по мере того, как мужчины передают свое богатство наследникам мужского пола.

Однако главным источником современной теории патриархата является феминизм (особенно начиная с 1960-х годов), где понятие «патриархат» было разработано и использовано для объяснения непрекращающегося мужского господства в современных обществах. Теоретики феминизма расходятся во взглядах на полезность этого понятия. Тем не менее в феминизме появилось несколько новых исследовательских и объяснительных перспектив, включая либеральную, социалистическую и радикальную. Феминистский слоган «Личное — это политическое» указывает на домашнюю сферу как главное место воспроизводства мужского господства. Положение, которое ранее не признавалось. Продолжающееся угнетение женщин обнаруживает себя в ежедневных сексистских комментариях и предположени-

ях, медийных образах женщин и девочек, мужском насилии и сексуальных преступлениях против женщин как в частной, так и общественной жизни. В конце XX века эмпирические исследования обеспечили понятию «патриархат» прочную эмпирическую основу, выявив его разнообразные формы в различных сферах общества.

Значение и интерпретация

Понятие «патриархат» — фундамент радикальных форм феминизма. Оно в своем роде универсально и охватывает очень широкий круг случаев угнетения женщин мужчинами. Для многих радикальных феминисток конвенциональная семья — важнейший элемент патриархата, где женщины бесплатно выполняют домашнюю работу, позволяя мужчинам наслаждаться свободой во внешнем публичном мире. Женщины по-прежнему выполняют бóльшую часть домашней работы, даже если они и их партнеры-мужчины официально работают. Шуламит Файрстоун утверждала, что мужское господство подкрепляется фундаментальным биологическим неравенством [Firestone, 1970]. Поскольку только женщины способны выносить ребенка и дать ему жизнь, они попадают в зависимость от мужчин. В капиталистических обществах институциональной основой этого биологического неравенства является нуклеарная семья, поэтому необходимым условием эмансипации женщин должно быть ее разрушение.

Для радикальных феминисток мужское насилие и его угроза в отношении женщин усиливает мужское господство. Домашнее насилие и изнасилование в условиях частного дома, изнасилование и сексуальное домогательство в публичной сфере, агрессивная природа мужского поведения в рутинных взаимодействиях — все это вносит вклад в повсеместное и пагубное, но, как правило, не признаваемое мужское господство. Это не значит, что все мужчины активно ведут себя подобным образом, но радикальный феминизм настаивает, что все они получают преимущества от патриархата, который подкрепляется насилием отдельных мужчин. В широкой культуре женщина объективируется в журналах, моде, на телевидении и в других массмедиа. Множество медийных репрезентаций продолжают фокусироваться на женщине преимущественно как сексуаль-

ном объекте для мужчины. Патриархат встроен во все институты современных обществ, и феминистские исследования это ярко высветили.

Реконцептуализация патриархата, осуществленная Сильвией Уолби, открывает понятие для детальных эмпирических исследований [Walby, 1990]. Она утверждает, что понятие «патриархат» не смогло принять в расчет растущее гендерное равенство. В центре анализа Уолби — различие между частными и публичными формами патриархата. Частные формы патриархата включают домашние и интимные отношения, а его публичные формы — работу по найму, государство и политику. На протяжении XX века наблюдался существенный сдвиг от частных форм патриархата к публичным, поскольку женщины стали появляться в тех сферах общества, куда прежде доступ для них был ограничен. Сам факт, что женщины сегодня более заметны в формальном секторе экономики, еще не говорит о достижении гендерного равенства. Например, женщины, как правило, получают более низкую зарплату, чем мужчины, они сталкиваются с мужским насилием в общественных местах, им приходится иметь дело с сексуализированными представлениями женщин в массмедиа и Всемирной паутине.

Критические замечания

Понятие «патриархат» подверглось критике и со стороны социологического мейнстрима, и внутри феминистской теории. Хотя многие исследователи могут принимать это понятие в качестве описательного, оно также использовалось для чрезвычайно абстрактного и неадекватного объяснения любой формы угнетения женщин, не имеющего установленного и убедительного механизма. Некоторые радикальные феминистки заявляют, что патриархат существовал на протяжении всей истории человечества и во всех культурах, поэтому он — универсальное явление. Однако столь широкая концепция не оставляет места для исторической и культурной вариативности и игнорирует важность влияния расовой, классовой и этнической принадлежности на положение женщин. Иными словами, сторонники аргумента об универсальном характере патриархата рискуют впасть в биологический редукционизм.

Многие феминистки, темнокожие и из развивающихся стран, полагают, что мейнстримовый феминизм игнорирует разделе-

ние женщин по этническому признаку, так как основан на опыте белых женщин из среднего класса, живущих в развитых странах [Hooks, 1981]. Такого рода обобщение не является обоснованным: опыт женщины изменяется в зависимости от ее классовой и этнической принадлежности. Американские темнокожие феминистки подчеркивают наследие рабства, влияние сегрегации и движений за гражданские права на гендерное неравенство в негритянских сообществах, обращая внимание на то, что темнокожие женщины дискриминировались и по этническому, и по гендерному признакам. Сходным образом отдельные объяснительные схемы, которым отдают предпочтение белые феминистки и которые сосредоточены на семье как главном месте частных форм патриархата, могут не работать применительно к сообществам темнокожих, где семья обеспечивала главную защиту от расизма. Феминистская теория глубже понимает интерсекциональные (пересекающиеся) неравенства и те многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются темнокожие женщины из рабочего класса.

Недавние постмодернистские теории и теории социального конструктивизма не согласны с самой идеей существования общего основания идентичности и опыта женщин, поэтому отрицают возможность построения теории, способной объяснить положение женщины в обществе. Мы не должны предполагать, что женщины из среднего и из рабочего класса, белая и темнокожая, из метрополии и из сельской местности разделяют общую идентичность «быть женщиной». Имеет ли вообще смысл обсуждать категории «мужчина» и «женщина» в социологических исследованиях, если эти понятия имеют биологический или эссенциалистский базис, который гендерные исследования давно отвергли? Постмодернистский поворот провокационен, но представляет серьезную проблему для феминистских активистов и ученых, чьи эмпирические исследования подробно описывают масштаб неравенств, с которыми сталкиваются женщины в обществах, где господствуют мужчины.

Степень актуальности

Теоретики феминизма утверждают, что патриархальное господство осуществляется с помощью разнообразных социальных норм, к примеру — через язык и дискурс. В хорошо сбалансиро-

ванной статье Чарльз Кейс и Камерон Липпард рассматривают способы, какими шутки могут увековечивать патриархальные отношения и то, как феминистки осуществляли их деконструкцию, производя собственные подрывные версии шуток, выставляющих напоказ и расшатывающих сексизм [Case, Lippard, 2009]. В этом исследовании его авторы проанализировали более 1900 феминистских шуток. Наиболее популярная их тема — «мужчины бесполезны» (25,7%); мужские стереотипы составляли большую часть (62%) использованных в шутках понятий и категорий. Однако авторы исследования обнаружили совсем немного шуток (3,8%), выходящих за пределы попыток дискредитировать мужчин или обращающихся к стереотипным допущениям для критики гендера как такового. Но по мысли исследователей, юмор является мощным идеологическим оружием в остающемся в высшей степени неравноправном обществе.

Несмотря на законодательные попытки решить проблему мужского насилия в отношении женщин, некоторые группы выступают против подобных изменений. Молли Драгиевич изучила антифеминистские аргументы в дискурсе отцовских прав в США, которые противостоят Закону о насилии против женщин в США (Violence Against Women Act) 1994 года [Dragiewicz, 2008]. Многие возражения против этого закона коренятся в аргументе о том, что он мало делает для формального равенства в обращении и законодательство в этой сфере должно быть сосредоточено на обеспечении правовой презумпции совместной опеки и общего воспитания детей. Однако Драгиевич утверждает, что цель подобных аргументов — ограничить или обойти обсуждение домашнего насилия и притеснения. Реакции против законодательства, учитывающего интересы женщин, показывают, что социальные изменения не являются линейным процессом, а представляют собой, скорее, непрерывную борьбу за власть, знание и влияние.

Литература

Case C.E., Lippard C.D. Humorous Assaults on Patriarchal Ideology // Sociological Inquiry. 2009. Vol. 79. No. 2. P. 240–255.

Dragiewicz M. Patriarchy Reasserted: Fathers' Rights and Anti-VAWA Activism // Feminist Criminology. 2008. Vol. 3. No. 2. P. 121–144.

Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. London: Jonathan Cape, 1970.

Hooks B. Ain't I a Woman? Black Woman and Feminism. Boston: South End Press, 1981.

Walby S. Theorizing Patriarchy. Oxford: Blackwell, 1990 (esp. Ch. 8).

РАСА И ЭТНИЧНОСТЬ (RACE AND ETHNICITY)

Рабочее определение

Термином «раса» обозначают различные признаки и способности, приписываемые на основе биологических характеристик, например цвета кожи. Этничность описывает социальную группу, члены которой ясно осознают отличающую именно их общую культурную идентичность.

Происхождение понятия

Различия между социальными группами, базирующиеся на цвете кожи, были распространены еще в древних цивилизациях, хотя более характерным было социальное деление по племенному признаку или признаку родства. В основе своей эти различия были относительно не связаны с современной идеей расы. С начала XIX века понятие «раса» приобрело четкие биологические, а позже и генетические коннотации, что связало его с научными теориями и схемами классификации. Научные теории расы были развиты в конце XVIII — начале XIX века и использовались для оправдания имперских амбиций Британии и других европейских государств, которые управляли территориями в развивающихся странах. Подобные теории стали примером научного расизма, придававшего лоск расистским идеологиям немецкого национал-социализма, системе апартеида в Южной Африке и белым расистским группам (например, Ку-клукс-клану в США).

Понятие «этничность» в его современном значении (как обозначение различных культурных групп) восходит к 1930-м годам и тесно связано с появлением после 1945 года так называемых групп этнических меньшинств. Поскольку понятие «раса» оказалось полностью дискредитированным в социальных науках, его место заняло понятие «этничность» с его акцентом на групповых культурах. Исследования неблагоприятных условий

и форм дискриминации, связанных с этнической принадлежностью, были расширены на этнические меньшинства, или группы этнических меньшинств, хотя меньшинство в данном случае не обязательно является численным. Некоторые социологи полагают, что понятие «раса» не нужно списывать со счетов, поскольку само слово является общеупотребительным и социологи должны рассмотреть способы его использования и приписываемые ему значения.

Значение и интерпретация

Понятия «раса» и «этничность» объединены в этом разделе, потому что наличие между ними определенной связи стало общим местом. Тем не менее их довольно легко разделить. Сегодня «раса» — сложное понятие. Оно научно дискредитировано, но широко используется в обществе и даже может выражать все еще господствующие в нем представления. Проблема в том, что с биологической точки зрения не существует чистых рас, хотя в человеческих популяциях есть ряд ясно наблюдаемых физических вариаций. Генетическое разнообразие *внутри* популяций столь же велико, как и различия *между* ними. Большинство социологов считают, что раса — не более чем идеологический конструкт. По этим причинам многие социологи, особенно за пределами Северной Америки, предпочитают ставить это слово в кавычки, чтобы подчеркнуть высокую проблематичность его значения.

Использование понятия «раса» для категоризации людей по отдельным биологическим группам социологи называют расиализацией. Как показывают примеры рабства в США и системы апартеида в Южной Африке, расовое общество часто основывается на радикальных формах социального неравенства, преграждающих равный доступ к правосудию, системе здравоохранения, к возможностям занятости, образованию и т.д. Понятие «раса» может быть сколь угодно дискредитированным в науке, однако его реальные последствия на протяжении истории хорошо иллюстрируют знаменитый афоризм Уильяма А. Томаса: «Если ситуация воспринимается как реальная, она реальна по своим последствиям». Понятие «раса» укоренено в биологии; этничность же как понятие обращает внимание на культуру (точнее — на культуры). Этнические группы отличаются друг

от друга языком, историей, религией, социальными нормами и разделяемыми воспоминаниями. Критически важно отсутствие в понятии «этничность» враждебности. Оно обозначает чисто социальное явление, постоянно воспроизводящееся по мере того, как молодые люди перенимают жизненный уклад, нормы и верования своего этнического сообщества.

Что выделяет конкретные этнические группы, так это использование определенных механизмов исключения (например, запрета на смешанные браки), служащих для поддержания культурно установленных границ. Этничность — более полезное для социологов понятие, потому что не имеет биологического багажа расы. Однако использование термина «этнический» может также быть проблематичным. В Европе этот термин часто отсылает к культурам, которые отличаются от культуры предполагаемого коренным (то есть неэтнического) населения. Стоит помнить, что этническая принадлежность присуща всем членам общества, а не определенным его сегментам.

Концепция групп этнических меньшинств широко используется в социологии, однако дело не просто в числовых показателях. Группы меньшинств определяются по их относительно неблагоприятному положению в сравнении с господствующими группами, но необязательно являются малочисленными. Этнические меньшинства, как правило, демонстрируют сильное чувство групповой солидарности, вырастающее из общего опыта дискриминации, расизма и предрассудков. Опыт притеснения может усилить и осознание людьми общих интересов. Таким образом, социологи используют термин «меньшинство» не в буквальном значении, то есть для обозначения не численности группы, а ее подчиненной позиции. Существует множество случаев, когда меньшинство в действительности является большинством. В качестве примера можно привести период апартеида в Южной Африке или состав населения центральных районов многих крупных городов. Многие меньшинства отличаются от остального населения как этнически, так и физически, как индийцы и азиаты в Великобритании или афроамериканцы в США, при этом англичане и американцы итальянского или польского происхождения почти не воспринимаются как представители меньшинств. Зачастую физические различия, такие как цвет кожи, являются определяющим фактором в определении этнического меньшинства, поэтому

разделение на этнические общности почти никогда не имеет нейтрального характера.

Критические замечания

Квазирасистские установки существовали на протяжении столетий. Но понятие «раса» как набор фиксированных признаков возникло вместе с подъемом «расовой науки». Вера в превосходства белой расы, никак не подкрепленная фактически, остается ключевым элементом неприкрытого белого расизма. Биологическая интерпретация расы была дискредитирована, но на ее месте возник новый, или культурный, расизм. Он использует скорее культурные, чем биологические аргументы для оправдания продолжающегося разделения этнических групп. Как правило, аргументы такого варианта расизма выстраиваются вокруг права культуры большинства ожидать ассимиляции в нее этнических меньшинств, поэтому новый расизм враждебен к плюралистическому мультикультурализму. Этнические меньшинства стараются сохранить свою культуру и вследствие отказа от ассимиляции с большой вероятностью оказываются маргинализированными. Тот факт, что расизм все в большей степени основывается на культурных, а не биологических различиях, иллюстрирует существование множественного расизма, при котором дискриминация переживается по-разному многими группами населения. Появление нового расизма несколько размывало актуальное до этого разделение между расой и этничностью: раса теперь включает культурные аспекты. Может статься, что подобные изменения сделают понятие «этничность» менее полезным в социологии.

Сохраняющаяся актуальность

Переход от биологического расизма к культурному показывает, что расовые идеи в науке и обществе могут сохранять свои позиции. Недавние достижения в генетике, расовое профилирование как инструмент поддержания порядка и связанные с уровнем миграции тревоги выдвигают проблемы этничности и этнических отношений на передний план политики. Понятие «институциональный расизм», ставшее частью борьбы за гражданские права в 1960-х годах в США и использованное в официальном

докладе британского правительства, также расширило проблематику расизма и расистских практик, подняв ее с индивидуального на институциональный и организационный уровни.

Формы расизма и наблюдаемый уровень его проявления неодинаковы в разных странах. Исследование Мишеля Вевёрки обнаруживает как черты сходства, так и существенные различия в формах расизма в европейских странах [Wieviorka, 2010]. С одной стороны, расизм в своих современных формах — очевидный продукт эпохи модерна. Индустриализация, массовая миграция, колониальная политика и ее последствия, а также расширение торговых связей привели к росту напряженности и конфликтов как внутри различных стран, так и между ними. Одним из проявлений этой тенденции стал расизм. В этом отношении можно ожидать, что европейские страны будут демонстрировать сходства. С другой стороны, расизм не везде одинаков. Вевёрка выделяет четыре основных типа расизма, характеризующих различные ответы на вызовы модерна, указывая, что универсалистский тип, связанный на протяжении колониального периода с представлением о высших и низших расах, долгое время был в Европе господствующим. Но сегодня расовые установки изменились и связаны с тревогами по поводу нисходящей мобильности и утраты национальной идентичности.

Идея столкновения цивилизаций (особенно ислама и Запада) как возможного результата растущей в эпоху глобализации самоидентификации людей с крупномасштабными культурами была популяризирована Сэмюэлем Хантингтоном [Huntington, 1996]. Однако эмпирическое обоснование этого тезиса вряд ли можно назвать удовлетворительным. Джакомо Кьозца предлагает рассмотреть тезис Хантингтона с точки зрения наблюдавшихся в 1946–1997 годах международных конфликтов, задавшись ключевым вопросом [Chiozza, 2002]: какие из этих конфликтов представляют собой столкновение крупномасштабных цивилизаций? В исследовании приводятся некоторые эмпирические данные, но оно не обнаруживает свидетельств увеличения количества конфликтов или каких-либо взаимодействий между цивилизациями, которые прогнозирует тезис Хантингтона. Страны, входящие в одну цивилизационную группу, конфликтуют между собой не меньше, чем страны, принадлежащие к разным цивилизациям.

Литература

Ansell A., Solomos J. Race and Ethnicity: The Key Concepts. London: Routledge, 2008.

Chiozza G. Is There a Clash of Civilizations? Evidence from Patterns of International Conflict Involvement, 1946–1997 // *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39. No. 6. P. 711–734.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996; см. также рус. пер.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Spencer S. Race and Ethnicity: Identity, Culture and Society. London: Routledge, 2006.

Wiewiorka M. Racism in Europe: Unity and Diversity // Guibernau M., Rex J. (eds). *The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration*. 2nd ed. Cambridge: Polity, 2010. P. 345–354.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ (*SOCIAL MOBILITY*)

Рабочее определение

Перемещение индивида или социальной группы вверх или вниз в системе социальной стратификации. В развитых современных обществах социальная мобильность означает движение в пределах социально-классовой системы.

Происхождение понятия

Исследования социальной мобильности начались в послевоенный период, когда социологи попытались оценить, уменьшается ли социальное неравенство, особенно классовое, в условиях роста благосостояния общества. Некоторые экономисты утверждали, что, стартовав с относительно низкого уровня социального неравенства в доиндустриальный период, начальная стадия непрерывного экономического роста, обеспечиваемого индустриализацией, ведет к усилению неравенства, но со временем, по мере увеличения социальной мобильности, эта тенденция будет обращена вспять и начнется процесс выравнивания. В 1960-х годах исследования, проводимые в США, обнаружили значительную вертикальную мобильность, несмотря на небольшие масштабы фактических перемещений. Дальняя мобильность от, скажем, рабочего класса до верхних слоев среднего класса все еще была крайне редка. Нисходящая мобильность

была менее распространена, поскольку рабочие места для «белых воротничков» росли быстрее, чем для «синих», что позволяло сыновьям этих последних занимать «беловоротничковые» рабочие места.

Важное исследование было проведено Сеймуром Липсетом и Рейнхардом Бендиксом [Lipset, Bendix, 1959]. Они проанализировали данные по девяти странам — Великобритании, Франции, Западной Германии (ФРГ), Швеции, Швейцарии, Японии, Дании, Италии и США. Уделив основное внимание мужской мобильности — из класса «синих воротничков» в класс «белых воротничков», — ученые получили интересные результаты. Не оказалось никаких подтверждений тому, что США более открыты, чем европейские общества: совокупная вертикальная мобильность составила 30% для США и 27–31% для Европы. Авторы сделали вывод, что все индустриальные страны переживали аналогичный рост рабочих мест «белых воротничков», содействовавший восходящей мобильности. Сегодня исследования мобильности все в большей степени вводят измерения гендера и этнической принадлежности в попытке оценить, ослабляется или усиливается общая мобильность в обществе.

Значение и интерпретация

Социальная мобильность — это перемещение индивида и групп индивидов между различными социоэкономическими позициями. Вертикальная мобильность означает движение вверх или вниз по социоэкономической лестнице. Индивиды, чьи доходы, капиталы или статусы растут, двигаются вверх в социальной иерархии (восходящая социальная мобильность), а те, чьи экономические или статусные позиции ухудшаются, опускаются вниз (нисходящая социальная мобильность). В современных обществах большую роль играют также географические передвижения, так как люди часто перемещаются в новые регионы в поисках работы; этот вид мобильности носит название «горизонтальная мобильность». Два указанных вида мобильности (вертикальная и горизонтальная) могут переплетаться, к примеру — если человек получает повышение в должности, предполагающее переезд куда-либо, возможно, даже в другую страну.

Социологи изучают два основных аспекта социальной мобильности. Исследования *внутрипоколенной* мобильности рас-

сма­три­ва­ют то, как да­ле­ко ин­ди­ви­ды про­д­ви­ну­лись в­верх или в­низ в со­ци­аль­ной ие­рар­хии в те­че­ние сво­ей жи­зни. Ис­сле­до­ва­ния *меж­по­ко­лен­ной* мо­биль­но­сти ак­цен­ти­ру­ют сво­е вни­ма­ние на том, как да­ле­ко про­д­ви­ну­лись де­ти в со­ци­аль­ной ие­рар­хии в срав­не­нии с по­зи­ци­я­ми ро­ди­те­лей или ро­ди­те­лей ро­ди­те­лей. Де­баты, как пра­ви­ло, ка­са­ют­ся во­про­сов срав­ни­тель­ной ус­той­чи­во­сти или из­мен­чи­во­сти клас­со­вой си­сте­мы, а так­же то­го, ста­но­вит­ся ли у­ро­вень со­ци­аль­ной мо­биль­но­сти вы­ше по ме­ре раз­ви­тия ин­дуст­ри­аль­ных об­ществ. Если у­ро­вень вос­хо­дя­щей мо­биль­но­сти оста­ет­ся низ­ким, мож­но за­клю­чить, что клас­с по­преж­не­му серь­ез­но вли­яет на жи­з­нен­ные шан­сы лю­дей, од­на­ко если по­ка­за­те­ли мо­биль­но­сти се­го­дня вы­ше, чем пре­жде, то мож­но сде­лать вы­вод, что клас­с тер­яет сво­ю вла­сть и об­щество ста­но­вит­ся бо­лее ме­ри­то­кра­ти­че­ским и рав­ным.

У­ро­вень мо­биль­но­сти в Ве­ли­ко­бри­та­нии ак­тив­но изу­чал­ся на про­тя­же­нии все­го по­сле­во­ен­но­го пе­ри­о­да, по­это­му на­коп­лен бо­ль­шой мас­сив эм­пи­ри­че­ских дан­ных и про­ве­ден­ных ис­сле­до­ва­ний. Дэ­вид Гла­сс ана­ли­зи­ро­вал меж­по­ко­лен­ную мо­биль­но­сть в те­че­ние дол­го­го вре­ме­ни, в­плоть до на­ча­ла 1950-х го­дов, и при­шел к вы­во­ду, что Ве­ли­ко­бри­та­ния яв­ля­лась не са­мым от­кры­тым об­щес­твом, не­смот­ря на весь­ма зна­чи­тель­ный у­ро­вень бли­зкой мо­биль­но­сти [Glass, 1954]. По­ка­за­те­ли вос­хо­дя­щей мо­биль­но­сти бы­ли вы­ше, чем низ­хо­дя­щей, но те, кто на­хо­дил­ся в са­мом низу, как пра­ви­ло, там и оста­ва­лись. Джон Голд­торп и его со­ав­то­ры по кни­ге «Со­ци­аль­ная мо­биль­но­сть и клас­со­вая струк­ту­ра в со­вре­мен­ной Ве­ли­ко­бри­та­нии», впер­вые из­дан­ной в 1980 го­ду, стре­ми­лись об­на­ру­жить, на­сколь­ко из­ме­ни­лись фор­мы мо­биль­но­сти со вре­ме­ни ис­сле­до­ва­ний Гла­сса [Goldthorpe, Llewellyn, Payne, 1987]. Бы­ло ус­та­но­в­ле­но, что об­щий у­ро­вень муж­ской мо­биль­но­сти вы­ше, чем в пре­ды­ду­щий пе­ри­од, со зна­чи­тель­ным по­ка­за­те­лем даль­них пе­ре­ме­ще­ний в­ну­три клас­со­вой си­сте­мы. Од­на­ко про­фес­си­о­наль­ная си­сте­ма не ста­ла бо­лее рав­ной: к на­ча­лу 1980-х го­дов муж­чи­ны из сре­ды «го­лу­бых во­рот­нич­ков» по­лу­чи­ли бо­ль­ше шан­сов за­нять про­фес­си­о­наль­ные или управ­лен­че­ские дол­ж­но­сти, но это про­изо­шло в ре­зуль­та­те из­ме­не­ний в струк­ту­ре за­ня­то­сти, а не уве­ли­че­ния воз­мож­но­стей или умень­ше­ния не­рав­ен­ства. Ис­поль­зо­вав но­вые дан­ные, Джон Голд­торп и Май­кл Джек­сон сде­ла­ли вы­вод о том, что нет под­твер­жде­ния умень­ше­ния в­ну­три­по­ко­лен­ной мо­биль­но­сти в аб­со­лют­ном смы­сле, но есть оп­ре­де­лен­ные при­

знаки снижения уровня дальней мобильности [Golthorpe, Jackson, 2007]. Они также обнаружили менее благоприятный баланс между восходящей и нисходящей мобильностью для мужчин, предположив, что возврат к растущим показателям восходящей мобильности является маловероятным.

Критические замечания

Критиками исследований социальной мобильности отмечается, что ее изучение традиционно основывалось на трудовой жизни мужчин, что было понятным и логичным для 1950–1960-х годов, когда еще преобладал взгляд на мужчин как на кормильцев, а на женщин как на домохозяйек, однако утрачивало свою состоятельность по мере того, как все больше женщин вступали в сферу формально оплачиваемой занятости. Число женщин, фактически являющихся главами домохозяйств, которые существуют на их доходы, растет. Недавние исследования показывают, что современное поколение женщин имеет гораздо больше возможностей, чем их предшественницы, а женщины из среднего класса находятся в наиболее благоприятном положении. Исследования мобильности должны принимать во внимание женский опыт, если хотят дать реальную картину изменений, касающихся открытости или закрытости общества.

С давних пор критика исследований социальной мобильности утверждает, что Великобритания и другие развитые страны являются меритократическими, потому что вознаграждение достается тем, кто наиболее деятелен и способен к успеху. Ключевые факторы профессионального успеха — способности и усилия, а вовсе не классовое положение [Saunders, 1996]. Используя эмпирические данные Национального исследования развития детей (National Child Development Study), Питер Сандерс показал, что яркие трудолюбивые британские дети преуспевают вне зависимости от социальных преимуществ или недостатков, которыми они могут обладать. Великобритания не является обществом равенства, однако, по существу, это справедливое общество: в нем вознаграждение приходит к тому, кто работал и действительно заслужил его. Критики также видят в индивидуальных заслугах один из факторов, определяющих классовое положение индивида, однако происхождение продолжает оказывать на человека существенное влияние: это означает, что

ребенок из, например, неблагополучной семьи должен продемонстрировать больше достоинств, чем другие, чтобы занять сходную с ними классовую позицию.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «социальная мобильность» важно для социологов, пытающихся выявить тенденции в структуре занятости и мобильности между классами. Сегодня многие утверждают, что глобализация и дерегуляция экономических рынков ведут к увеличению разрыва между богатыми и бедными и усилению классового неравенства, что выражается в уменьшении возможностей для социальной мобильности. Однако важно помнить, что наши действия никогда полностью не определяются делением на классы и многие люди, тем не менее, вовлечены в социальную мобильность.

Изучение социальной мобильности, как правило, проводилось в форме крупномасштабных количественных опросов и было нацелено, прежде всего, на измерение ее объема. Однако некоторые исследователи попытались устранить крен в сторону количественных методов, применив качественные методы для получения более детальной информации о том, как люди воспринимают возможности для мобильности в течение своего жизненного пути. Дэниел Берто и Пол Томпсон использовали истории конкретных семей и случаи из жизни сообществ для изучения таких качественных аспектов социальной мобильности, как динамика семейных отношений, «мечтания о карьере, так и не ставшие реальностью», и всех тех типов взаимодействий, которых не могут уловить опросы [Bertaux, Thompson, 2007]. Таким образом, качественные исследования позволяют описать субъективные измерения социальной мобильности (или ее отсутствия) и преодолеть разрыв между микро- и макроуровнями исследования.

Как социальные преобразования или революции влияют на социальную мобильность? Этим вопросом задались Том Херц и его коллеги в исследовании постсоциалистической Болгарии [Hertz, Meurs, Selcuk, 2009], которое документирует существенное снижение межпоколенной социальной мобильности в этой стране в 1995–2001 годах, то есть в период радикальных перемен, экономической депрессии и резкого сокращения государ-

ственных расходов, особенно — образование. Дети из малообразованных семей страдают от снижения уровня образования и сопутствующего уменьшения межпоколенной социальной мобильности. Херц и его коллеги утверждают, что основная причина описанных явлений — сокращение финансирования образования и количества школ, рост безработицы и отказ от политики эгалитарности, действовавшей в прежние годы. Неудивительно, что такие перемены в бывших социалистических странах могут вызывать разрушительные последствия, однако нужно понимать, что мировой финансовый кризис 2008 года способен осложнить борьбу с тенденциями, описанными Херцем и его коллегами.

Литература

Bertaux D., Thompson P. Pathways to Social Class: A Qualitative Approach to Social Mobility. New York: Transaction, 2007.

Glass D. Social Mobility in Britain. London: Routledge & Kegan Paul, 1954.

Goldthorpe J.H. Progress in Sociology: The Case of Social Mobility Research // Svallfors S. (ed.). Analyzing Inequality: Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective. Stanford, CA: Stanford University Press, 2005. P. 56–82.

Goldthorpe J.H., Jackson M. Intergenerational Class Mobility in Contemporary Britain: Political Concerns and Empirical Findings // British Journal of Sociology. 2007. Vol. 58. No. 4. P. 525–546.

Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1987 [1980].

Hertz T., Meurs M., Selcuk S. The Decline in Intergenerational Mobility in Post-Socialism: Evidence from the Bulgarian Case // World Development. 2009. Vol. 37. No. 3. P. 739–752.

Lipset S.M., Bendix R. Social Mobility in Industrial Society. Berkeley: University of California Press, 1959.

Platt L. Migration and Social Mobility: The Life Chances of Britain's Minority Ethnic Communities. Bristol: Policy Press, 2005.

Saunders P. Unequal but Fair? A Study of Class Barriers in Britain. London: IEA Health and Welfare Unit, 1996.

СТАТУС (*STATUS*)

Рабочее определение

Позиция в обществе, основанная на признании его членами репутации или влияния индивида или социальной группы.

Происхождение понятия

Социальный статус — это базовое понятие социологии, связанное, прежде всего, с традицией символического интеракционизма. По Веберу, статус указывает на различия между социальными группами в отношении признания и влияния, которыми их наделяют другие члены общества. В традиционных обществах статус часто определялся на основе прямо вытекающего из личного знакомства знания человека, что связано с множеством взаимодействий в различных контекстах на протяжении долгого времени. Но с ростом населения надделение статусом человека таким непосредственным образом оказывалось все менее возможным. Вебер утверждал, что статус постепенно начинает постепенно выражаться через уклад жизни или, как мы сегодня сказали бы, через жизненные стили. Такие являющиеся статусными символы образа жизни, как дизайн дома и интерьера, манера одеваться, речь и род деятельности, придают социальному положению человека определенные очертания в глазах других людей, а те, кто имеет одинаковый статус, образуют сообщество, члены которого отличаются общей идентичностью.

Значение и интерпретация

Макс Вебер полагал, что общества расколоты конкуренцией и борьбой за власть и материальные ресурсы. Однако, в отличие от Маркса, который полагал классовые конфликты главным источником разделения общества, Вебер видел в классе всего лишь одно из оснований конфликта и, возможно, даже не главное. Современное стратифицированное общество многомерно, и понимание конфликтов не может быть сведено к простому делению на классы. Необходимо также учитывать социальный статус и партийную принадлежность, поскольку партии — это группы и объединения, стремящиеся к влиянию в обществе. Статус, класс и партия переплетены и смешаны, благодаря чему

складывается сложная картина социальной структуры с множеством возможных позиций, доступных в обществе. Если Маркс утверждал, что статусные различия порождаются классовым делением и существуют параллельно с ним, то Вебер настаивал на том, что статусные позиции могут изменяться независимо от класса. Аристократические фамилии постепенно утрачивали богатство и власть, но это не вело неизбежно к потере статуса. Некоторые представители аристократических семей сохраняли свой высокий статус, продолжая членствовать во влиятельных социальных сетях (высокий статус, низкий экономический капитал). И наоборот, современные знаменитости, многие из которых известны просто потому, что известны, могут быть очень богаты, но восприниматься с презрением (низкий статус, высокий экономический капитал).

Социальные роли, которые мы принимаем, зависят от нашего социального статуса, и социальный статус индивида может различаться в зависимости от социального контекста. Например, как студент индивид имеет определенный статус, и мы ожидаем от него особого поведения в учебной аудитории, но в качестве сына или дочери он должен оправдывать своим поведением другие ожидания. Сходным образом, в качестве друга индивид имеет совершенно иную позицию в социальном порядке, соответственно меняются и принимаемые им роли. Мы все имеем множество статусов, которые разыгрываем в одно и то же время. Это множество статусов называется «статусный набор». Социологи различают предписанные и достигнутые статусы. Предписанный статус в определенном смысле дан человеку. Зачастую он основывается на биологических факторах, например, пол и возраст («мужчина», «подросток»). Достигнутый статус — это тот, которого человек добился благодаря собственным усилиям («доктор», «атлет», «менеджер»).

Нам нравится думать, что наши достигнутые статусы наиболее важны, но не все с этим согласны. В каждом обществе одни статусы имеют приоритет над всеми остальными, и эти «доминирующие статусы» обычно определяют общую социальную позицию индивида. Гендер и раса чаще всего рассматривались как доминирующие статусы, хотя нередко для некоторых людей таковыми становятся девиант, защитник окружающей среды или христианин. Престижность, приписываемая определенным статусам, также претерпевает изменения во времени, и

зачастую это связано с конкретными действиями социальных групп. Статус «чернокожий» был когда-то негативным в Северной Америке и Европе, так как он приписывался культурой белокожего большинства. Быть чернокожим означало постоянные столкновения с предубеждениями, дискриминацией и общественной стигматизацией. Через некоторое время движения за права темнокожих и кампании за обеспечения равных прав переформулировали данное понятие и превратили этот статус в позитивный, связав его со славной историей и культурной традицией. Этот пример показывает, что даже предписанные статусы могут стать объектом изменяющихся социальных определений и оценок.

Критические замечания

Несмотря на веские аргументы Вебера и современных веберянцев в пользу того, что статус так же значим в стратификационной системе, как и социальный класс, критики такой точки зрения утверждают, что ее сторонники не придают достаточного значения тому, как классовая позиция продолжает определять жизненные шансы. Исследования социальной мобильности показали, что, несмотря на ее более высокий, нежели в прошлом, уровень, на нижнем уровне классовой структуры почти не наблюдается межпоколенной мобильности. Иными словами, класс является действенным фактором, определяющим социальную позицию и статус, а не наоборот. Аналогичным образом, невозможно игнорировать важнейшую роль экономических факторов в воспроизводстве социального неравенства. В большинстве случаев индивиды, переживающие крайние формы социальной и материальной депривации, делают это не в силу выбора образа жизни: обстоятельства их жизни определяются факторами, связанными с экономической структурой и структурой занятости [Crompton, 2008].

Сохраняющаяся актуальность

Современные общества стали обществами потребления, ориентированными на постоянное присвоение материальных благ. В некоторых отношениях классовые различия преодолены: выходцы из разных классов, например, могут смотреть одни и те

же телепередачи или покупать одежду в одних и тех же магазинах. Однако классовые различия способны и усиливаться благодаря вариациям в стиле жизни и вкусе [Bourdieu, 1986]. По мере того как современные общества все больше ориентировались на потребление, социальный статус становился, скорее, более, а не менее значимым. В обществе потребления люди все в большей степени устанавливают статусные различия, приобретая и потребляя товары, являющиеся индикатором стиля жизни, что ведет к усилению индивидуализации и деидентификации со своим социальным классом и другими традиционными идентичностями. Однако это вовсе не означает, что социальный класс теряет свою значимость, но люди все менее склонны считать класс главной чертой своей личной идентичности. Поворот к консьюмеризму способствует появлению более изменчивых, сложных и мелких статусных различий, что делает статусную конкуренцию более всеобъемлющей и охватывающей все общество.

Мари Реже задается вопросом, почему людей волнует их социальный статус [Rege, 2008]. Она рассматривает способ, каким люди проявляют интерес к собственным или чужим статусным позициям в ходе комплементарных взаимодействий. Человек, вступая в контакт с другими людьми (например, в бизнесе), обладающими схожими способностями, получает возможность повысить собственную позицию. Однако, поскольку способность не обязательно видна, статусные маркеры могут стать значимыми сигналами, соединяющими людей со схожими талантами. Тезис о комплементарных взаимодействиях может объяснить, почему люди в определенных контекстах склонны придерживаться определенных статусных атрибутов. В бизнесе, к примеру, всеобщее увлечение часами компании Rolex и костюмами бренда Armani, возможно, объясняется тем, что эти предметы широко признаны как видимые знаки способностей к бизнесу. Инвестируя в них, бизнесмены могут повысить свои шансы завязать полезные контакты. Реже полагает, что желание «быть не хуже других» может оказаться не столь наносным, как кажется.

В экспериментальном исследовании Сесилии Риджуэй и ее коллег было установлено, что важным фактором статусных различий является гендер [Ridgeway et al., 2009]. Статья построена на материале о формировании статуса после всего лишь двух

встреч с людьми, которые характеризуются социальными различиями. Но эксперимент Риджуэй и ее коллег обнаружил важное гендерное разделение: несмотря на то что и мужчины, и женщины формируют твердое убеждение о личном статусе, именно мужчины, а не женщины, участвовавшие в исследовании, перенесли это убеждение в контексте следующей встречи. В этом смысле мужчины выступают «перводвигателями» действий, основанных на их убеждениях. Однако когда статусные различия уже установлены, женщины так же склонны относиться к людям в зависимости от их статуса, как и мужчины. Несмотря на свой небольшой объем, это исследование показывает, что статусные различия — важный фактор в воспроизводстве социальных неравенств.

Литература

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge & Kegan Paul, 1986.

Chan T.W. (ed.). Social Status and Cultural Consumption. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Crompton R. Class and Stratification: An Introduction to Current Debates. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2008.

Rege M. Why Do People Care about Social Status? // Journal of Economic Behavior and Organization. 2008. Vol. 66. No. 2. P. 233–242.

Ridgeway C.L. et al. How Easily Does a Social Difference Become a Status Distinction? Gender Matters // American Sociological Review. 2009. Vol. 74. No. 1. P. 44–62.

Тема 6. Отношения и жизненный путь

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ (LIFE COURSE)

Рабочее определение

Прохождение человеком в течение жизни различных, социально определенных этапов.

Происхождение понятия

Долгое время человеческая жизнь рассматривалась как универсальный жизненный цикл, через который проходит индивид; этот цикл состоит из нескольких фиксированных биологических стадий. Все мы бываем младенцами, детьми, юношами, зрелыми людьми и стариками и в конце концов умираем. Тем не менее с 1970-х годов, когда проблемам детства и молодежных субкультур в социологии стало уделяться особое внимание, стало понятно, что эти, по видимости, естественные или биологические стадии являются в действительности частью жизненного пути, который должен быть понят как социально сконструированный.

Историческая социология обнаружила, что опыт детства в феодальных обществах существенно отличался от современного: детство не было жизненным этапом, отделенным от взрослости. Дети рассматривались и выглядели как «маленькие взрослые», которые могут начинать трудовую деятельность настолько рано, насколько это возможно, и обращались с ними соответствующим образом. Молодежная культура с ее собственными характеристиками возникла только после Второй мировой войны, когда увеличилась средняя продолжительность жизни и гораздо большее число людей, чем прежде, могли рассчитывать дожить до «глубокой старости» (то есть прожить более 80 лет). Для социологов понятие «жизненный путь» предпочтительнее понятия «жизненный цикл», так как оно допускает значительное разнообразие этапов жизни, обнаруженных в различных обществах в разные исторические периоды.

Значение и интерпретация

Жизненный путь — это продукт социальной структуры, культуры и экономической системы любого данного общества. Это означает, что число и типы этапов жизненного пути неодинаковы в разные исторические периоды и в разных обществах. Простой пример — умирание и смерть. В большинстве развитых обществ, в которых средняя продолжительность жизни составляет примерно 75 лет, смерть неразрывно связывается с возрастом. Но в прошлом не существовало функционирующей системы здравоохранения, не было понимания причин инфекционных заболеваний, а уровень детской смертности был чрезвычайно высок. Как следствие, смерть не была так тесно связана с поздними этапами жизни. Другие социальные факторы — класс, гендер, этническая принадлежность — также влияют на то, как воспринимаются этапы жизненного пути. В XIX веке дети из семей высшего класса поступали в закрытые учебные заведения и продолжали свое образование в течение длительного времени, но для мальчиков и девочек 13 лет из рабочих семей работа в угольной шахте или по хозяйству совершенно не казалась чем-то необычным. Детство не было *универсальным*, соотнесенным с биологическим возрастом этапом жизненного пути.

Сходным образом возрастные когорты (группы людей, родившихся в один год или один период времени) обычно испытывают влияние больших событий, которые не оказывают воздействие на другие когорты, поэтому целым поколениям присущ схожий жизненный опыт. Возрастные когорты имеют общие культурные и политические точки отчета — правительства, конфликты, музыкальные тенденции и т.д. Недавние атаки 11 сентября 2001 года и вторжения в Ирак и Афганистан наложили свою печать на жизненный опыт целого поколения, несмотря на различия в интерпретации этих событий. Так называемые бэби-бумеры, например, получили первые домашние телевизоры, новые формы зрелищной молодежной культуры, рост уровня дохода и более либеральные установки в отношении секса и морали. Их жизненный путь существенно отличен от пути и опыта их родителей и родителей их родителей.

В течение долгого времени социологи изучали детство, которое представлялось очевидным и универсальным этапом жизни. Однако детство воспринимается как отдельный этап жизни только последние 300 лет. В традиционных обществах молодые

люди после длительного младенчества сразу же переходили к выполнению рабочих ролей внутри сообщества, не пережив какой-то особый период детства. Филипп Арьес утверждал, что детства просто не существовало в Средние века: то, что порой случайно промелькнет на средневековых картинах, показывает детей как маленьких взрослых — с взрослыми лицами и в одежде того же стиля, что и у их родителей [Aries, 1965]. Этап жизненного пути, который мы знаем как детство, был социально сконструирован гораздо позже. В настоящее время многие дети и молодые люди по-прежнему работают начиная с раннего возраста в различных секторах экономики — от горнодобывающей промышленности до сельского хозяйства. Попытки ООН дать универсальное определение детства и сформулировать единый набор прав ребенка — молчаливое признание того, что детство не является универсальным этапом жизненного пути. И конечно, мы можем распространить эту социально-конструктивистскую идею на все знакомые нам этапы жизни, включая подростковый период, молодость и средний возраст.

Социологи начали строить теорию новой фазы жизненного пути — ранней взрослости (*young adulthood*), характерной прежде всего для развитых стран. Так характеризуются 20-летние молодые люди (и, возможно, те, кому чуть за 30), которые ведут относительно независимый образ жизни, но при этом не состоят в браке и не имеют детей. Как следствие, они до сих пор экспериментируют с отношениями и стилями жизни. Однако этот этап переживается различным образом в зависимости от социального класса и этнической принадлежности. Возможно, понятие «ранняя взрослость» описывает небольшую группу состоятельных индивидов, которые, достигнув 20-летнего возраста, имеют время и способны путешествовать и исследовать альтернативные стили жизни. Также это понятие, вероятно, будет характеризовать все больше молодых женщин, получающих университетское образование и делающих карьеру, вместо того чтобы встроиться в молодом возрасте в традиционную семейную жизнь.

Критические замечания

Очевидно, что социально-конструктивистский подход к изучению жизненного пути был продуктивным и привнес новое измерение в исследования жизней людей. Но отдельные пост-

модернисты полагают, что он продвинулся недостаточно далеко, так как остается верным идее переходных этапов, которые маркируют конкретные изменения. Это может привести к тому, что жизненный путь наделяется уже не существующей структурой или возвращает нас к биологической модели жизненного цикла. Смысл критики в этом случае заключается в том, что изучение жизненного пути не разорвало окончательно со старыми исследованиями биологических стадий. Для постмодернистов человеческая жизнь — это скорее континуум, чем множество отдельных стадий. Попытки выделить определенные этапы жизни навязывают ей ложную упорядочивающую последовательность. Однако подобная критика, возможно, не способна учесть полного воздействия социальных маркеров, связанных с конкретными этапами жизненного пути, таких как обязательное школьное образование, право на получение социальных пособий, возраст принудительного выхода на пенсию. Это символические маркеры, связанные со сменой восприятия человеком самого себя.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «жизненный путь» остается в социологии сравнительно неразвитым. Тем не менее его введение в исследования детства, семейной жизни, молодежных культур, процессов взросления и личных отношений показало, что возможна новая исследовательская повестка, разрывающая с устаревшей, основанной на биологии моделью жизненного цикла. Кроме этого, это понятие стимулировало интерес к новым исследовательским методам, таким как изучение биографий и устные истории, позволившие социологам получить доступ к способам, какими индивиды, занимающие разные социальные позиции, переживают этапы своего жизненного пути. Проводимые в этом ключе исследования смогут предложить новую информацию по проблеме «структура — действие», сделав это путем учета социальных точек зрения акторов, находящихся на различных этапах жизненного пути.

Являются ли одни события на различных этапах нашего жизненного пути более важными, чем другие, для нашего восприятия возраста в дальнейшей жизни? Маркус Шефер предполагает, что, возможно, это именно так, рассматривая в сво-

ей интересной статье явление субъективного возраста, то есть восприятие человеком своего возраста [Schafer, 2008]. Его статистический анализ показывает, что смерть матери в детстве связана с видением на этапе взрослости своего субъективного возраста как более старшего, в то время как смерть отца в тот же период детства такого влияния не имеет. Шафер утверждает, что существуют значимые связи между временем важнейших переходных этапов жизненного пути и развитием социальной самости индивида, которые влияют на будущее субъективное восприятие возраста и здоровье во взрослой жизни.

Литература

Aries P. Centuries of Childhood. New York: Random House, 1965; см. также рус. пер.: *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

Hunt S. The Life Course: A Sociological Introduction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Priestley M. Disability: A Life Course Approach. Cambridge: Polity, 2003.

Schafer M.H. Parental Death and Subjective Age: Indelible Imprints from Early in the Life Course? // Sociological Inquiry. 2008. Vol. 79. No. 1. P. 75–97.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ (SEXUALITY)

Рабочее определение

Затрагивающие социальные, биологические, физические и эмоциональные аспекты сексуальные характеристики и сексуальное поведение человека.

Происхождение понятия

До недавнего времени большая часть того, что мы знали о сексуальности, основывалась на суждениях от биологов, медиков и сексологов, чьи исследования восходят к XIX веку. Подобные исследования обычно фокусировались на индивидуальной психологии и не пытались обнаружить общие структуры сексуальности и сексуального поведения, которые интересуют социологов. Многие ранние исследователи изучали также поведения животных, чтобы получить ответы на вопросы, касающиеся че-

ловеческой сексуальности; некоторые продолжают заниматься этим до сих пор. Несмотря на то что в сексуальности имеется очевидная биологическая компонента (например, императив воспроизводства), социологи рассматривают человеческую сексуальность как сложное переплетение биологических и социальных факторов.

Первое серьезное социологическое исследование сексуальности состоялось в 1940–1950-х годах, когда Альфред Кинси и его коллеги провели в США большой опрос, касающийся сексуального поведения. Результаты оказались шокирующими, показав существенный разрыв между социальными нормами и ожиданиями и действительным сексуальным поведением. Исследования, предпринятые во второй половине 1970-х годов Мишелем Фуко, пробудили интерес к истории сексуальности и способам ее производства, отрицания и подавления. Произошел важный поворот: исследования сексуальности покинули область биологии и переместились в исследовательское пространство истории, политики и социологии.

Значение и интерпретация

Сексуальная ориентация — это направленность сексуального или романтического влечения индивида, являющаяся результатом сложного взаимодействия биологических и социальных факторов. Большинство людей во всех обществах гетеросексуальны. Исторически гетеросексуальность была основой брака и семьи, однако существует множество других сексуальных вкусов и склонностей. К примеру, Джудит Лорбер выделяет 10 типов сексуальной идентичности: гетеросексуальная женщина, гетеросексуальный мужчина, лесбиянка, гей, бисексуальная женщина, бисексуальный мужчина, женщина-трансвестит (регулярно одевается как мужчина), мужчина-трансвестит (регулярно одевается как женщина), женщина-транссексуал (мужчина, ставший женщиной) и мужчина-транссексуал (женщина, ставшая мужчиной) [Lorber, 1994]. Набор сексуальных практик еще более разнообразен, и во всех обществах существуют нормы, регулирующие это разнообразие.

Мишель Фуко показал, что в Европе до XVIII века понятие «гомосексуалист» едва ли существовало [Foucault, 1978]. Термин был запущен в оборот в 1860-е годы, и с тех пор гомосексуалисты

все чаще рассматривались как отдельный тип людей со специфическим сексуальным отклонением. Гомосексуальность стала частью медицинского, а не религиозного дискурса, и обсуждалась в клинических терминах психиатрического расстройства или перверсии, а не религиозного греха. Считалось, что гомосексуалисты, так же как и другие девианты (педофилы, транссвеститы), страдают от биологических патологий, которые угрожают безопасности и здоровью общества. До недавнего времени гомосексуальность практически во всех странах Запада причислялась к преступной деятельности и сохраняла статус психического нарушения (Американская психиатрическая ассоциация окончательно исключила гомосексуализм из списка заболеваний только в 1987 году). Переход гомосексуальности из категории маргинальности в категорию нормальности не завершен, но в последние годы здесь наблюдается быстрый прогресс.

Сексуальные установки в западных странах за последние 40 лет стали гораздо либеральнее. Важные аспекты сексуальной жизни людей претерпели фундаментальные изменения. В традиционных обществах сексуальность была теснейшим образом связана с процессами воспроизводства, но в наши дни она отделена от них. Сексуальность стала еще одним измерением жизни, которое каждый индивид должен исследовать и сформировать. Если когда-то сексуальность определялась в терминах гетеросексуальности и моногамии в контексте брачных отношений, то сейчас возрастает степень принятия разнообразных форм сексуального поведения и ориентации в широком спектре контекстов.

Социологи держались в стороне от исследований сексуальности на протяжении большей части истории своей дисциплины, вплоть до 1940-х годов, когда исследовательская команда Кинси в США провела новаторский опрос, который помог опровергнуть представление о гомосексуализме как болезни, требующей медицинского лечения. Однако опросы, посвященные сексуальному поведению, сталкиваются с рядом трудностей. Многие люди считают свое сексуальное поведение сугубо личным делом в гораздо большей степени, чем другие аспекты жизни, и не готовы обсуждать его интимные стороны с незнакомцами. Это означает, что люди, *готовые* обсуждать свою сексуальность и давать интервью, представляют собой преимущественно «самоотобранные образцы» (*self-selected sample*), поэтому их выборка не является репрезентативной в отношении всего населения.

Критические замечания

Исследование Кинси было подвергнуто критике консервативных и религиозных организаций отчасти из-за включения в него детей до 16 лет. Академическая же критика выражала несогласие с позитивистским подходом Кинси, который использовал большой объем данных, но не мог уловить сложность сексуального желания, являющегося основой обнаруженного исследованием разнообразия в поведении. Кинси также не удалось показать значения, которые человек придает своим сексуальным отношениям. Более поздние исследования обнаружили гораздо меньший уровень распространения гомосексуального опыта, чем команда Кинси. Выборка, с которой она работала, возможно, была менее репрезентативной, чем думал Кинси. Тем не менее было бы несправедливо ожидать от одной работы, чтобы она приняла во внимание все эти проблемные вопросы, особенно в такой сложной области исследовательской практики. Заслуга Кинси в том, что он фактически открыл сексуальность для социологических исследований.

Надежность и достоверность опросов, посвященных сексуальному поведению, стали предметом множества дебатов. Многие критики полагали, что подобные исследования не дают надежной информации о сексуальных практиках. Публично утверждаемые установки могут всего лишь отражать понимание человеком доминирующих социальных норм, а не давать нам информацию о его частных предпочтениях и сексуальном поведении. Однако подобная критика может быть распространена на многие опросы, изучающие и другие аспекты человеческой жизни, такие как брак, разводы, преступность или девиантность. Но социологи умели в этих случаях взвесить все «за» и «против» и достичь понимания, оказавшегося полезным для лиц, определяющих политику. Нет убедительных оснований полагать, что исследования сексуальности не смогут сделать то же.

Сохраняющаяся актуальность

Одной из причин, почему сексуальность стала частью социологической теории и исследований, стали движения 1960-х годов за социальные изменения, открывшие для социологов новые исследовательские объекты. С тех пор как эти движения интегрировались в общество, произошло в известной мере пере-

определение старых норм, связанных с сексуальным поведением. Недавние опросы показывают, что большая часть респондентов выступает против ранней сексуальной активности, при этом лишь меньшая их часть высказывается против гомосексуальных связей. В этом контексте социологические исследования должны быть чувствительны к изменению установок и социальных норм, и, возможно, следует разрабатывать новые методы, которые будут давать более точное знание о жизни человека.

В статье Грейс Келли и ее коллег обсуждается такая малоизученная тема, как сексуальность людей с ограниченными возможностями [Kelly, Crowley, Hamilton, 2009]. Эта работа показывает основные результаты исследования, которое выявляло взгляды группы людей с умственными расстройствами в Ирландии на свой опыт сексуальности и личных отношений, а также на то, какие механизмы поддержки они считают для себя полезными. В Ирландии противозаконно вступать в интимные отношения с людьми, которые не могут жить без поддержки других или защитить себя от разного рода злоупотреблений, до их вступления в брак (опрос об изменении этого закона проводился в 2011 году). Участники исследования говорили о том, что не получили достаточного сексуального образования и необходимых знаний, в пространстве служб, оказывающих поддержку людям с ограниченными возможностями, интимные отношения запрещены, что ведет к возникновению «тайных» отношений. Авторы исследования пишут о необходимости изменений в законодательстве, так как многие люди с умственными расстройствами способны иметь сексуальные отношения и защищать себя от злоупотребления.

Законодательство многих стран движется в сторону разрешения гомосексуальным парам юридически закреплять их партнерские отношения либо в форме гражданского партнерства, либо в той или иной форме брака. Несмотря на то что это движение соответствует широкому принятию гомосексуальных отношений, возникает вопрос: почему брак, этот конвенциональный гетеросексуальный институт, настолько привлекателен для гомосексуалистов? Роберт Келли предлагает несколько возможных причин: достижение формально равного юридического статуса, трудовые права и право на социальное обеспечение, права, связанные с охраной здоровья (к примеру, возможность посещения больного) и налоговые льготы [Kelly, 2006]. Однако

внутри ЛГБТ-движения¹ продолжают споры о том, является ли «прогрессивный» характер однополного брака иллюзией или реальностью.

Литература

Foucault M. The History of Sexuality. London: Penguin, 1978; см. также рус. пер.: Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Том первый // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 97–268.

Kelly G., Crowley H., Hamilton C. Rights, Sexuality and Relationships in Ireland: “It’d Be Nice to Be Kind of Trusted” // *British Journal of Learning Disabilities*. 2009. Vol. 37. No. 4. P. 308–315.

Kelly R. Gay Marriage. Why Now? Why at All // *Seidman S., Fischer N., Meeks C.* (eds). *Handbook of the New Sexuality Studies*. London: Routledge, 2006. P. 433–440.

Lorber J. *Paradoxes of Gender*. New Haven, CT: Yale University Press, 1994.

Taylor Y., Hines S. *Sexualities: Past Reflections, Future Directions*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Weeks J. *Sexuality*. 3rd ed. London: Routledge, 2009.

СЕМЬЯ (FAMILY)

Рабочее определение

Социальная группа, состоящая из индивидов, связанных кровными узами, браком или отношениями усыновления и разделяющих взаимные обязательства.

Происхождение понятия

Понятие «семья» имеет столь же давнюю историю, что и общество, поэтому социологам, начиная с классиков-основателей и заканчивая современными исследователями, всегда было, что сказать о семье. Сегодня многие социологи полагают, что мы не можем говорить о семье так, как если бы существовала только одна ее универсальная модель. Есть множество форм семьи

¹ Общественно-политическое движение лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ); *англ.* Lesbian, gay, bisexual, and transgende (LGBT) social movements. — *Примеч. ред.*

(сводная семья, неполная семья и т.д.), что заставляет говорить о *семьях*, чтобы отобразить данное многообразие.

Все идеи предыдущего «золотого века» семейной жизни, когда дети росли в стабильных гармоничных семьях, оказались совершенно несостоятельными. К примеру, многие политики и комментаторы сравнивают современные семьи с кажущейся стабильностью семей Викторианской эпохи. Однако в Англии XIX века показатели смертности были высоки, средняя продолжительность брака составляла менее 12 лет, а более половины детей в возрасте до 21 года теряли по крайней мере одного родителя. Дисциплина в викторианских семьях основывалась на довольно строгих правилах и физических наказаниях, что сегодня совершенно неприемлемо для большинства людей. В среднем классе большая часть замужних женщин была так или иначе привязана к дому, в то время как многие «респектабельные» мужчины наносили визиты проституткам и с завидной регулярностью посещали бордели. Повсеместно был распространен и детский труд. Историческая социология вполне уместно напоминает о том, что наша отвечающая здравому смыслу историческая память на самом деле очень часто нереалистична и ностальгична.

Значение и интерпретация

Сегодня при определении семьи возникают многочисленные трудности. Социологи признают, что существует разнообразие форм семьи как в отдельно взятых национальных обществах, так и по всему миру. В некоторых частях планеты традиционные семейные структуры, имеющие многовековую историю, продолжают существовать в относительно неизменном виде. Однако в развитых обществах в организации семейной жизни людей произошли существенные изменения, что требует новых способов изучения.

В развитых странах наличие групп этнических меньшинств (например, семей из Южной Азии или Западной Индии), а также влияние различных социальных движений типа феминизма породили значительную культурную вариативность форм семьи. Устойчивое классовое деление на бедных, квалифицированных рабочих и различные группы среднего и высшего классов поддерживает главные варианты семейной структуры.

Диверсифицированными оказались также варианты семейного опыта в течение жизненного пути. К примеру, один человек может родиться в полной семье, вступить в брак, а затем развестись. Другой человек появляется на свет в неполной семье, неоднократно вступает в брак и имеет детей от каждого брака.

Сегодня связи между родителями, родителями родителей и более широкой семьей ослабли, так как члены семьи вынуждены перемещаться по стране и миру вслед за работой, теряя контакты с теми, кого они оставляют. В то же время люди теперь чаще доживают до старости и три поколения одной семьи, то есть состоящие в браке внуки, их родители и их бабушка и дедушка могут существовать в тесной связи друг с другом. Необходимо отметить также большее, чем когда-либо прежде, сексуальное разнообразие в семейных организациях. Гомосексуальность все активнее принимается во многих западных обществах, а партнерские и семейные отношения основываются как на гетеросексуальных, так и на гомосексуальных союзах.

Диверсификация семейных типов, структур и практик опережала широко распространенные представления об идеальной семейной форме, базировавшиеся на нуклеарной семье. Предпринимались многочисленные попытки возродить этот традиционный тип семьи, который виделся его защитникам наиболее стабильным и надежным для воспитания детей. Однако такая идеализация игнорирует темную сторону семейной жизни — интимное насилие и жестокое обращение с детьми. Этот подход к нуклеарным семьям неадекватен и пристрастен. Относительно недавняя легализация однополых браков в некоторых развитых странах и нормализация сводных и смешанных семей показывают, что разрыв между представлениями о семье и семейной реальностью медленно, но сокращается.

Критические замечания

Господствующее мнение, что семьи укоренены во взаимной помощи и поддержке, спорно. Эмпирические исследования обнаружили, что неравенство — обычный аспект семейной жизни, дающий преимущества одним членам семьи и ущемляющий других [Pahl, 1989]. Капиталистическое производство привело к гораздо более выраженному разделению между домашним миром и миром работы и, как следствие, к делению на женскую

и мужскую сферы или на приватное и публичное. В современных развитых странах домашние обязанности, такие как уход за детьми или уборка дома, по-прежнему ложатся на плечи прежде всего женщин, даже тех, кто занят в формальном секторе экономики. Причем женщины, как правило, не только взваливают на себя домашние дела и воспитание детей, но и вкладывают большое количество эмоционального труда в поддержание личных отношений и заботу о старших родственниках.

Феминистки обращают внимание на темную сторону семейной жизни, то есть на домашнее насилие, супружеские изнасилования и сексуальное надругательство над детьми. Эта жесткая сторона семейных отношений долгое время игнорировалась в социологии, рисовавшей неоправданно положительную и оптимистичную картину семьи как убежища в бессердечном мире. Феминистские исследования показывают, что интимные приватные зоны семьи являются главными местами для гендерного угнетения и эмоционального и физического насилия. Корпус феминистских исследований послужил дальнейшей демистификации семьи.

Сохраняющаяся актуальность

Несмотря на то что разнообразие является ключевой характеристикой исследований семьи, можно выделить некоторые общие модели семьи, возникающие по мере того, как глобализация сближает культуры. Например, Йоран Терборн утверждает, что кланы и другие родственные группы утрачивают свое влияние, поэтому существует широко распространенная тенденция к свободному выбору супруга [Therborn, 2004]. Права женщин получают все более широкое признание и в отношении вступления в брак, и в отношении принятия решений в семье. Наибольшая сексуальная свобода как мужчин, так и женщин наблюдается в обществах, где она прежде строго ограничивалась. Общей тенденцией также становятся расширение прав ребенка и возрастающее признание однополых отношений.

Авторы анализа официальной правительственной статистики за 1981–2001 годы попытались оценить утверждение, что нуклеарная семья находится в состоянии долгосрочного упадка [Ware et al., 2007]. В 2001 году около трети резидентов Великобритании проживали по видимости в нуклеарных семьях, одна-

ко семейные формы стали гораздо более разнообразными: неполные семьи; те, кто поддерживает отношения с несколькими партнерами; одинокие люди; семейная пара без детей; семейная пара с одним родителем; расширенные типы нуклеарной семьи. Тем не менее исследователи настаивают на сохраняющейся важности нуклеарной семьи и подчеркивают, что человек среднего возраста, будучи членом такой семьи, с большой вероятностью останется в ней. Но пути входа в нуклеарную семью и выхода из нее также существенно изменились из-за высокого уровня разрыва отношений и разводов, приводящих к увеличению количества неполных семей и одиноких людей.

По мере роста числа сводных семей (тип семьи, в которой хотя бы один из супругов имеет детей от другого брака) возникает вопрос о том, каким образом подобные семьи воспринимаются в обществе. Оцениваются ли они негативно или все больше признаются как нормальный тип семьи? Австралийские социологи Джудит Планиц и Джудит Фини обнаружили устойчивые негативные стереотипы в отношении сводных семей, которые разделяются, в том числе, и многими членами таких семей [Planitz, Feeney, 2009]. «Отсутствие поддержки», «разорванные связи», «недостаток привязанности» — вот только некоторые из этих стереотипов. Несмотря на очевидную нормализацию разнообразных семейных форм, упомянутое исследование показывает сохраняющуюся власть стереотипов, основанных на идеале биологической семьи.

Литература

Chambers D. A Sociology of Family Life. Cambridge: Polity, 2012.

Pahl J. Money and Marriage. Basingstoke: Macmillan, 1989.

Planitz J.M., Feeney J.A. Are Stepsiblings Bad, Stepmothers Wicked and Stepfathers Evil? An Assessment of Australian Stepfamily Stereotypes // Journal of Family Studies. 2009. Vol. 15. Iss. 1. P. 82–97.

Therborn G. Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000. London: Routledge, 2004.

Ware L. et al. Gender Life Course Transitions from the Nuclear Family in England and Wales 1981–2001 // Sociological Research Online. 2007. Vol. 12. No. 4. <www.socresonline.org.uk/12/4/6.html>.

СЕТЬ (*NETWORK*)

Рабочее определение

В социологии сеть — это группа людей, объединенных относительно свободными связями, которые могут быть неформальными (например, «друзья» в соцсетях) или формальными (коллеги по работе).

Происхождение понятия

Семейно-родственные и дружеские сети исследовались социологами на протяжении многих лет наряду с социальными сетями, формируемыми группами работников и деловыми знакомствами. Возможно, теоретические идеи Георга Зиммеля (начало XX века) о динамике базовых социальных форм, таких как диады (две социальные единицы) и триады (три социальные единицы), стали предшественниками исследований гораздо более обширных социальных сетей. Несмотря на то что сети — очень древняя форма человеческой ассоциации, для некоторых социологов, по мере того как информационные технологии порождают все новые возможности для создания сетей, они становятся определяющей организационной структурой современных обществ. Свойственные сетям гибкость и адаптивность дают им огромные преимущества перед традиционными типами организации. Ряд исследователей подчеркивают, что бизнес начинает использовать сетевые структуры для максимизации собственной эффективности в глобальной экономической среде.

Значение и интерпретация

Социологи обозначают связи между людьми и социальными группами термином «сеть». Возможно, лучший способ поразмыслить о сети — это представить ее в виде паутинообразной структуры или матрицы, в которой точки пересечения вертикальных и горизонтальных линий являются «узлами» или, в случае социологии, индивидами, группами и даже организациями. Доступ к сети потенциально открывает целые серии связей с другими узлами (индивидами, группами, организациями), которые можно использовать для получения определенных преимуществ. Таким образом, сети состоят из прямых и непрямых

связей, соединяющих индивида или группу с другими людьми и группами, включая группы друзей или тех, кто располагается на шаг дальше (друзья друзей).

Однако организации также могут принимать форму сетей. Принадлежность к сетевой организации способна значительно расширить социальную сферу и влияние человека. Социальные группы — важный инструмент создания сети, но не любая сеть является социальной группой. Сети предоставляют больше, чем просто экономические преимущества. Люди полагаются на свои сети для обеспечения широкого круга контактов — от получения доступа к члену местного совета до поиска квалифицированного мастера. Схожим образом партии и благотворительные организации могут предоставлять доступ к своим международным связям, которые помогают людям освоиться в незнакомой среде. Социальные сети обладают множеством полезных функций, даже несмотря на относительную слабость образующих их связей. Однако доступ к наиболее мощным сетям, как правило, находится под строгим контролем. Женщины долгое время были исключены из ключевых сетей в бизнесе, политике, частном образовании, что ограничивало их возможности во многих сферах жизни. Некоторые частные школы Англии, например, Итон и Харроу, принимают только мальчиков, тем самым перекрывая женщинам доступ к хорошим связям. Социологи обнаружили, что на рынке труда женщины имеют обычно более слабые связи, чем мужчины, что уменьшает возможности трудоустройства. Однако ситуация может медленно меняться по мере того, как все большее количество женщин будет получать высшее образование и продвигаться на высокие должности.

По Мануэлю Кастельсу, многочисленные достижения в области вычисления и технологии сделали сети более эффективными, чем бюрократии [Castells, 2009]. Многие управленческие задачи, такие как обработка данных, не требуют больше работников, размещенных в огромных офисах, а могут быть выполнены отдельными группами, рассеянными по всему миру. Организации и компании воспользовались преимуществами подобной гибкости, став более децентрализованными. Это усилило тенденцию к созданию небольших и более гибких предприятий, включая работу на дому. Традиционно организации имели определенное местоположение — например, офисное

здание или университетский кампус, и бюрократическая модель в этом случае имела смысл. Но сегодня физические границы организаций разрушаются под воздействием новых технологий, которые обеспечивают выход за пределы стран и часовых поясов. При этом организации действуют более эффективно, если они встроены в сеть сложных связей с другими организациями и компаниями. Глобализация, новые технологии и новые формы труда означают большую, чем прежде, открытость и текучесть организационных границ. По словам Кастельса, мы наблюдаем медленное разрушение господства бюрократии как наиболее рациональной и эффективной формы организации.

Критические замечания

Отдаляет ли соединение информационных технологий и сетей нас полностью от пессимистического взгляда Вебера на будущее бюрократии? При ответе на этот вопрос следует проявить осторожность. Бюрократическим системам все чаще бросают вызов менее иерархические формы организации. Однако едва ли стоит рассчитывать на полное исчезновение бюрократии. Представляется маловероятным, что социальные сети когда-нибудь достигнут такого уровня развития, при котором ни одна организация не будет располагаться в определенном физическом пространстве. Это делает вполне возможным продолжающееся воспроизводство бюрократических структур. Скорее всего, в ближайшем будущем продолжится развитие и взаимодействие тенденций к крупномасштабности, безличности и иерархичности организаций, с одной стороны, и к альтернативным формам организационного порядка — с другой.

Сохраняющаяся актуальность

Сети, без сомнения, широко распространены, а внедрение новых информационных технологий в будущем будет только способствовать развитию этой тенденции. Несмотря на то что анализ социальных сетей не является совершенно новым и уже использовался в антропологии при изучении родственных связей и в классической социологии, представляется вполне вероятным его применение при исследовании гораздо более обширных, чем могли предположить социологи прошлого,

социальных сетей. Хорошим примером полезности социально-сетевых анализа является проведенное Ником Кроссли эмпирическое исследование сетей в раннем панк-рок движении в Лондоне [Crossley, 2008]. Кроссли считает, что структурные свойства сетей помогают объяснить возникновение самого этого движения. Он, например, полагает, что панк-движение возникло в Лондоне, а не в других городах Соединенного Королевства отчасти потому, что главные участники того, что станет «внутренним кругом» движения, уже были связаны между собой, и это сделало формирование коллективного движения в Лондоне более вероятным. Сходным образом участники первых панк-групп были связаны между собой и переходили из одной группы в другую, делясь информацией. Иными словами, существовала общая густая сеть, легитимировавшая стиль одежды и культуру перед лицом атак тех, кто считал панков девиантами. Разумеется, политические и идеологические элементы панка также были важны, однако вряд ли бы они нашли свое выражение в культурном движении без поддерживающей их сетевой структуры, уже существовавшей на тот момент.

Еще одним новаторским исследованием стала работа Адалберта Майера и Стивена Пуллера, в которой изучались данные по дружеским связям, собранные в социальной сети Facebook [Mayer, Puller, 2007]. Исследователи проанализировали большой объем данных по 10 частным и государственным университетам, чтобы выявить главные факторы, ответственные за формирование дружеских связей между студентами. Они обнаружили, что университетские социальные сети обладают характеристиками, сходными с характеристиками классических социальных сетей, и были в своем роде кликами; индивиды с многочисленными взаимодействиями с большой вероятностью были связаны с теми, у кого был такой же большой объем взаимодействий. Однако, вероятность того, что два студента станут друзьями, выше, если они разделяют общие политические взгляды, а среди групп этнических меньшинств раса выступала главным фактором, определявшим формирование дружеских связей. Эти паттерны сохранялись вне зависимости от размера и типа университета и основывались, скорее, на студенческих предпочтениях. Следовательно, политика, нацеленная на содействие разнообразию связей, может иметь ограниченное влияние на формирование студенческих сетей.

Литература

Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2009.

Crossley N. Pretty Connected // Theory, Culture and Society. 2008. Vol. 25. No. 6. P. 89–116.

Mayer A., Puller S.L. The Old Boy (and Girl) Network: Social Network Formation on University Campuses // Journal of Public Economics. 2007. Vol. 92. No. 1/2. P. 329–347.

СООБЩЕСТВО (*COMMUNITY*)*Рабочее определение*

Спорное понятие. Используется для обозначения группы людей, живущих в определенной местности или имеющих общие интересы и регулярно взаимодействующих друг с другом.

Происхождение понятия

Слово *community* (сообщество) использовалось начиная с XIV века. Тогда оно имело значение «простые люди» (*common people*), то есть не знатные. С XVIII века это слово описывало людей, живущих в определенной местности или разделяющих общие интересы (*a community of interest*) [Williams, 1987]. В XIX веке слова «сообщество» (или «общность») и «общество» все чаще используются как противопоставления. «Сообщество» определялось как нечто меньшее по масштабу, чем безличное и всеохватное «общество». Немецкий социолог Фердинанд Тённис в 1887 году проследил упадок общности (*Gemeinschaft*) по мере быстрого расширения общества (*Gesellschaft*) [Tönnies, 2001]. Этот тип противопоставления был многократно повторен в социологических исследованиях и социальной критике. Слово «сообщество» приобрело нормативные коннотации, что стало определенной проблемой, когда социологи попытались использовать это понятие в качестве аналитического инструмента.

Ранние исследования предполагали определенную степень вовлеченности исследователя в жизнь местного сообщества для лучшего его понимания. Однако зачастую подобные исследования рассматривались как всего лишь описания, лишённые теоретической строгости. К началу 1970-х годов исследования

сообществ выглядели старомодно и были не в чести у нового поколения социологов. Однако в 1980–1990-х годах возросший интерес к повседневности и стилям жизни привел к оживлению в изучении сообществ, что позволило социологам обратиться к ставшим важными проблемам гендера, этничности и другим формам социального неравенства на локальном уровне. В течение последних 20 лет исследовательский интерес сместился в сторону отношений между глобализацией и ее локальными эффектами, построения виртуальных сообществ и влияния усилившейся географической мобильности на отношения внутри сообществ.

Значение и интерпретация

Понятие «сообщество» с трудом поддается уточнению, поскольку наряду с целым набором значений оно имеет ряд небезобидных нормативных импликаций. Тем не менее выделим два основных его значения. Стало общим местом говорить об академическом сообществе, сообществе геев, мусульманском сообществе и многих других. Это определение основано на представлении об общностях интересов: люди могут быть географически разделены и не знакомы друг другу, однако все они имеют некоторый общий интерес, составляя таким образом сообщество по интересам (*communities of interest*). Что именно конституирует аспект «общности» этих людей, в данном случае не вполне ясно; это может быть ощущение общей идентичности или общие интересы. В то же время некоторые исследователи продолжают рассматривать сообщества как основанные на территориальности социальные группы родственников, соседей, коллег по работе и друзей; особенно в случаях, когда эти сообщества невелики по масштабу. Такое пространственное определение возвращает нас к традиции 1950–1960-х годов и ранних исследований сообществ. Разумеется, возможно, что в отдельных случаях два этих определения могут пересекаться: шахтерское сообщество, например, может быть локализовано, иметь общие интересы и ощущение общей идентичности, создаваемой на рабочем месте.

Дэвид Ли и Говард Ньюби сделали обзор исследований сообществ и различили три альтернативных определения сообщества, бывших к тому времени в ходу [Lee, Newby, 1983]. Первым

они выделили определение сообщества как местности или ограниченной территории, в пределах которой проживают люди. Проблема этого определения в том, что оно носит скорее географический, чем социологический характер. Люди могут жить в одном конкретном районе, но не иметь между собой ничего общего. Определение не учитывает социальные отношения, а также то, взаимодействуют ли люди друг с другом. Второе определение, использовавшееся в некоторых исследованиях, состояло в том, что сообщество — это локальная социальная система, которая включает отношения, действующие в пределах конкретной местности. Проблема в том, что отношения, формирующие социальную систему, могут основываться на антагонизме и ненависти, которые поддерживают разделение социальных групп. Правомерно ли в данном случае говорить об одном сообществе? Наконец, третье определение задает сообщество как тип отношений, включающих чувство общей идентичности. Ли и Ньюби предпочитают в этом случае слово «общность» (*communion*), так как общая идентичность может продолжать существовать даже после того, как люди покинули соответствующую местность.

Критические замечания

Одна из главных проблем и опасностей использования понятия «сообщество» заключается в том, что социальный анализ при этом примет нормативный уклон. Сообщество зачастую рассматривалось как превосходящее — морально и социально — другие, более крупные, формы социальной организации. Предложенное Тённисом противопоставление общности общества являет собой точную иллюстрацию подобной проблемы. Несмотря на то что, по большей части, исследование Тённиса было точным описанием важных социальных изменений, вызванных быстрой урбанизацией и индустриальным развитием, складывается впечатление, что нечто очень важное и ценное оказывается при этом утрачено.

Как правило, цель исследований сообщества — заглянуть внутрь него, сосредоточившись на отношениях в пределах конкретного места, чтобы произвести насыщенное описание жизни данного сообщества. Но недостатком подобных описаний была их неспособность связать жизнь конкретного человека внутри сообщества с внешним миром. Многие социологи поэтому отка-

зываются от понятия «сообщество» как аналитического инструмента в пользу анализа социальных сетей, который предлагает более объективный подход к изучению социальных отношений. Одним из преимуществ такого подхода является его способность преодолеть границы сообществ, чтобы связать локальные социальные сети с внешним миром. Этот фактор особенно важен в более мобильном, глобальном мире, в котором мы сегодня живем. К примеру, структура глобальной миграции предполагает, что сети существуют поверх государственных границ, а рабочие мигранты поддерживают тесные связи как с сообществом своего происхождения, так и с принимающим сообществом.

Сохраняющаяся актуальность

Есть основания полагать, что понятие «сообщество» выживет в социологии. Несмотря на шквал критики, оно привлекает наше внимание к чему-то фундаментальному, а именно — к *качеству* проживаемых людьми жизнью. И хотя в прошлом исследования сообществ обращали излишнее внимание на внутренние аспекты их жизни, они создали очень насыщенные и информативные описания, которые едва ли могут быть воспроизведены с использованием объективных методов, пришедших им на смену. Исследования сообществ могут обеспечить нас лучшим пониманием значимых отношений, внутри которых люди проживают большую часть своей жизни. Учитывая, что подобные исследования достаточно всеобъемлющи, чтобы рассматривать конфликт, формы социального неравенства и широкие социальные сети, становящиеся обычными сегодня, понятие «сообщество» по-прежнему может внести вклад в наше понимание сложных взаимосвязей глобального и локального.

Глобализация привносит множество изменений практически во все аспекты социальной жизни и жизненного пути человека. Воздействие глобализации на поздние этапы жизни представлены в работе Криса Филлипсона, которая посвящена жизни людей преклонного возраста [Phillipson, 2007]. Недавние исследования восприятия пожилыми людьми жизни сообщества предполагали широко распространенное и сильное чувство ностальгии по существовавшим прежде «воображаемым сообществам». Нельзя утверждать, что это чувство является результатом исключительно глобальных процессов, так как

подобные установки сформировались еще до нынешнего периода быстрой глобализации. Но Филлипсон показывает, что экономические, социальные и культурные аспекты глобализации изменяют среду проживания и среди пожилого населения возникают новые деления. Особенно среди тех, кто способен переехать в сообщества пожилых или второй дом, и тех, кто воспринимает смену проживания как проблему, угрожающую чувству принадлежности и собственной самости. Подробному исследованию сообществ и «жизней на местах» есть много, что предложить в рамках формирующейся программы изучения отношений между локальным и глобальным.

Литература

Blackshaw T. Key Concepts in Community Studies. London: Sage, 2010.

Crow G., Allan G. Community Life: An Introduction to Local Social Relations. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1994.

Lee D., Newby H. The Problem of Sociology. London: Routledge, 1983.

Phillipson C. The “Elected” and the “Excluded”: Sociological Perspectives on the Experience of Place and Community in Old Age // Ageing and Society. 2007. Vol. 27. No. 3. P. 321–342.

Tonnies F. Community and Society [Gemeinschaft und Gesellschaft]. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001 [1887]; см. также рус. пер.: Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana, 1987.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ (SOCIALIZATION)

Рабочее определение

Социальные процессы, через которые новые члены общества обретают понимание социальных норм и ценностей и достигают отчетливого чувства самости. Социализация продолжается в течение всей жизни.

Происхождение понятия

Понятие «социализация» является общим для множества социологических теорий, хотя было разработано и всесторонне

рассмотрено в рамках функционалистской традиции. Толкотт Парсонс, в частности, использовал его для решения «проблемы социального порядка». Интеракционисты Чарльз Мид и Джордж Кули — в исследованиях создания социальной самости в детстве. Термином «социализация» обозначают процессы, которые превращают полностью беспомощного и незащищенного ребенка в знающую личность, обладающую самосознанием и наделенную навыками и умениями, соответствующими культуре общества. Социализация имеет важнейшее значение для социального воспроизводства, обеспечивая непрерывность общества во времени. Не только дети учатся у взрослых в ходе социализации, но и взрослые также учатся обращению с младенцами и детьми. Родительские обязанности связывают взрослых с детьми, обычно — до конца жизни. И это повторяется из поколения в поколение. Как правило, социализация обсуждается в терминах первичной социализации, которая наиболее интенсивна и протекает в первые годы жизни ребенка, и вторичной социализации, которая продолжается на протяжении всего жизненного пути человека.

Значение и интерпретация

Социализация осуществляется благодаря деятельности различных агентов — семьи, сверстников, школы и медиа. Семья является главным агентом первичной социализации, хотя на этой стадии растет посещение детьми тех или иных образовательных учреждений или детских садов. В современном обществе социальное положение не наследуется при рождении, однако этническая принадлежность, гендер, социальный класс, место рождения оказывают влияние на формы социализации. Усвоение гендера детьми — это преимущественно бессознательный процесс. Они наблюдают и повторяют модели поведения и языковые особенности своих родителей, родственников, соседей и окружающего их сообщества. Гендерные различия усваиваются также благодаря тем способам, какими взрослые обращаются с новорожденными и детьми. Например, родители и другие взрослые разговаривают с мальчиками и девочками по-разному. Отличаются и типы контроля над их действиями, а соответствующие нормы поведения формируются гендерными ожиданиями.

ми. Дети способны распознавать собственный гендер и гендер других уже в самом раннем возрасте, и эта способность усиливается на протяжении всего детства гендерно специфичными вариантами игрушек, например, и репрезентаций в книгах, фильмах и телевизионных передачах. Однако гендерная социализация не является полностью бессознательной. Родители и группы сверстников активно усиливают гендерные роли и ожидания, и дети, нарушающие гендерные нормы, сталкиваются с санкциями — посрамлением, оскорблениями или телесными наказаниями. Непрерывное бессознательное обучение, усиленное санкциями и принуждением, делает гендерную социализацию очень могущественным процессом, продолжающимся в юности и зрелой жизни.

Вторичная социализация начинается в школах благодаря формальному и неформальному учебным планам и продолжается в колледжах и на рабочих местах. Мальчики и девочки начинают делиться по тематическим линиям, так как они изучают конвенционально «мужские» и «женские» предметы, и данное деление воспроизводится в колледжах и университетах. Свою роль в нем играют ожидания учителей, но также групп сверстников в школе и на работе. Поскольку сегодня оба родителя во многих семьях работают, влияние групп сверстников, по всей вероятности, будет возрастать.

Во взрослой жизни социализация продолжается, поскольку люди учатся себя вести в новых сферах социальной жизни, таких как профессиональная среда или политика. Массмедиа (радио, телевидение, CD, DVD и Интернет) играют все большую роль в процессе социализации, помогая человеку сформулировать мнения, установки, способы поведения. Это особенно касается новых медиа, делающих возможными виртуальные взаимодействия при помощи чатов, блогов и проч. Взятые вместе, агенты социализации образуют сложный спектр противоположных социальных влияний и возможностей взаимодействия, который показывает, почему социализация никогда не является полностью управляемым, детерминистическим процессом, особенно учитывая, что люди, обладающие самосознанием, способны формировать собственную интерпретацию посылаемых им сообщений.

Критические замечания

Основной пункт критики теорий социализации заключается в том, что они склонны переоценивать влияние этого процесса. Особенно это было характерно для структурного функционализма Толкотта Парсонса, который, как полагали критики, рассматривал людей как «культурных идиотов», находящихся в полной власти агентов социализации. Характерно это и для некоторых социологических теорий, акцентирующих процессы социализации, чтобы объяснить социальное и культурное воспроизводство. Деннис Ронг выступил против того, что он рассматривал как концепцию сверхсоциализированного человека в социологии, утверждая, что она трактует людей как простых исполнителей ролей, следующих социальным сценариям в соответствии с господствующими социальными нормами [Wrong, 1961]. Если вместо этого обратиться к Зигмунду Фрейду и его теории самости и формированию идентичности, можно построить альтернативную теорию, которая рассматривает индивидов (включая детей) в качестве активных агентов процесса, а не пассивных сосудов. Социализация практически всегда связана с конфликтами и эмоционально заряжена в отличие от того гладкого процесса, который порой описывают социологические учебники. Сегодня теории социального и культурного воспроизводства гораздо более чувствительны к противоречиям, присутствующим процессу социализации, что нашло отражение в работах П. Бурдьё, П. Уиллиса и М. Макенгейла.

Сохраняющаяся актуальность

Социализация — это фундаментальное понятие социологии, помогающее объяснить, каким образом общество передает знания, социальные нормы и ценности из поколения в поколение. И хотя можно согласиться с приведенными выше критическими замечаниями, социализация все же является мощным социальным процессом, особенно в первые годы жизни ребенка, когда он учится контролировать свои импульсы и развивает представление о себе. Понятие «социализация» позволяет оценить сравнительную значимость различных социализирующих агентов — массмедиа, сверстников, учебных заведений — на протяжении всего жизненного пути. Кроме того, оно делает воз-

возможным сравнительный анализ данного процесса в различных обществах или в одном и том же обществе в течение времени. Иными словами, социализация — необходимое, хотя и недостаточное понятие для объяснения как социальных изменений, так и социального воспроизводства.

Интересное исследование необычной формы социализации взрослых можно обнаружить в работе Кристин Меннессон, в которой рассматривается мужская активность в сферах, обычно считающихся женскими, например, в балете [Mennesson, 2009]. Меннессон опросила 14 мужчин, джазовых и балетных танцоров, чтобы понять, как у мужчин в ходе социализации может сформироваться желание заниматься «женским делом», как «быть мужчиной в женском мире» и как все это влияет на гендерную идентичность мужчин-танцоров. Меннессон обнаружила некоторые сходства между мужчинами-танцорами и женщинами, занимающимися «мужскими» видами спорта, вроде футбола или регби. По-видимому, подобные типы предпочтений производит «обратная гендерная социализация» внутри определенных семейных структур, в то время как социализация мужчин-танцоров приводит к специфическим последствиям: одни танцоры страстно желают «остаться мужчинами», другие с радостью описывают себя как носителей одновременно двух начал — мужского и женского.

Литература

Denzin N.K. Childhood Socialization. New York: Transaction, 2009.

Maccoby E.E. Historical Overview of Socialization Research and Theory // Grusec J.E., Hastings P.D. (eds). Handbook of Socialization: Theory and Research. New York: Guilford Press, 2008. P. 13–41.

Mennesson C. Being a Man in Dance: Socialization Modes and Gender Identities // Sport in Society. 2009. Vol. 12. No. 2. P. 174–195.

Wrong D. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. No. 2. P. 183–193.

Тема 7. Взаимодействие и коммуникация

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (*INTERACTION*)

Рабочее определение

Любой вид социального контакта между двумя или более индивидами как в формальных, так и неформальных ситуациях.

Происхождение понятия

Обычные повседневные контакты, такие как разговоры, встречи и другие внешне тривиальные аспекты жизни, не кажутся подходящими темами для научной дисциплины. Однако традиция символического интеракционизма в социологии, быстро развивавшаяся с 1920-х годов, показала, что изучение событий повседневной жизни обеспечивает нас важным пониманием характера и структуры социальной жизни. Как правило, социальные взаимодействия включают как фокусированные, так и нефокусированные обмены. Фокусированные взаимодействия, обычно называемые столкновениями, охватывают большинство наших встреч с друзьями и членами семьи. Нефокусированные взаимодействия происходят всякий раз, когда мы, присутствуя с другими людьми, не вовлечены с ними в личный контакт. Шопинг, например, включает множество нефокусированных взаимодействий в форме языка тела, выражений лица и жестов, позволяющих нам перемещаться и выполнять повседневные задачи, находясь в присутствии большего числа других людей.

Другие подходы в традиции социального действия, включая феноменологию и этнометодологию, также сосредоточивали свое внимание на социальных взаимодействиях. Феноменологи изучают, как люди приобретают свои принимаемые за само собой разумеющиеся представления о мире, а этнометодология исследует способы, которыми пользуются люди в повседневной жизни для структурирования своего мира и придания ему смысла.

Значение и интерпретация

Социальные взаимодействия осуществляются отчасти благодаря формам невербальной коммуникации, таким как движения тела или выражения лица. Когда мы сравниваем лицо человека с мордой животного, оно кажется нам удивительно подвижным и способным на самые различные манипуляции. Норберт Элиас полагал, что изучение человеческого лица показывает, как человек, подобно другим биологическим видам, естественным образом эволюционировал в течение длительного периода времени, но также и то, что эта биологическая основа оказалась перекрыта культурными чертами в процессе социального развития [Elias, 1987]. Лицо человека открыто, очень подвижно и способно принимать самые разнообразные выражения. Элиас поэтому рассматривает его развитие в тесной связи с эволюционной «ценностью для выживания» эффективных коммуникативных систем. Люди сообщают о широком спектре эмоций на «сигнальной панели» своего лица. Так, мы используем выражения лица и жесты других людей в качестве дополнений к тому, что они сообщают вербально, и для оценки того, насколько они искренни и им можно доверять.

Огромное количество исследований в традиции символического интеракционизма были посвящены диалогу или разговору. Использование языка долгое время изучалось лингвистами, но социологии интересуются языком прежде всего как «разговором в контексте», то есть тем, как люди общаются в различных социальных ситуациях. Отдельной исследовательской перспективой, концентрирующейся на использовании языка в контексте, является этнометодология. Она называется так, потому что фокусируется на методах, используемых в обычных социальных контекстах (то есть на этнометодах) по мере того, как люди проживают повседневную жизнь. Один из главных вопросов этнометодологии — как люди придают смысл миру, в котором они живут, и поведению других. Часто мы можем придать смысл тому, о чем говорится, только если знаем социальный контекст, который не проявляется в самих словах. Наиболее незначительные формы повседневного разговора предполагают сложное разделяемое знание, которое задействуется всеми говорящими. Слова, используемые в обыденном разговоре, не всегда имеют точные значения, и мы «фиксируем» то, что хотим сказать, при помощи непроговариваемых допущений.

Так как взаимодействия формируются более широким социальным контекстом, вербальная и невербальная коммуникация может выражаться и восприниматься мужчинами и женщинами по-разному. Если в обществе мужчины доминируют и в публичной, и в частной сферах, они обычно чувствуют себя свободнее при установлении зрительного контакта. Мужчина, уставившийся на женщину, может восприниматься как действующий естественно или невинно; женщина же, если она чувствует себя при этом некомфортно, может отвести взгляд в сторону. Однако женщина, аналогичным образом пристально смотрящая на мужчину, будет воспринята как действующая вызывающе и непристойно. При невербальной коммуникации мужчины чувствуют себя свободнее, чем женщины, они расслаблены, сидят, откинувшись и не скрещивая ноги, в то время как тело женщины более напряжено, она сидит прямо, положив руки на колени и скрестив ноги. Некоторые исследования показали, что женщины ищут и прерывают зрительный контакт чаще мужчин. Эти мелкомасштабные, микроуровневые взаимодействия полны едва уловимыми сигналами, демонстрирующими власть мужчин над женщинами в обществе.

Критические замечания

Социологи изучают взаимодействия того или иного типа почти в каждом своем исследовательском проекте — от микроуровневых обменов до отношений между государствами на международной арене глобальной политики. Однако интеракционистский подход часто рассматривается как игнорирующий социальную структуру, которая формирует тип и качество взаимодействий, и как уделяющий внимание исключительно взаимодействиям лицом к лицу. И впрямь ряд социологов полностью отрицают существование социальных структур как таковых, утверждая, что внимание социологов должно быть обращено на социальные отношения и взаимодействия, которые постоянно воссоздают социальный порядок, и именно этот рутинизированный социальный порядок ошибочно принимается некоторыми за вещеподобные социальные структуры. Другие социологи полагают, что хотя мы и не можем видеть социальные структуры, их эффекты реальны и наблюдаемы. В конце концов, мы не видим гравитации, однако у ученых, как представляется, нет проблем с

тем, чтобы сделать вывод о ее существовании на основе измерения ее воздействий на другие наблюдаемые явления.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «взаимодействие» настолько фундаментально, что без него было бы затруднительно «делать социологию». Это в высшей степени гибкое и адаптивное понятие, применявшееся в исследованиях самых разнообразных сфер человеческого существования. Свидетельство тому — последние исследования, посвященные приданию смысла социальным взаимодействиям в киберпространстве, то есть в технологически опосредованной среде, которая во многих отношениях сильно отличается от мира повседневных взаимодействий лицом к лицу. Изучение взаимодействий в киберпространстве требует новых понятий, которые позволили бы нам расширить наши представления о социальных взаимодействиях.

Коммуникации и социальные взаимодействия в виртуальных средах — это растущее исследовательское поле. Томас Плаг утверждает, что существует ряд принципиальных различий между взаимодействиями и моральным поведением внутри и вне киберпространства [Ploug, 2009]. К примеру, внутри киберпространства люди часто склонны воспринимать онлайн-среду как — в некотором смысле — «нереальную» или, по крайней мере, не такую реальную, как физический мир. Плаг предполагает, что это серьезно влияет на подход людей к морали в виртуальном мире. Онлайн-среда, как правило, не так убедительна по сравнению с очевидностью реального мира. В ней гораздо больше эпизодов споров и выражений недовольства, чем при взаимодействиях лицом к лицу, а разногласия выражаются в гораздо более агрессивной и оскорбительной форме. В результате возникает необходимость понять, как и почему онлайн-среда порождает другие этические стандарты и каковы возможные последствия всего этого для будущего взаимодействия в киберпространстве.

Литература

Elias N. On Human Beings and their Emotions: A Process-Sociological Essay // Theory, Culture and Society. 1987. Vol. 4. No. 2–3. P. 339–361.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. 2nd rev. ed. Cambridge: Polity, 1984; см. также рус. пер.: Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Goffman E. Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. 2nd ed. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction, 2005 (esp.: Best J. Introduction).

Ploug T. Ethics in Cyberspace: How Cyberspace May Influence Social Interaction. New York: Springer, 2009.

Ten Have P. Understanding Qualitative Research and Ethnomethodology. London: Sage, 2004 (esp. Ch. 2–3).

ИДЕНТИЧНОСТЬ (*IDENTITY*)

Рабочее определение

Отличительные аспекты характера индивида или группы, которые связаны с чувством самости.

Происхождение понятия

Идентичности не даны от рождения, они создаются. Работы Чарльза Кули и Джорджа Мида в начале XX века стали в высшей степени важными для развития теорий самости и идентичности [Cooley, 1902; Mead, 1934]. Кули в теории «зеркального Я» утверждал, что оценка человека другими потенциально влияет на его понимание самого себя. Теория же Мида стала первой систематической социологической теорией формирования и развития самости и настаивала на том, что самость не есть врожденная часть нашей биологии, не возникает с развитием человеческого мозга, а формируется в социальном взаимодействии с другими. Мид показал, что изучение самости человека не может быть отделено от изучения общества; оба объекта требуют социологической перспективы. Возникновение чувства самости является необходимой предпосылкой формирования личной идентичности. За последние 30 лет число исследований идентичности резко возросло, поскольку прежде прочные коллективные механизмы формирования идентичности разрушаются под воздействием консьюмеризма и усиления индивидуализации, которые делают идентичности более гибкими и подвижными.

Значение и интерпретация

По существу, личная идентичность — это понимание человеком того, кем он является как индивид. У данного аспекта психики есть четкие социальные аспекты: наша идентичность связана с идентичностями других людей, а их — с нашей. Человеческие идентичности носят как социальный, так и личностный характер, поскольку формируются в непрерывных процессах взаимодействия. Ричард Дженкинс рассматривает три главные составляющие идентичности: индивидуальный, или личностный, элемент; коллективный, или социальный, элемент; воплощение идентичности [Jenkins, 2008]. Последний элемент является очень важным, поскольку идентичность всегда существует внутри физического тела человека. Она формируется из нескольких источников и имеет множество слоев.

Базовое различие проводится между первичными и вторичными идентичностями, которые связаны с процессами первичной и вторичной социализации. Первичные идентичности формируются на ранних этапах жизни (например, гендерная или этническая идентичность). Вторичные идентичности основываются на первичных и включают социальные роли, профессиональные занятия и статусные позиции. Признав это, можно сказать, что идентичности — это сложные и текучие образования, меняющиеся вследствие принятия или оставления людьми тех или иных социальных ролей. Идентичность редко бывает постоянной и находится в процессе постоянной трансформации. Важное следствие процессуальности идентичности — ее способность маркировать сходства и различия. Личная идентичность часто переживается нами как уникальная и отличная от других. К примеру, имена. Это хорошая иллюстрация индивидуальных различий. Сегодня многие родители, чтобы выделить своих детей, стараются дать им уникальные, а не семейные или общепринятые имена. Коллективные идентичности, напротив, демонстрируют сходства между людьми. Идентифицировать себя и быть идентифицируемым другими в качестве, к примеру, рабочего, эколога или профессионального социолога значит дать основания для гордости, групповой солидарности или, наоборот, стыда.

Каким бы ни было наше восприятие собственной идентичности, индивидуальные и социальные идентичности прочно

связаны между собой в воплощенной самости. Яркий пример тесной связи между социальной идентичностью и ее физическим воплощением мы находим в исследовании стигмы Ирвинга Гоффмана [Goffman, 1990]. В 1963 году он показал, каким образом люди с ограниченными возможностями могут быть легко стигматизированы на основе видимых физических недостатков (дискредитированная стигма). Это ведет к тому, что человеку, отмеченному дискредитированной стигмой, сложнее управлять своей идентичностью, чем в случае нефизических недостатков, которые гораздо легче скрыть (дискредитирующая стигма). Гоффман рассматривает жизнь общества как спектакль, разыгрываемый актерами на сцене (на многих сценах), потому что то, как мы действуем, зависит от роли, которую мы играем в тот или иной момент. Люди обладают высокой чувствительностью к тому, как их воспринимают другие, и используют множество форм управления впечатлением, чтобы вынудить других реагировать на себя так, как они того желают.

Социальные влияния на гендерную идентичность протекают по множеству различных каналов. Исследования взаимодействий взрослых и детей, к примеру, показали значительные различия в обращении с мальчиками и девочками, даже если родителям кажется, что их реакции на детей одинаковы в обоих случаях. Игрушки, книги с картинками, телевизионные программы, воспринимаемые маленькими детьми, как правило, подчеркивают различия между мужскими и женскими свойствами. Несмотря на то что ситуация меняется, мужские персонажи обычно более активны и решительны, в то время как женские изображаются пассивными, выжидающими, ориентированными на дом. Феминистские исследователи продемонстрировали, каким образом культурные и медиапродукты на рынке детских товаров выражают традиционные взгляды на гендер и на те цели и стремления, которые ожидают от мальчиков и девочек.

Критические замечания

Некоторые недавние теории ставят под сомнение представление об идентичности как о чем-то относительно устойчивом и приписываемом людям агентами социализации. Вслед за Мишелем Фуко сторонники подобных теорий утверждают, что понятия

«гендер» и «сексуальность» вместе со всеми сопутствующими им терминами, скорее, образуют особый дискурс сексуальности, чем отсылают к некоей объективной реальности. К примеру, Фуко полагал, что мужская гомосексуальная идентичность, которая сегодня ассоциируется с геями, не была частью господствующего дискурса о сексуальности в XIX веке и ранее, поэтому эта форма идентификации просто не существовала для людей до тех пор, пока не была создана в дискурсах медицины и психиатрии. Таким образом, идентичности могут рассматриваться как множественные, неустойчивые и подвергающиеся радикальным изменениям в течение жизни.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «идентичность» приобретает все большее значение во многих исследовательских областях. Исследования социальных движений пытаются сегодня объяснить, каким образом строится коллективная идентичность; исследования классов рассматривают изменения идентификации внутри групп социального класса; социология здоровья показала, как личная идентичность может быть разрушена при обнаружении и развитии хронических заболеваний. Понятие «идентичность» занимает прочное место в социологии и используется при изучении множества новых исследовательских объектов.

Для большинства людей существует четкое различие между идентичностью, которую они разыгрывают на работе, и идентичностью, которая характерна для них в частной жизни и домашнем окружении. Однако кое-где предпринимаются попытки «гуманизировать» рабочее пространство (особенно офисы, колл-центры и другие ориентированные на прямое обслуживание рабочие места) путем создания различных возможностей и средств для игровой и развлекательной активности. Авторы анализа литературы по данному вопросу пишут, что, несмотря на благие намерения, эти попытки могут сыграть злую шутку [Baldry, Hallier, 2010]. Работники могут возмутиться тому, как управляющие вторгаются в их частную жизнь и пытаются изменить сложившиеся в ней ценности. Вместо «смазывания колес» производительности, развлечения на рабочих местах могут увеличить степень отчуждения.

С 1980-х годов появляется новый интерес к социальным движениям как источнику идентичности. Клер Сондерс исследует, как коллективная идентичность формируется внутри экологических движений [Saunders, 2008]. Эти движения, обычно строятся на формах коллективности, сфокусированных на ряде центральных идей или идеологических предпочтений. Однако солидарность в таких движениях создается, как правило, в отдельных организациях (Greenpeace — Гринпис; Earth First! — Земля прежде всего!), которые образуют эти более широкие движения. Поскольку внутри организаций именно активисты изобретают идентичности, верность им сильна и парадоксальным образом может выступать источником внутренних разделений, которые часто обнаруживаются в сетях социальных движений.

Литература

Baldry C., Hallier J. Welcome to the House of Fun: Work Space and Social Identity // *Economic and Industrial Democracy*. 2010. Vol. 31. No. 1. P. 150–172.

Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. New York: Scribner's, 1902; см. также рус. пер.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

Elias N. Homo clausus and the Civilizing Process // Gay P. du, Evans J., Redman P. (eds). *Identity: A Reader*. London: Sage, 2000. P. 284–296.

Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin, 1990 [1963].

Jenkins R. Social Identity. London: Routledge, 2008.

Mead G.H. Mind, Self and Society / ed. C.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

Saunders C. Double-Edged Swords? Collective Identity and Solidarity in the Environmental Movement // *British Journal of Sociology*. 2008. Vol. 59. No. 2. P. 227–253.

ИДЕОЛОГИЯ (IDEOLOGY)

Рабочее определение

Идеи здравого смысла и широко распространенные в обществе верования, которые служат — часто опосредованно — интересам господствующих групп и легитимируют их позицию.

Происхождение понятия

Термин «идеология» впервые был использован во Франции, в конце XVIII века для описания предполагаемой науки об идеях и знании. В этом смысле идеология должна была стать дисциплиной, сходной с психологией или экологией. Такое значение понятия сейчас рассматривается как нейтральное, не подразумевающее, что идеи тенденциозны или обманчивы. Оно просто предполагает, что в обществе множество разнообразных идей, которые можно изучать и сравнивать. В 1930–1940-х годах Карл Мангейм попытался оживить подобный подход в своей социологии знания, которая связывала определенные способы мышления с их социальными основаниями. По мысли Мангейма, к примеру, знание, производимое в различных социально-классовых контекстах, может быть лишь фрагментарным. Задача социологии знания должна состоять в объединении различных интерпретаций общества для лучшего его понимания. Однако нейтральное понятие «идеология» так и не стало распространенным.

Доминирующей в социологии стала гораздо более критическая концепция идеологии. Карл Маркс рассматривал идеологию в качестве важного фактора воспроизводства господства капиталистического класса. Он утверждал, что господствующие группы способны контролировать и господствующие идеи, циркулирующие в обществе, легитимируя тем самым свою привилегированную позицию. Господствующие идеи каждой эпохи — это те, которые поддерживают правящий класс. Идеология является препятствием на пути к равенству, и поздние марксисты потратили много времени на обсуждение способов борьбы с ней, которые позволили бы рабочим осознать свое эксплуатируемое положение. Марксисты полагали, что социальный анализ должен раскрывать искажения идеологии. Это поможет бесильным обрести подлинную перспективу, что станет началом коллективного действия, направленного на улучшение условий жизни. Сегодня понятие «идеология» используется не так активно, как в 1970–1980-х годах, и более вероятно, что социологический интерес к власти идей будет опираться на концепцию дискурса и его эффектов Мишеля Фуко, сместившей фокус внимания с идей и верований на использование языка, речь и документальные источники. Однако понятия «дискурс» и «идеология» необязательно противоположны друг другу.

Значение и интерпретация

Описать идею или утверждение как идеологическое означает признать, что в некотором важном смысле оно является ложным, обманчивым, неполным подходом к реальности и подлежит исправлению. Понятие «идеология» поэтому подразумевает возможность получения фактов или истин об обществе. Исследования идеологии в основном проходят под знаком марксистской традиции, которая рассматривает идеологию как неразрывно связанную с классовым господством. Религиозная вера в естественный порядок, выраженная, например, словами знаменитого англиканского церковного гимна («Бог, так или иначе, все создал по порядку: и замок богача, и бедного приют»), является важнейшим источником идеологии. Марксистская теория рассматривает подобные идеи как пропитанные идеологическим намерением убедить обездоленных и эксплуатируемых в том, что неравенство естественно и их скромное положение в обществе обусловлено Богом установленным порядком.

В XX веке представители неомарксистской Франкфуртской школы критической теории исследовали то, что они называли культурной индустрией кинематографа, телевидения, популярной музыки, радио, газет и журналов, утверждая, что в массовом обществе производство культуры ориентируется на прибыль так же как и другие сферы производства, выпускающие стандартизированный продукт с крайне малой реальной ценностью. Культурные различия обесцениваются, культурные продукты нацелены на максимально возможную аудиторию. Для Франкфуртской школы это обесценивание означает, что массовая культура не становится вызовом существующему порядку и не выполняет образовательную функцию, но является конформистской и безжизненной, препятствуя критицизму и способствуя пассивности. Один из полезных аспектов критической концепции идеологии состоит в том, что она связывает идеи и культурные продукты с властью и властными отношениями. Идеология — это работа символической власти: идеи используются для того, чтобы скрывать, оправдывать и легитимировать интересы господствующих групп.

Участники исследовательского проекта Glasgow Media Group¹ опубликовали ряд работ о новостных сообщениях, в которых

¹ Группа была создана в 1974 году в Университете Глазго (Шотландия) для исследования телевизионных новостей и их влияния на массовую аудиторию. — *Примеч. ред.*

демонстрировались идеологические аспекты внешне нейтральных процессов сбора информации и репортажей. В серии эмпирических исследований с использованием контент-анализа эта исследовательская группа показала, как телевизионные новостные репортажи систематически оказываются предвзятыми. К примеру, при освещении трудовых споров новостные репортажи склонны отдавать предпочтение точке зрения правительства или менеджмента в ущерб позиции бастующих рабочих. О менеджменте предприятий в таких случаях говорится, что он «предлагает», в то время как рабочие и профсоюзы «требуют». Репортажи о трудовых спорах выборочны и тенденциозны. Репортеры, как правило, выходцы из среднего класса, и их взгляды соответствуют взглядам господствующих групп, которые неизменно рассматривают забастовщиков как опасных и безответственных. Главный вывод исследования заключается в том, что новостные репортажи должны быть избирательными и никогда не могут быть нейтральными или объективными. Новостные репортажи — еще один культурный продукт, отражающий неравенство общества, внутри которого он производится, и поэтому — еще один источник идеологии.

Критические замечания

Поскольку произошло радикальное расширение средств массовой информации как с точки зрения огромного разнообразия их современных форм, так и с точки зрения доли охваченного ими глобального населения, объем производства идеологии увеличился. Однако совершаются и качественные изменения. Все большее значение приобретают интерактивные формы (веб-сайты, чаты и блоги), каждая из которых способствует более прямым отношениям и взаимодействиям между производителями контента и их аудиторией. Блоги, твиты и другие формы сообщений становятся самостоятельными источниками информации. Они уже успели сыграть важную роль в некоторых недавних конфликтах, выдавая новости о событиях, увиденных глазами тех, кто находится внутри событий. Часто эти новые медиа и производимые ими сообщения идут вразрез с основными новостными каналами и репортажами.

Некоторые производители новостей обвинили исследователей Glasgow Media Group в тенденциозности и поддержке басту-

ющих рабочих, а не правительства и менеджмента предприятий. Было замечено, что в то время как книга «Bad News» («Плохие новости»)² содержит главу «Профсоюзы и медиа», главы «Менеджмент и медиа» в ней нет, что отчасти подразумевает ее идеологическую предвзятость. Мартин Харрисон получил доступ к расшифровкам выпусков телевизионных новостей компании Independent Television News (ITN) в Соединенном Королевстве за период, бывший предметом первого исследования Glasgow Media Group в 1976 году [Harrison, 1985]. Он утверждает, что пять анализируемых в исследовании месяцев были крайне нетипичными: в стране шли массовые забастовки и было просто невозможно осветить все происходившие события в новостных выпусках. Харрисон также полагал, что исследовательская группа была неправа, утверждая, что новостные выпуски уделяют слишком много внимания последствиям забастовок. Пострадавших от забастовок было гораздо больше, чем их участников. Иными словами, новостные репортажи не были идеологически предвзятыми.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «идеология» было исторически связано с марксизмом, и его научная судьба была предопределена этой связью. Можно предположить, что с распадом коммунизма советского типа и очевидным триумфом начиная с 1980-х годов неоллиберального капитализма понятие «идеология» утратило почву. Действительно, если сравнить количество статей, в которых упоминается дискурс, с теми, где используется термин «идеология», нетрудно увидеть, что влияние идей Мишеля Фуко сместило интерес социологов в сторону социального дискурса и дискурсивных практик. С 1970-х годов было предпринято несколько попыток аннулировать понятие «идеология», однако на сегодняшний день различные варианты тезиса о конце идеологии кажутся преждевременными. До тех пор пока социология

² Так называлась первая книга, выпущенная Glasgow Media Group; см.: Bad News / Glasgow Media Group. London: Routledge and Kegan Paul, 1976. Всего группа издала 15 книг. Последняя на сегодняшний день книга этой исследовательской группы — «Плохие новости для беженцев»; см.: Philo G., Briant E., Donald P. Bad News for Refugees. London: Pluto Press, 2013. — *Примеч. ред.*

исследует классово разделенное общество, всегда найдется место для изучения идеологии, которая составляет один из важнейших аспектов нашего понимания культурного воспроизводства.

Литература

Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Harrison M. TV News: Whose Bias? Hermitage, Berkshire: Policy Journals, 1985.

Heywood A. Political Ideologies: An Introduction. 5th ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Zeitlin I.M. Ideology and the Development of Sociological Theory. 4th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1990.

КУЛЬТУРА (*CULTURE*)

Рабочее определение

Способ жизни, включающий знание, обычаи, нормы, законы и верования, которые характерны для отдельного общества или социальной группы.

Происхождение понятия

Из-за непростой своей истории слово «культура», как и предположительно противоположное ему слово «природа», стало одним из самых трудных для определения в английском языке. Начиная с XV века одним из самых главных значений слова «культура» было сельскохозяйственное — «уход за возделываемыми посевами и животными». Позже значение слова распространилось на человека, и оно приобрело еще один смысл — «возделывание (окультуривание) человеческих умов». В Германии XVIII века культура стала противопоставляться цивилизации, причем первая рассматривалась как превосходящая вторую. В XIX веке возникло признание культур, или культурных целостностей, что дало старт современному научному употреблению данного слова. Понятие «культура» в этом смысле обозначает все те элементы общественной жизни, которые усваиваются, — язык, ценности, социальные нормы, верования, обычаи и законы. Однако в

культуру обычно не включались материальные артефакты типа зданий и мебели, хотя эта традиция была нарушена, когда возрос интерес к материальной культуре. Сравнительное исследование культур в этом смысле является весьма обширным предприятием.

Значение и интерпретация

Большую часть своей истории социология изучала культуру как тесно связанную с социальными отношениями и структурой общества. Марксистская теория, к примеру, рассматривала все строение культуры и культурное воспроизводство как суперструктуру, стоящую на фундаменте капиталистического способа производства. Религиозные верования, господствующие идеи, ключевые ценности и социальные нормы воспринимались как поддержка и легитимация эксплуататорской экономической системы социальных отношений. Еще до эпохи телевидения Франкфуртская школа критической теории утверждала, что возникающая массовая культура является формой социального контроля, удерживая людей в состоянии бездействия и не критичности, превращая их в пассивных потребителей не притязательных развлечений. Ирония марксистской критики состоит в том, что она разделяет высокую культуру и массовую, видя именно в первой большую ценность, хотя она является сферой деятельности образованных высших классов.

Культурное воспроизводство предполагает не только сохранение и развитие языка, общих ценностей и норм, но и воспроизводство социального неравенства. К примеру, на первый взгляд образование должно быть «великим уравниателем», позволяющим способным людям из разных гендерных, классовых и этнических групп достигать своих целей. Однако обширный корпус исследований последних 40 лет показывает, что система образования работает на воспроизводство существующих социальных и культурных делений.

На сегодняшний день наиболее систематическая общая теория культурного воспроизводства принадлежит Пьеру Бурдьё [Bourdieu, 1986]. Она связывает экономическую позицию, социальный статус и символический капитал с культурными знаниями и навыками. Ключевое понятие теории Бурдьё — «капитал», различные формы которого используются для приобретения

ресурсов и дают людям преимущества. В качестве основных форм капитала Бурдьё различает социальный, культурный, символический и экономический капитал. Социальный капитал связан с членством и участием в элитных социальных сетях. Культурный капитал приобретается в семье, а также через систему образования, которая выдает дипломы и присваивает ученые степени. Символический капитал — это престиж, или авторитет, статус и другие формы признания, позволяющие тем, чье положение выше, доминировать над теми, чей статус ниже. Наконец, экономический капитал предполагает богатство, доходы и другие экономические ресурсы. Бурдьё утверждает, что выделенные формы капитала могут обмениваться друг на друга.

Обладатели высокого *культурного капитала* способны обменивать его на *экономический капитал*: во время собеседования при приеме на высокооплачиваемую работу уровень знаний и удостоверяющие его квалификационные дипломы дают преимущества над другими соискателями. Обладатели высокого *социального капитала* могут знать «нужных людей» или «вращаться в правильных кругах» и способны обменять свои связи на *символический капитал*, то есть на уважение других людей и более высокий социальный статус, повышая тем самым свои властные возможности. Эти обмены всегда происходят внутри полей, или социальных сфер, организующих социальную жизнь. Каждое поле характеризуется собственными правилами игры, которые непереносимы в другие поля.

Культурный капитал может существовать в *инкорпорированном состоянии* и выражается в наших способах мышления, говорения, движениях тела. Культурный капитал существует также в *объективированном состоянии* — в форме произведений искусства, книг, моды. И наконец, культурный капитал может быть обнаружен во множестве *институционализированных форм*, таких, к примеру, как образовательные квалификации, которые легко конвертируются в экономический капитал на рынке труда. По мнению многих социологов, образование *не является* нейтральным полем, отделенным от общества в целом. Культура и стандарты образовательной системы уже отражают это общество, а школы систематически дают преимущество тем детям, которые уже присвоили культурный капитал в семьях и через социальные сети, в которые он встроен. Таким образом, образовательная система — это важнейшая часть культурного

воспроизводства существующего общества с воплощенными в нем социальными неравенствами.

С 1980-х годов растущий интерес к так называемому обществу потребления приблизил исследования культуры к мейнстриму в социологии. Исследование практик покупки и потребления товаров и услуг означало пересмотр критики массовой культуры, однако на этот раз социологи приняли точку зрения потребителя и аудитории. Поскольку прежде единая массовая культура разбилась на небольшие целевые ниши и рынки, важной исследовательской темой становится вкус и существование культур вкуса. Зависят ли культурные вкусы людей напрямую от занимаемой ими классовой позиции, гендера и этничности или же они варьируются независимо от этих структурных позиций?

Критические замечания

Многие критические исследования исходили из допущения, что популярная культура в некотором смысле уступает культуре высокой. Популярная культура не требует больших усилий, образования или знаний, в то время как для должной оценки высокой культуры необходимы обширные знания и особая чувствительность. Однако легитимность высокой культуры покоится на идее, что приложение усилий обладает особой ценностью, так как взращивает «лучших людей» и более цивилизованное общество. Георг Штайнер полагал, что подобные утверждения являются сфальсифицированными [Steiner, 1983]. Во время Второй мировой войны немецкие вооруженные силы совершали массовые убийства в европейских концентрационных лагерях, но концерты классической музыки шли, не прекращаясь. Утверждение о том, что высокая культура «цивилизует», говорит Штайнер, откровенная ложь.

Теоретики постмодерна также рассматривают разделение культуры на популярную и высокую как несостоятельное; оно является не более чем различием в культурных предпочтениях и вкусовых выборах, не связано с понятиями о высокой и низкой форме. Сглаживание культурных различий воспринимается некоторыми исследователями как освобождение, впервые открывающее возможность серьезного изучения популярных культурных форм в социологии. В недавних работах анализиро-

валась культурная значимость деятельности Леди Гаги, Дэвида Бэкхема и репрезентаций людей с ограниченными возможностями в телевизионных мыльных операх. Другие социологи утверждают, вслед за Бурдьё, что реальной проверкой культурного вкуса на значимость является то, как он влияет на жизненные шансы.

Сохраняющаяся актуальность

Следствием «культурного поворота» 1980-х годов в социальных науках явилось включение исследований культуры в мейнстрим социологии. Большая часть этих блестящих работ посвящено роли культурного производства и потребления в формировании стиля жизни и жизненных шансов. Исследования культуры также показывают, что мир символических репрезентаций, развлечений и медиа может многое рассказать о социальных отношениях. Однако недавняя критика исследований культуры рассматривает их как по большей части декоративную социологию с акцентом на изучении текстов, дискурсов и интерпретаций вместо реальных социальных отношений и жизни людей [Rojek, Turner, 2000]. Соображение вполне справедливое: исследования культуры должны учитывать структурные властные отношения и историческое развитие культурных институтов.

Недавние теории глобального смешения культур приобрели интересный поворот в исследовании Ричардом Джильялотти и Роландом Робертсоном опыта переселившихся в США футбольных болельщиков шотландских клубов Celtic и Glasgow Rangers [Giulianotti, Robertson, 2006]. Вместо ассимиляции в более мощную спортивную культуру США шотландские мигранты, как показано в исследовании, перенесли свои прежние идентичности, приверженности и антагонизмы в новый контекст и не проявили почти никакого интереса к местной спортивной культуре. Кроме того, большинство членов Клубов североамериканских болельщиков Celtic и Glasgow Rangers считают себя однозначно шотландцами, несмотря на то что многие из них имеют гражданство США или Канады. Клубы сохраняют свои традиционные шотландские ужины в честь Роберта Бёрнса, а их члены, как правило, продолжают говорить на своих диалектах и не стремятся избавиться от акцента. Однако ключевая проблема для членов Клубов североамериканских болельщиков, учи-

тывая, что их дети в культурном контексте Северной Америки имеют другой опыт, это кросс-поколенная передача культурной идентичности.

Литература

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge & Kegan Paul, 1986.

Featherstone M. Consumer Culture and Postmodernism. 2nd ed. London: Sage, 2007.

Giulianotti R., Robertson R. Globalization, Globalization and Migration: The Case of Scottish Football Supporters in North America // *International Sociology*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 171–198.

Jenks C. Introduction: The Analytic Bases of Cultural Reproduction Theory // *Jenks C.* (ed.). *Cultural Reproduction*. London: Routledge, 1993. P. 1–16.

Rojek C., Turner B.S. Decorative Sociology: Towards a Critique of the Cultural Turn // *Sociological Review*. 2000. Vol. 48. No. 4. P. 629–648.

Steiner G. In *Bluebeard's Castle: Some Notes on the Redefinition of Culture*. New Haven, CT: Yale University Press, 1983.

МАССМЕДИА (MASS MEDIA)

Рабочее определение

Формы коммуникации, то есть газеты, журналы, радио, телевидение и кинематограф, способные охватывать большую аудиторию.

Происхождение понятия

Для большей части истории человечества основным инструментом коммуникации была речь, а нормой — взаимодействие лицом к лицу. В устных культурах информация, идеи и знания передавались от поколения к поколению из уст в уста. Как только появились возможности записывать речь, стали формироваться письменные культуры. Самая первая из них возникла в Китае около 3000 лет назад. Важнейшим предшественником современных средств массовой коммуникации стал изобретенный Гуттенбергом в середине XV века печатный станок с наборным шрифтом, позволивший воспроизводить тексты. Почти мгновенную передачу сообщений обеспечило изобретение

радио и телевидения. И то и другое оказалось чрезвычайно популярным у аудитории. Социологи уделяли особое внимание телевидению во многом из-за его контента, а также из-за способности широко охватить население. В конце XX века новые цифровые технологии (мобильная связь, видеоигры, цифровое телевидение и Интернет) снова революционизировали массмедиа, сделав их возможности интерактивными, воздействие чего социологам еще только предстоит понять и оценить.

Значение и интерпретация

Ранние социологические работы о массмедиа были, как правило, в широком смысле функционалистскими и рассматривали преимущественно интегративную функцию медиа. К примеру, медиа производят непрерывный поток информации об обществе и мире в целом, который порождает коллективный опыт. Таким образом, мы все чувствуем себя частью одного мира. Массмедиа объясняют события в мире, способствуя их пониманию, играющему важную роль в процессе социализации детей. Наконец, медиа развлекают, любезно освобождая нас от повседневных забот, связанных с работой. Главная проблема данного подхода состоит в том, что он описывает лишь отдельные позитивные аспекты массмедиа и оставляет за скобками активное воздействие на аудиторию. Иными словами, опасность функционализма состоит в том, что он не учитывает серьезные конфликты интересов и производство идеологии, направленной на сохранение существующих форм неравенства.

В отличие от этого, политэкономические подходы показывают, как основные средства коммуникации стали отвечать частным интересам. К примеру, в XX веке несколько газетных магнатов, владевших большей частью довоенной прессы, имели возможность формировать повестку дня для новостей и их интерпретации. В глобальном мире собственность на средства массовой информации не ограничена национальными границами, а медиумагнаты теперь владеют транснациональными медиакорпорациями, обеспечивающими им международное признание и влияние. Как и в других отраслях, экономические интересы собственников средств массовой информации работают на исключение из эфира голосов тех, кто лишен экономической власти, а на медиарынке *выживают* преимущественно

те, кто не склонен к критике сложившегося распределения власти и богатства.

С конца XX века стали более популярными исследования в рамках символического интеракционизма. Джон Томпсон проанализировал отношения между медиа и развитием индустриального общества, проведя различие между взаимодействием лицом к лицу (*face-to-face interaction*), опосредованным взаимодействием (*mediated interaction*), в которое включены медиатехнологии, и опосредованным квазивзаимодействием (*mediated quasi-interaction*), которое растянуто в пространстве и во времени и не связывает индивидов напрямую [Thompson, 1995]. Первые два типа взаимодействий диалогичны — это может быть беседа или телефонный звонок, когда люди общаются напрямую, а третий тип взаимодействия монологичен — телевизионная программа, например; это односторонняя форма коммуникации. Массмедиа изменяют баланс между публичным и частным, делая большее, чем прежде, количество информации общественным достоянием и создавая тем самым многочисленные возможности для публичных дебатов.

Жан Бодрийяр утверждал, что приход массмедиа, особенно электронных, вроде телевидения, трансформировал саму природу нашей жизни. Телевидение не просто представляет мир, оно во все большей степени определяет, что есть мир, в котором мы живем. Граница между реальностью и ее медиаобразом (*media representations*) оказалась разрушенной, и мы уже не в состоянии отделить реальность от представлений о ней. Бодрийяр рассматривает реальность и ее медиаобраз как *части* гиперреального мира. Гиперреальность — это мир, в котором последним гарантом подлинности и реальности оказываются телевидение и медиа, делающие мир «реальнее реального». Отчасти это объясняет рост культуры знаменитостей (*celebrity culture*), в которой единственным по-настоящему приемлемым знаком успеха и значимости оказывается появление на телевидении и в глянцевых журналах.

Критические замечания

Результаты исследований неизменно показывают, что репрезентация девочек и женщин в массмедиа использует традиционные стереотипы гендерных ролей. Женщины привычно изображаются в качестве домохозяек, объектов сексуального желания

мужчин или сиделок, медсестер или сотрудниц офиса, то есть выполняют действия, являющиеся расширением домашних функций. Подобные репрезентации постоянны в новостных репортажах, кинематографе и развлекательных программах. Представление в медиа этнических меньшинств и инвалидов также, скорее, усиливает стереотипы, чем с ними борется. Темнокожие и азиаты до недавнего времени почти отсутствовали на телевидении и в других медиа, и даже если присутствовали (например, в новостных лентах или документальных фильмах), то, как правило, их показывали как проблемные социальные группы. Аналогичная ситуация сложилась с инвалидами: когда они были включены в медиадискурс, то их было непропорционально много среди преступников, людей с психическими расстройствами и тех, кого принято называть «плохими, безумными и грустными». Социологи говорят о том, что подобные стереотипные медиарепрезентации не являются причиной дискриминации, но могут усилить существующие негативные представления об определенных социальных группах.

Значительная часть критической теории медиа рассматривает человеческие массы как пассивных реципиентов медиасообщений, не способных заинтересоваться ими или даже оказать им сопротивление. Однако многие организации, связанные с социальными движениями (например, Greenpeace) пытаются конкурировать с массмедиа, создавая альтернативные версии реальности, для того чтобы привлечь в свои ряды новых членов. Недавние исследования восстанавливают баланс между медиа и их аудиторией, показывая, что люди являются активными потребителями, способными интерпретировать и критиковать медиаконтент.

Сохраняющаяся актуальность

Социологические исследования различных форм медиа показывают, что мы не должны предполагать их политическую нейтральность или социальную полезность. В то же время невозможно положить все болезни мира на порог массмедиа и не следует полагать, что люди — «культурные наркоманы», неспособные различить предвзятость. Следующим шагом для социологов станет изучение новых цифровых медиа, что потребует разработки новых теорий, которые будут способствовать луч-

шему пониманию темы. Представляется маловероятным, что теории, разработанные для анализа телевидения и радио, приемы и для Интернета.

Средства массовой информации часто обвинялись в создании паник, вызванных преувеличением рисков для здоровья, связанных с определенными вирусами и болезнями. Однако Жуанне Кларк и Мишель Эверест провели контент-анализ канадских журналов, исследуя более общую тему — проблему рака и ее освещение в печатных изданиях. По утверждению исследователей, данная тема обычно связана со страхом и опасениями по поводу новых возможных типов лечения и лекарств [Clarke, Everest, 2006]. В частности, рак рассматривался почти как неизбежность, представлялся при помощи пугающей статистики, его описания соединялись с выражениями страха, а сам он размещался в пределах медицинского дискурса. Вдобавок к этому журналы акцентировали внимание главным образом на раке груди в отличие от других типов рака. Одним из следствий подобной репрезентации становится усиление общественных страхов перед раковыми болезнями и укрепление медицинской модели как господствующей дискурсивной рамки для решения этой проблемы.

Медийное освещение спорных вопросов стало предметом многих социологических исследований. В США, как и в других странах, наблюдался повышенный интерес к освещению терроризма и правительственной политики. Дэвид Альтеид провел качественный анализ американских медиаресурсов после террористических атак 11 сентября 2001 года [Altheide, 2007]. Он пишет о том, что до 2001 года существенные изменения во внешней политике США не освещались в прессе широко, поэтому не встречали серьезного оспаривания. После событий 11 сентября правительственные сообщения стали приобретать новую форму в связи с включением актуальной повестки «война с террором» в существующий дискурс «страх перед преступностью». Результатом стало представление повседневной жизни как исключительно опасной и рискованной.

Литература

Altheide D. The Mass Media and Terrorism // *Discourse and Communication*. 2007. Vol. 1. No. 3. P. 287–308.

Andreasson K. (ed.). *Digital Divides: The New Challenges and Opportunities of e-Inclusion*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2015.

Clarke J.N., Everest M.M. Cancer in the Mass Print Media: Fear, Uncertainty and the Medical Model // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 62. No. 10. P. 2591–2600.

Flew T. *New Media: An Introduction*. Melbourne: Oxford University Press, 2008 (esp. Ch. 4).

Takahashi T. *Audience Studies: A Japanese Perspective*. London: Routledge, 2010 (esp. the Introduction).

Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge: Polity, 1995.

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА (*PUBLIC SPHERE*)

Рабочее определение

Арена общественных дебатов и дискуссий в современных обществах, состоящая из множества формальных и неформальных мест.

Происхождение понятия

Современные демократии развивались вместе с массмедиа, в особенности — с газетами, памфлетами и другими печатными изданиями. По сути, массмедиа делают возможной и поощряют демократическую культуру. Публичная сфера возникла в салонах и кофейных домах Лондона, Парижа и других европейских городов в XVII–XVIII веках. Люди встречались, чтобы обсудить насущные вопросы. И хотя в данную культуру была вовлечена лишь незначительная часть населения, такие места играли жизненно важную роль в раннем развитии демократии, потому что именно салоны выдвинули идею решения политических проблем путем публичного обсуждения.

Сегодня массмедиа воспринимаются негативно: они опощляют демократические процессы и создают климат всеобщей враждебности в отношении политики. Как произошло столь радикальное изменение, и можно ли эту тенденцию обратить вспять? Ключевая фигура в дискуссиях о публичной сфере — немецкий философ и социолог Юрген Хабермас, который развил в разных направлениях темы Франкфуртской школы, основываясь на своих исследованиях языка и демократических процессов. Он проанализировал возникновение и развитие массмедиа с начала XVIII века по настоящее время, проследив создание и последующий упадок публичной сферы.

Значение и интерпретация

Для Хабермаса публичная сфера — это арена общественных дебатов, в ходе которых могут быть обсуждены вопросы, представляющие общий интерес, и сформулированы мнения, необходимые для эффективного демократического участия и демократического процесса [Habermas, 1989]. Публичная сфера — по крайней мере, в принципе — охватывает индивидов, на равных собирающихся на форуме для участия в общественных дебатах. Однако надежды, возлагавшиеся на публичную сферу при ее возникновении, не были полностью осуществлены. Демократические дебаты в современных обществах заглушаются ныне культурной индустрией. Распространение массмедиа и массовых развлечений привело к ослаблению публичной сферы. Политика режиссируется в парламенте и средствах массовой информации; при этом явно господствуют коммерческие интересы. «Общественное мнение» формируется не путем открытого рационального обсуждения, а создается с помощью манипулирования и контроля, как, например, в рекламе. В то же время глобальные медиа могут оказать давление на авторитарные правительства, чтобы заставить их ослабить свое влияние на контролируемых государством вещателей. Многие так называемые закрытые общества (к примеру, Китай) обнаруживают, что медиа могут быть мощной силой в поддержку демократии.

Однако, становясь все более коммерциализированными, глобальные медиа посягают на публичную сферу, как это было описано Хабермасом. Коммерческие медиа зависят от рекламных доходов и вынуждены отдавать предпочтение содержанию — контенту, — гарантирующему высокие рейтинги и продажи. В результате развлечение с необходимостью восторжествует над спорами и дискуссиями, ослабляя участие граждан в общественных делах и сокращая публичную сферу. Медиа, которые обещали так много, сейчас стали частью проблемы. Хабермас тем не менее сохраняет оптимизм, утверждая, что все еще возможно представить себе политическое сообщество за пределами конкретных национальных государств, в котором будут открыто обсуждаться проблемы, а общественное мнение станет оказывать влияние на политику правительств.

Ричард Сеннет также писал о том, что частная и публичная сферы оказались отделены друг от друга и физически (обособ-

ленное развитие жилых районов, мест работы и пространств досуга, включая торговые пассажи), и философски (например, в том, как мы думаем о нашей частной жизни) [Sennett, 2003]. Однако Сеннет полагает, что частная жизнь склонна проникать в публичную сферу: нынешних политиков судят зачастую по их личностным характеристикам, таким как честность и искренность, а не по их способности исполнять публичную роль. Наступление эры современных визуальных медиа (в особенности телевидения) привело к возникновению высокоразвитых форм представления себя политиками, стремящихся соответствовать ожиданиям в отношении их личности. Сеннет считает такой процесс разрушительным для эффективного функционирования политической жизни и отражающим моральное падение публичных должностных лиц.

Критические замечания

Идеи Хабермаса стали предметом серьезной критики. Салонная культура, которую он описывает как место цивилизованных и рациональных дебатов, была строго ограничена высшими социальными классами и не доступна трудовому люду. Это было элитарное времяпрепровождение, не имеющее почти ничего общего с потребностями массового демократического участия. Публичная сфера формировалась также путем исключения из нее определенных социальных групп — женщин, этнических меньшинств и людей, не владеющих собственностью. И хотя, по сути, она оставалась ограниченной, понятие «публичная сфера» позволяло представителям среднего класса воспринимать себя и свою роль — и представлять их так другим — как выражение универсального.

Феминистки обвинили Хабермаса в том, что он не уделил достаточно внимания вопросу *гендерной* природы публичной сферы. При отделении публичной сферы от домашней, частной сферы многие вопросы, важные для женщин, были просто исключены. Нэнси Фрэзер утверждает, что так называемая публичная сфера на самом деле никогда не была публичной, если под этим подразумевать «открытая для всех» [Fraser, 1992]. Некоторые члены общества, например женщины, были сознательно отстранены от участия в общественной жизни. Это показывает, что конфликтные социальные отношения подкрепляли

идеализированную концепцию общей публичной сферы. Концепция публичной сферы была идеологией, которая помогала легитимировать различные формы социального неравенства. Утверждения Хабермаса о том, что современные массмедиа оказывают деструктивное воздействие на публичную сферу, также были восприняты как ошибочные. Медиа сегодня делают возможным больше общественных дебатов, поднимая и транслируя множество общественных вопросов и способствуя их широкому обсуждению в обществе. Интернет со своими бесчисленными площадками для обсуждения, форумами, блогами и чатами — один из последних примеров, показывающих в действительности расширение, а не сокращение публичной сферы.

Сохраняющаяся актуальность

Идеи Хабермаса спровоцировали много дебатов, но сегодня, думается, до некоторой степени утратили свои позиции в результате критики и со стороны тех, кто защищает массмедиа, как в конечном счете позитивную общественную силу, и со стороны теоретиков постмодерна, которые в подходе Хабермаса видят страх и недоверие к массовой публичной сфере. В подобной критике есть доля истины. И все же Хабермас убедительно напоминает нам, что рациональному модернистскому проекту есть что предложить социальной теории.

Массмедиа часто обвинялись в том, что сыграли ключевую роль в опошлении политики и культурной жизни. Этот тезис исследован Грэмом Мёрдоком в работе, посвященной росту культуры знаменитостей (*celebrity culture*) — новому объекту исследовательского интереса социологов [Murdock, 2010]. Мёрдок анализирует изменения, произошедшие в визуальной культуре в связи с возникновением в начале 1960-х годов фотожурналистики, и рассматривает два британских таблоида — «The Sun» и «Daily Mirror». Учитывая растущее непостоянство взглядов и предпочтений избирателей, политики были вынуждены уделять пристальное внимание своей идентичности и идентичности своей партии, что означает все большую заботу о внешности и образах, представленных в управляемом фотографией мире массовой прессы.

Китай часто рассматривается как пример государства, полностью лишённого публичной сферы, в которой спорные вопро-

сы витают в воздухе и находят свои решения. Теория корпоративного государства утверждает, что власти Китая разрешают создание социальных групп и организаций при условии лицензирования со стороны государства и принятия ими государственного регулирования. Однако публичная полемика в СМИ вокруг строительства гидроэлектростанции на реке Ню заставила китайское правительство остановить проект. Гобинь Янг и Крейг Калхун рассуждают о данном событии в терминах возникновения специфически «зеленой» публичной сферы в Китае [Yang, Calhoun, 2007]. Эта развивающаяся публичная сфера состоит из трех важнейших элементов: «зеленая речь» (экологический дискурс); группы, которые производят и потребляют «зеленую речь» (преимущественно экологические неправительственные организации); формы медиа, которые распространяют «зеленую речь». Отрицая ортодоксальную корпоративистскую позицию, авторы упомянутого исследования утверждают, что она не придает достаточного веса творческим действиям организаций гражданского общества в современном Китае.

Литература

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Calhoun C. (ed.). *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. P. 109–142.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989 [1962]; см. также рус. пер.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016.

McKee A. *The Public Sphere: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Murdock G. F. *Celebrity Culture and the Public Sphere: The Tabloidization of Power* // Gripsrud J., Weibull L. (eds). *Media, Markets and Public Spheres: European Media at the Crossroads*. Bristol: Intellect Books, 2010. P. 267–286.

Sennett R. *The Fall of Public Man*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 [1977]; см. также рус. пер.: *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

Yang G., Calhoun C. *Media, Civil Society, and the Rise of a Green Public Sphere in China* // *China Information*. 2007. Vol. 21. No. 2. P. 211–236.

Тема 8. Здоровье, болезнь и тело

БИОМЕДИЦИНА (*BIOMEDICINE*)

Рабочее определение

Западная модель медицинской практики, в рамках которой болезнь определяется объективно в соответствии с наличием распознаваемых симптомов, а научно обоснованное лечение направлено на восстановление здоровья тела.

Происхождение понятия

До индустриальной эпохи и возникновения научного понимания болезни люди надеялись на традиционные средства лечения — используемые в семье или применявшиеся разнообразными целителями, имевшими в сообществе особый статус. Некоторые из этих старых форм лечения продолжают существовать, но в развитых странах они подпадают под общее название «дополнительная терапия» или «альтернативная медицина». Она альтернативна потому, что на протяжении более чем двух столетий господствуют западные медицинские идеи, выраженные в биомедицинской модели здоровья. Подъем биомедицины шел одновременно с развитием научных методов, на которых она базируется. Использование науки в медицинской диагностике и лечении — главная черта развития современных систем здравоохранения. Заболевание стало определяться в терминах объективно распознаваемых по их местонахождению в теле знаков, а не по субъективным симптомам, испытываемым пациентом. Формальный медицинский уход, осуществляемый специально подготовленным персоналом, является ныне общепринятым способом лечения и физических, и психических заболеваний. Медицина также превратилась в инструмент преобразования поведения и состояний, воспринимаемых в качестве девиантных, — от преступного поведения и гомосексуализма до психических расстройств.

Значение и интерпретация

Биомедицинская модель здоровья имеет несколько центральных элементов. Болезнь рассматривается как нарушение — «по-

ломка» — в теле человека, которое отклоняет его от нормального состояния здоровья. Для восстановления здоровья тела причина заболевания должна быть изолирована, подвергнута воздействию и в конечном счете устранена. Биомедицина работает с телом и ментальными состояниями человека по отдельности, поэтому, когда пациент обращается за диагнозом, профессиональные медики воспринимают его как больное тело, а не как целостного индивида. Акцент делается на лечении его заболевания, которое можно исследовать и подвергать воздействию, отвлекаясь от всех личностных особенностей пациента.

Профессиональные врачи — носители «медицинского глаза», то есть беспристрастного подхода к наблюдению за больным пациентом и его лечению. Лечение осуществляется в нейтральной, свободной от ценностной нагрузки манере, информация о пациенте собирается и накапливается в личной карте больного. Прошедшие должную подготовку медицинские специалисты рассматриваются как единственные эксперты в лечении болезни. Кроме того, медицинская профессия регулируется признанным этическим кодексом. Здесь нет места для целителей-самоучек и «ненаучных» медицинских практик. Клиника представляет собой наиболее подходящую среду для врачевания заболеваний, поскольку лечение зачастую основывается на определенной комбинации технологий, лекарственных препаратов и хирургического вмешательства.

Критические замечания

В течение последних 30 лет биомедицинская модель стала объектом нарастающего обсуждения, и большая часть социологических работ в этой области написана в критическом ключе. Некоторые исследователи полагают, что эффективность научной медицины переоценена. В частности, ряд историков утверждают, что улучшение общего состояния здоровья населения не имеет ничего общего с применением к заболеванию биомедицинской модели [McKeown, 1976]. Наиболее существенные улучшения в сфере общественного здравоохранения начиная с XIX века обусловлены, скорее, социальными и экологическими изменениями. Более эффективные санитарно-технические системы, более высокие стандарты питания и разнообразная диета, улучшение системы канализаций и совершенствование гигиенических практик в густонаселенных городах — все это

оказало большее влияние, чем медицина, особенно на снижение уровней младенческой и детской смертности. Следует признать, что лекарства, вакцинации и стационарное лечение стали оказывать серьезное влияние только с середины XX века.

Иван Иллич высказывал даже предположение о том, что современная медицина принесла человечеству больше вреда, чем пользы из-за явления ятрогенеза, то есть обусловленности многих заболеваний медицинским вмешательством [Illich, 1975]. Иллич писал о трех типах ятрогенеза — клиническом, социальном и культурном. Клинический ятрогенез — это ухудшение здоровья пациента или возникновение новых заболеваний из-за медицинского вмешательства. Социальный ятрогенез предполагает расширение медицины на все новые и новые сферы и порождение искусственной потребности в медицинских услугах. Социальный ятрогенез, подчеркивает Иллич, приводит к культурному ятрогенезу, когда способность справиться с вызовами и проблемами повседневной жизни неуклонно снижается из-за наличия медицинских объяснений и предлагаемых альтернатив. По мнению критиков, подобных Илличу, сфера действия современной медицины должна быть существенно сужена.

Еще одно направление критики — снижение значимости мнения и опыта пациентов для биомедицины. Поскольку биомедицина основывается на объективном научном понимании, ей нет нужды выслушивать субъективные интерпретации пациентов. Критики же настаивают на том, что эффективное лечение возможно лишь в том случае, если пациент воспринимается как мыслящий субъект, способный к адекватному осмыслению своего состояния. Барьер между врачом и пациентом приводит к недопониманию и утрате доверия, а подобные социальные факторы способны привести к неправильному диагнозу и соответственно неверному лечению.

Наконец, научная медицина воспринимается как превосходящая любую альтернативную форму лечения. Однако нетрадиционная терапия, как древняя, так и новая, в последние десятилетия выходит на заметные позиции. Сегодня все больше людей готовы воспользоваться акупунктурой, гомеопатией, рефлексологией, хиропрактиками и многим другим. Причины обращения к нетрадиционной медицине сложны, однако социологи предполагают, что люди делают это тогда, когда все биомедицинские способы лечения потерпели неудачу и пациент перестает верить в научную медицину или когда состояние болезни

хроническое и легко исправить такую ситуацию нельзя. Эта последняя причина, пожалуй, наиболее важна.

Социологи медицины установили изменение типов болезней, с которыми сталкивается человек, в течение XX века. Произошел сдвиг от острых заболеваний к хроническим, часто длящимся всю жизнь (диабет, высокое кровяное давление, артрит). Поскольку хронические состояния становятся все более распространенными, медицина кажется менее могущественной, а биомедицинская модель — менее пригодной. Хронические заболевания требуют, скорее, управления, чем лечения, и сами больные лучше других, в том числе лучше экспертов, понимают, как контролировать собственное здоровье. В связи с этим намечается тенденция к изменению отношений между врачом и пациентом: мнение и опыт больного становятся решающими факторами в режимах лечения, а сам пациент — активным и «целостным» существом, чье общее — не только физическое — благополучие приобретает особую важность.

Сохраняющаяся актуальность

В последние десятилетия биомедицина столкнулась с бурным натиском критики, признаков ослабления которого пока не видно. Однако мы должны помнить, что биомедицина остается господствующей моделью систем здравоохранения по всему миру, а прививки против опасных для жизни заболеваний — полиомиелита и туберкулеза — серьезно изменили уровень детской смертности и спасли множество человеческих жизней. В период серьезных кризисов, таких как вспышка свиного гриппа в 2009 году или распространение ВИЧ-инфекции в 1980-х, люди по-прежнему обращаются к научной медицине за эффективным лечением, что, возможно, является признанием превосходства биомедицины над другими формами лечения.

Тем не менее в настоящее время общепризнано, что хронические состояния и инвалидность становятся более распространенными и политически важными, а социология здоровья и заболеваний должна включать исследования инвалидности, чтобы сохранить собственную актуальность. Сборник под редакцией Грэма и Саши Скамблер объединил передовых исследователей в этой области, разделяющих мнение, что хронические заболевания и инвалидность равнозначны «атакам на жизненный мир» [Scambler, Scambler, 2010]. Такой подход требует ис-

следования сложных взаимоотношений между биологическим, психологическим и социальным, что позволит правильно понять и хронические заболевания, и инвалидность.

Подъем нетрадиционной медицины — это постоянный вызов господствующей системе здравоохранения. Должны ли альтернативные способы терапии удерживаться вне этой системы или быть разрешены в ней? Связи между двумя системами изучены в исследовании Ниссими Мицрахи и его коллег, посвященном совместной работе биомедиков и альтернативных терапевтов (прежде всего, иглотерапевтов) в израильском госпитале [Mizrachi, Shuval, Gross, 2005]. Альтернативные терапевты смогли «взять крепость», но явно не сумели изменить границу между двумя системами. Биомедики использовали стратегию проведения «границ на рабочем месте», а не политику руководства «сверху вниз», для того чтобы сдерживать потенциальных конкурентов, но при этом избегать роста напряженности. Ряд неявных методов позволяет биомедикам контролировать альтернативных терапевтов, но также наделять их определенной долей легитимности.

Литература

Illich I. Medical Nemesis: The Expropriation of Health. London: Calder & Boyars, 1975.

McKeown T. The Role of Medicine: Dream, Mirage or Nemesis? Oxford: Blackwell, 1976.

Mizrachi N., Shuval J.T., Gross S. Boundary at Work: Alternative Medicine in Biomedical Settings // Sociology of Health and Illness. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 20–43.

Nettleton S. The Sociology of Health and Illness. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2013 (esp. Ch. 1).

Scambler G., Scambler S. (eds). New Directions in the Sociology of Chronic and Disabling Conditions: Assaults on the Lifeworld. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

МЕДИКАЛИЗАЦИЯ (*MEDICALIZATION*)

Рабочее определение

Процесс, при котором вопросы стиля жизни (вес тела, курение и сексуальные практики) преобразуются в медицинские проблемы, требующие вмешательства профессионалов.

Происхождение понятия

Понятие «медикализация» было разработано в 1960–1970-х годах в ходе критических атак против предполагаемых угроз расширения медицинской профессии. Иван Иллич, Ирвинг Зола, Рональд Лэйнг, Томас Сас и Мишель Фуко рассматривали медицину как форму социального контроля, когда пациенты попадают под надзор медицинских работников. К примеру, Сас критиковал расширение психиатрической экспертизы и описал множество состояний, квалифицировавшихся как психические расстройства, будучи всего лишь жизненными проблемами. Некоторые формы поведения было бы лучше характеризовать как адаптацию к трудным жизненным обстоятельствам, но они подверглись медикализации, и большое количество людей попало под контроль и наблюдение экспертов, обладающих властью содержать их под стражей. С 1970-х годов понятие «медикализация» было перенесено в область исследования социологии здоровья и болезней.

Значение и интерпретация

Для социологов, критически настроенных в отношении био-медицинской модели, медицинский персонал в целом занимает позицию власти, которая видится им произвольной и даже опасной. Один из аспектов этой власти — способность точно определять, что конституирует и что не конституирует болезнь и здоровье. Медики поэтому — арбитры медицинской истины, а их взгляды должны приниматься всерьез правительствами и общественностью. Однако более веская критика современной медицины касается способа, каким она постепенно проникла во все большее число областей жизни, считавшихся приватными, и затронула аспекты существования, ранее воспринимавшиеся просто как часть повседневной жизни. Этот длительный процесс и получил название «медикализация».

Феминистская социология показала, как много аспектов жизни женщины (к примеру, беременность и рождение ребенка) были медикализированы и присвоены современной медициной. В развитых странах деторождение, как правило, осуществляется в больницах под руководством преимущественно врачей-мужчин. Беременность, всеобщее и естественное явление, стала восприниматься как что-то аналогичное болезни, сопряженное с

рисками и опасностями, поэтому она должна находиться под постоянным наблюдением с использованием новейших технологий, вроде УЗИ и других способов обследования. Все это может показаться благом: медицина помогла существенно снизить младенческую смертность, гарантируя, что большинство новорожденных и их мамы переживут роды. Но феменистки полагают, что это только часть истории. Женщины потеряли контроль над процессом деторождения, ключевой частью их жизни, а их мнения и знания, с точки зрения новых экспертов, нерелевантны.

Аналогичная тревога в связи с медикализацией, по-видимому, нормальных состояний была высказана в отношении феномена гиперактивности маленьких детей, грусти или легкой депрессии (обычно регулируемой с помощью таких антидепрессантов, как прозак), постоянной усталости, которая была переопределена как синдром хронической усталости. Проблема с подобными эпизодами медикализации состоит в том, что как только поставлен диагноз в медицинских терминах, лечение также должно быть медицинским — с использованием препаратов, которые обладают серьезными побочными эффектами.

Иван Иллич настаивал на том, что подобная экспансия современной медицины причиняет больше вреда, чем пользы из-за ятрогенеза (обусловленности заболеваний медицинским вмешательством). По Илличу, одним из его типов является социальный ятрогенез, или медикализация, которая создает искусственную потребность в медицинских услугах. По мере роста медикализации люди становятся все менее способными сами следить за своим здоровьем, контролировать свои состояния и впадают во все большую зависимость от врачей. Такая зависимость усиливает потребность в медицинских услугах и ведет к экспансии медицинского обслуживания в рамках расширяющегося порочного круга, толкающего вверх медицинские бюджеты за счет других услуг. Для Иллича, ключ к изменению в том, чтобы бросить вызов власти медиков в обществе.

Критические замечания

Критики медикализации слишком раздувают это явление. Разумеется, существует ряд проблем, связанных с экспансией медицины в новые сферы, но медикализация принесла и большую пользу. Перенесение деторождения в больницы, возможно, и

оставило за бортом некоторых «местных» экспертов, однако основное преимущество в данном случае состоит в том, что подавляющее большинство малышей благополучно появляются на свет и даже недоношенные дети, как правило, выживают. Описания рождения детей в период, предшествующий современной медицине, сейчас читаются как истории ужасов, когда смерть матери и (или) ребенка в ходе родов была обычным делом. Едва ли кто-то стал бы отрицать, что больничное родовспоможение, при всех его недостатках, является подлинным улучшением. Сходным образом медиализация позволяет людям с определенными заболеваниями рассчитывать на серьезное внимание и получать соответствующую помощь. Люди с синдромом хронической усталости часто рассматривались как симулянты, и им приходилось бороться за то, чтобы их симптомы были восприняты всерьез. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивности считались лишь непослушными шалунами до того момента, пока их состояние не было определено как серьезная медицинская проблема. Медиализация поэтому не столь вредоносна и опасна, как склонны полагать некоторые теоретики.

Сохраняющаяся актуальность

Медиализация выступала важным объектом критики во многих социологических исследованиях, и недавние попытки оспорить господство биомедицины показывают, что это критика нашла благодарную аудиторию. Однако мы должны поумерить свой критический пыл и признать, что современные системы здравоохранения способны к изменениям, например, к введению менее инвазивных форм дополнительной терапии. То, что когда-то было радикальным и, откровенно говоря, несколько эксцентричным и маргинальным подходом к биомедицине, в XXI веке быстро стало частью многих способов обращения со здоровьем и заболеваниями.

Ожирение сегодня воспринимается как глобальная медицинская проблема, которая угрожает поглотить национальные системы здравоохранения. Шарон Рэй и Рут Дири рассмотрели, каким образом размер тела оказался подчинен гендерному медицинскому взгляду, что имело специфические последствия для собственных представлений женщин о своем теле и его самооценки [Wray, Deery, 2008]. В частности, тело большого размера стало рассматриваться как символ моральной несостоятельно-

сти и излишнего самопотакания. Исследователи утверждают, что подобная непропорциональная связь грозит подорвать представления женщин о равенстве прав на медицинское обслуживание, а также поколебать их ощущение собственной самости.

Какое отношение сон имеет к медиализации? Одно исследование представлений в прессе проблем бессонницы и храпа предполагает, что сон — это, возможно, еще один аспект человеческой жизни, подлежащий медиализации [Williams et al., 2008]. Авторы показывают, как два относительно схожих и связанных явления — бессонница и храп — по-разному отображаются в материалах, посвященных проблемам со сном. Бессонница описывается как симптом, а не болезнь как таковая. Причем это симптом, который связывается с личными привычками человека, поэтому газеты, хотя и вполне сочувственно, предлагают поведенческие изменения, рассматривая лекарства и специальное лечение как «последнее пристанище». Напротив, храп расценивается как родственное пассивному курению явление, воздействующее на других людей, и как очевидная проблема со здоровьем, которая может привести к серьезным последствиям, например — к остановке дыхания во сне. Таким образом, не только врачи, но и журналисты играют важную роль в социальном процессе, ведущем к медиализации.

Литература

Nye R.A. The Evolution of the Concept of Medicalization in the Late Twentieth Century // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1995. Vol. 39. No. 2. P. 115–129.

Williams S.J. et al. Medicalization and Beyond: The Social Construction of Insomnia and Snoring in the News // Health. 2008. Vol. 12. No. 2. P. 251–268.

Wray S., Deery R. The Medicalization of Body Size and Women's Healthcare // Health Care for Women International. 2008. Vol. 29. No. 3. P. 227–243.

РОЛЬ БОЛЬНОГО (SICK ROLE)

Рабочее определение

Понятие, разработанное Толкоттом Парсонсом для объяснения социальных ожиданий в отношении болезни и поведения больного человека, отклонение от которых ведет к санкциям и социальной стигме.

Происхождение понятия

Когда человек заболевает, он ищет помощи профессионального врача, который обследует пациента, ставит диагноз и предписывает определенный курс лечения, направленный на восстановление его здоровья. Это, казалось бы, простой и самообъясняющийся процесс, но не для американского социолога Толкотта Парсонса, который заметил: хотя здоровье и болезнь кажутся простыми явлениями, лежащими за пределами социологии, есть серьезные основания полагать, что к ним следует подходить как к социальным явлениям, используя стандартные социологические понятия [Parsons, 1952]. Парсонс утверждал, что когда человек болен, он ведет себя определенным социально одобряемым образом, отклоняясь от которого, он может потерять статус больного. Парсонс также полагал, что существуют некие контролеры, или диспетчеры, за которыми закреплено право санкционировать наше заболевание, равно как и возвращать нас в здоровое состояние. Понятие «роль больного» утратило расположение социологов вместе с общим падением популярности функционализма в 1970–1980-е годы. Однако в социологии был проявлен некоторый интерес к его возрождению, прежде всего для использования в сравнительных исследованиях болезни в различных обществах.

Значение и интерпретация

Для социологов человек не просто болеет, но должен усвоить определенные нормы, соблюдения которых от него ожидает общество. Парсонс утверждал, что существует роль больного; общество навязывает индивидам то, как эту роль исполнять, что необходимо для минимизации возможного пагубного воздействия болезни на нормальное функционирование социальных институтов. Когда мы больны, зачастую становится невозможным продолжать ходить на работу, заниматься рутинными домашними делами и исполнять обычные роли в семейной жизни. Как результат, наша болезнь влияет на коллег по работе, членов семьи и друзей. Волны нашей неспособности полноценно участвовать в жизни общества распространяют бремя болезни на других, поэтому роль больного — это способ установить, что ожидается от больного человека и каким должно быть его поведение. По Парсонсу, человек должен научиться тому, как быть

больным, то есть он должен понимать, что ожидается от него, когда он болен, и применить это знание на практике в случае болезни.

Люди не несут личную ответственность за то, что больны. Их нельзя в этом обвинить. Болезнь рассматривается как результат физических причин, находящихся вне индивидуального контроля, и начало болезни не связано, как правило, с поведением и действиями больного человека. Далее, роль больного наделяет человека некоторыми правами и привилегиями, включая пропуск работы и освобождение от семейных обязанностей. Наконец, больной человек для выздоровления должен обратиться к врачу и согласиться стать пациентом, и этот момент — ключевой. Роль больного строго временна и условна и предполагает, что человек активно пытается выздороветь. Для принятия на себя роли больного человек должен получить санкцию профессионального врача, который легитимирует его притязания на то, что он болен. От пациента ждут сотрудничества в деле выздоровления путем исполнения предписаний врача. Однако больной, отказавшийся обратиться за помощью к врачу или не нуждающийся в консультации медицинского учреждения, ставит свой статус больного под угрозу.

Элиот Фрейдсон выделил три варианта роли больного, которые соответствуют различным типам и степеням заболевания [Friedson, 1970]. Первая из них — условно легитимная (*conditional legitimate*); она обычно кратковременна, исполняется теми, кто болен, но, как ожидается, достаточно быстро вылечится. Вторая — безусловно легитимная (*unconditionally legitimate*); относится к тем случаям, когда индивид имеет хроническое заболевание, требующее руководства, так как маловероятно, что оно будет вылечено полностью. Следовательно, ожидается, что такая роль больного станет постоянной; если больной не поправится, то он не будет стигматизирован и на него не будут наложены никакие санкции. Наконец, третья роль — нелегитимная (*illegitimate*); встречается тогда, когда человек страдает от заболевания, за которое он, как считается, несет ответственность по крайней мере отчасти. Заболевания, связанные с употреблением алкоголя, курением или ожирением, могут вызвать подозрения и стать основанием для стигматизации. Типология Фрейдсона позволяет нам понять основания, по которым к людям относятся по-разному, когда они больны.

Критические замечания

Тезис Парсонса о роли больного был крайне влиятельным. Он связывает индивидуальную болезнь с институциональной структурой общества. Но по мере заката функционализма этот тезис утрачивал свои позиции. Один из его недостающих элементов — реальный опыт того, что значит быть больным. Как человек переживает острое или хроническое заболевание и как это влияет на его самоидентификацию? Этот простой вопрос привел к многочисленным новым исследованиям в социологии медицины, которые обращали мало внимания на идеи Парсонса. Консенсусный характер его идей виделся как препятствие для точного описания многочисленных столкновений между пациентами и врачами. Эмпирические исследования после Парсонса содержат описание множества конфликтов, когда пациент бросает вызов компетенции и диагнозам медиков. Подобные вызовы стали, по-видимому, более распространенным явлением, если учитывать менее уважительное отношение к экспертам сегодня. Рост популярности альтернативной и дополнительной терапии показывает, что многие люди готовы выйти за пределы господствующей биомедицинской модели.

Сама роль больного является гораздо более сложной и менее определенной, чем это предполагала модель Парсонса. Люди, имеющие те или иные симптомы, могут годами уклоняться от визита к врачу, жить без поставленного диагноза и не исполнять роль больного. Тем не менее они очевидно больны. Кроме того, модель «роль больного» не принимает во внимание неправильные диагнозы, врачебные ошибки и халатность. Возможно, более серьезным является то, что заболеваемость населения смещается от острых заболеваний к хроническим (таких как диабет и артрит), но при этом отсутствует универсальный набор ролевых ожиданий в отношении людей, страдающих от хронических болезней, последствия которых многочисленны и разнообразны. Понятие «роль больного» сегодня может быть менее полезным, чем это было прежде.

Сохраняющаяся актуальность

Парсоновское понятие «роль больного» часто воспринимается как менее полезное в нынешнюю эпоху, когда потребители медицинских услуг лучше информированы и более рефлексивны,

чем почтенные получатели медицинской помощи 1950-х годов. Однако Брайан Тёрнер полагает, что большинство обществ вырабатывает роли больного, но эти роли различаются [Turner, 1995]. Во многих западных обществах, например, существует индивидуализированная роль больного, предполагающая, что срок пребывания в больнице с заболеваниями, не угрожающими жизни, очень короткий, время для посещений ограничено, а число посетителей строго контролируется. При этом в Японии нормой является более общинная роль больного. Пациенты, как правило, остаются в больнице и после окончания курса лечения, средняя продолжительность пребывания в больнице значительно больше, чем в западных странах. Посещения больных носят менее формальный характер, возможны коллективный прием пищи пациентом, членами его семьи и друзьями и долгое совместное времяпрепровождение. Тёрнер считает, что с помощью подобных сравнительных исследований ролей больного можно многое узнать о социальных основах здоровья. Роль больного может казаться простой и очевидной, однако, по мнению Клер Глентон, некоторые люди буквально сражаются за статус больного и, если им это не удастся, их зависимость от врачей даже возрастает [Glenton, 2003]. В своем исследовании людей, страдающих от болей в спине, Глентон показывает, что многие из них боятся того, что им не поверят, сочтя их симулянтами, ипохондриками или психически нездоровыми. По существу, их статус пациентов поддается проблемам адекватного представления заболевания для медицинской диагностики, что может вести к непризнанию их в роли больных. Глентон интерпретирует эти проблемы как провал в получении роли больного. Это показывает: описание Парсонса до сих пор имеет отношение к врачам и пациентам. Работа Глентон обеспечивает надежное свидетельство: несмотря на всеобщее предположение обратного, хронические заболевания не находятся за пределами действия его изначального тезиса.

Литература

Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. New York: Dodd, Mead, 1970.

Glenton C. Chronic Back Pain Sufferers: Striving for the Sick Role // Social Science and Medicine. 2003. Vol. 57. No. 11. P. 2243–2252.

Parsons T. The Social System. London: Tavistock, 1952.

Shilling C. Culture, the “Sick Role” and the Consumption of Health // British Journal of Sociology. 2002. Vol. 53. No. 4. P. 621–638.

Turner B.S. Medical Power and Social Knowledge. 2nd ed. London: Sage, 1995 (esp. Ch. 3).

White K. An Introduction to the Sociology of Health and Illness. London: Sage, 2009 (esp. Ch. 6).

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНВАЛИДНОСТИ (SOCIAL MODEL OF DISABILITY)

Рабочее определение

Подход, который видит причину неблагоприятного положения, связанного с инвалидностью, в обществе и его организации, а не в отдельном индивидуе.

Происхождение понятия

Вплоть до недавнего времени в западных обществах господствовала индивидуалистическая модель инвалидности, предполагавшая, что индивидуальные ограничения дееспособности или затруднения — главная причина проблем, которые испытывают инвалиды (люди с ограниченными возможностями) при поиске работы и передвижении, мешающие им быть полноценными гражданами. В индивидуалистической модели инвалидности телесные отклонения рассматриваются как причина определенной степени беспомощности, или функциональной ограниченности. Врачи играют в этой модели центральную роль, потому что их задача — поставить диагноз для лечения или реабилитации инвалидов. Индивидуалистическая модель инвалидности поэтому часто описывается как медицинская модель. Такая модель инвалидности подвергалась критике со стороны активистов появившегося в 1970-е годы движения за права людей с ограниченными возможностями.

В конце 1960-х годов в США и Великобритании был разработан альтернативный подход, отрицавший господствующую модель и рассматривавший инвалидность скорее как политическую, а не медицинскую проблему. Так возникла новая — социальная — модель инвалидности. Она разделила физические недостатки (индивидуальные проблемы, вроде отсутствия ко-

нечности) и беспомощность (неблагоприятное положение, вызванное организацией среды, игнорирующей людей с подобными недостатками). С тех пор социальная модель стала предметом многочисленных исследований и разработок и сильно повлияла на недавние законы о равных правах, целью которых было принудить различные организации к принятию разумных мер по обеспечению потребностей людей с ограниченными возможностями. Тем не менее в последние годы в адрес социальной модели был высказан ряд критических замечаний, требующих ее усовершенствования и учета реального опыта людей с ограниченными возможностями.

Значение и интерпретация

В Великобритании «Союз людей с физическими недостатками против изоляции» (Union of Physically Impaired against Segregation — UPIAS) в своем манифесте 1976 года принял радикальное определение инвалидности, основанное на разделении недостатка и беспомощности. Недостаток или дефект — это биомедицинское свойство индивида, в том числе не физические, сенсорные и интеллектуальные формы расстройств. В отличие от этого, беспомощность (инвалидность) больше не понималась как проблема отдельных индивидов, а определялась в терминах социальных барьеров, с которыми сталкиваются люди с недостатками, стремясь полноценно участвовать в жизни общества. Инвалидность теперь понималась как отрицание полноценного гражданства и форма дискриминации.

Майк Оливер — первый теоретик, разграничивший индивидуальные и социальные модели инвалидности [Oliver, 1983]. Социальная модель очень скоро оказалась в фокусе академических исследований и деятельности активистов. Она обеспечила последовательное объяснение причин возникновения социальных, культурных и исторических барьеров в отношении людей с ограниченными возможностями. Исторически многие барьеры, препятствующие полноценному участию людей с ограниченными возможностями в жизни общества, появились в период Промышленной революции, когда инвалиды были фактически исключены из рынка труда, поскольку капиталистические предприятия стали определять в качестве условия занятости индивидуально оплачиваемую работу. Многие люди с ограниченными

ми возможностями были не способны получить или сохранить свою работу, а ответ государства заключался в радикальном устрашении и институционализации инвалидности. Даже сегодня людей с ограниченными возможностями можно крайне редко увидеть на рабочем месте.

Социальная модель, зародившаяся в Великобритании, сильно повлияла на восприятие инвалидности. Это воздействие оказалось глобальным. Фокусируясь на устранении социальных препятствий на пути полноценного участия в общественной жизни, данная модель позволяет людям с ограниченными возможностями сконцентрироваться на политической стратегии. Некоторые исследователи утверждают, что, приняв социальную модель инвалидности, люди с ограниченными возможностями создали новое социальное движение. Придя на смену индивидуалистической модели, определявшей инвалидность в качестве причины беспомощности человека, социальная модель, понимающая беспомощность как результат угнетения, была воспринята многими людьми с ограниченными возможностями как освободительная.

Критические замечания

С конца 1980-х годов критика социальной модели инвалидности шла по нескольким направлениям. Ряд критиков полагает, что социальная модель зачастую не уделяет должного внимания физическому недостатку, который является главным в жизни многих инвалидов и связан с опытом болезненности и дискомфорта. Торн Шекспир и Николас Уотсон утверждают: «Мы не только люди с ограниченными возможностями, мы также люди с физическими недостатками, и делать вид, что это не так, значит игнорировать основную часть нашей биографии» [Shakespeare, Watson, 2002]. В ответ защитники социальной модели подчеркивают, что она не столько отрицает повседневный опыт инвалидов, сколько стремится обратить внимание на социальные барьеры, препятствующие их полноценному участию в жизни общества.

Социологи медицины часто отрицают социальную модель, утверждая, что лежащее в ее основании разделение физического недостатка и беспомощности (инвалидности) ложно. Такие критики заявляют, что социальная модель отделяет физический

недостаток, определяемый биомедицински, от инвалидности, определяемой социально. Социологи медицины рассматривают и физический недостаток, и инвалидность как социально конструируемые и тесно взаимосвязанные явления. Например, не просто определить, где кончается одно и где начинается другое. Неудачный пандус для инвалидов колясок создает социально сконструированный барьер для тех, кто использует коляски, однако существует множество случаев, когда нельзя устранить все источники беспомощности людей с ограниченными возможностями. Некоторые критики утверждают, что состояния, связанные с постоянными болями, или существенные интеллектуальные ограничения не позволяют индивиду полноценно участвовать в жизни общества и подобные ситуации невозможно исправить путем социальных изменений, поэтому всесторонний подход к инвалидности должен учитывать беспомощность, причинами которой выступают не только социальные структуры, но и физические недостатки.

Сохраняющаяся актуальность

Социальная модель стала выражением радикального движения не только в сфере академических исследований инвалидности, но и в области политического взаимодействия людей с ограниченными возможностями с остальным обществом. Несмотря на критику социальной модели, представляется, что пока не существует серьезных альтернатив, способных бросить ей вызов. Социальная модель трансформировала само понятие «инвалидность». Социология инвалидности стала возможной лишь после введения этого понятия. Помимо прочего, социальная модель показала, что инвалидность не может быть отдана на откуп профессиональным медикам; она требует изучения и в рамках социальных наук.

Социальная модель инвалидности была использована для изучения некоторых социальных барьеров при использовании Интернета в Китае [Guo, Bricout, Huang, 2005]. Опрос 122 респондентов из 25 провинций Китая показал, что лишь малая часть людей с ограниченными возможностями являются пользователями Интернета, однако именно для них Интернет увеличивал частоту и качество социальных взаимодействий и

снижал социальные барьеры, позволяя поддерживать связь с гораздо большим, чем в реальном мире, количеством людей. При этом исследование показало, что в Китае возникает четкое цифровое деление внутри людей с ограниченными возможностями: большинство из них до сих пор не имеет доступа к Сети. Социальная модель инвалидности предполагает, что решение указанной проблемы может быть найдено путем реорганизации существующего социального порядка и реформировании социальной политики государства.

Литература

Barnes C., Mercer G. Disability. Cambridge: Polity, 2008 (esp. Ch. 1, 2).

Gabel S., Peters S. Presage of a Paradigm Shift? Beyond the Social Model of Disability toward Resistance Theories of Disability // *Disability and Society*. 2004. Vol. 19. No. 6. P. 585–600.

Guo B., Bricout J., Huang J. A Common Open Space or a Digital Divide? A Social Model Perspective on the Online Disability Community in China // *Disability and Society*. 2005. Vol. 20. No. 1. P. 49–66.

Oliver M. Social Work with Disabled People. Basingstoke: Macmillan, 1983.

Sapey B. Disability and Social Exclusion in the Information Society // Swain J. et al. (eds). *Disabling Barriers — Enabling Environments*. London: Sage, 2004. P. 273–279.

Shakespeare T., Watson N. The Social Model of Disability: An Outdated Ideology? // *Research in Social Science and Disability*. 2002. Vol. 2. P. 9–28.

СОЦИАЛЬНАЯ САМОСТЬ (*SOCIAL SELF*)

Рабочее определение

Структура самосознания, формирующаяся как результат реакций индивидуального человеческого организма на реакции на него других людей.

Происхождение понятия

Как часто говорят, человек — единственное создание, знающее, что оно существует и что умрет. Социологически это означает, что человек осознает себя. Концепция Джорджа Герберта Мида о том, как порождается самость, является одной из самых влия-

тельных и подлинно социологических теорий формирования самости [Mead, 1934]. Мид настаивал на том, что социологический подход совершенно необходим, если мы хотим понять, как возникает и развивается самость. Именно идеи Мида легли в основу традиции символического интеракционизма в социологии. Он полагал, что хотя, сформировавшись, самость сводится к способности обдумывания, она воплощена и существует в реальном человеческом индивиду, и, в отличие от некоторых схожих понятий, типа «душа» или «дух», не может рассматриваться отдельно.

Значение и интерпретация

Теория Мида пытается понять, как благодаря подражанию и игре у детей формируется восприятие себя как социальных существ. Можно наблюдать, как маленькие дети подражают действиям родителей и других детей. Они будут лепить куличики в песочнице, увидев, как взрослые готовят пищу, или копать землю ложкой, наблюдая за работой взрослых в саду, или чистить ковер игрушечным пылесосом. Это начало процесса формирования самости. Переход к играм в возрасте четырех-пяти лет знаменует следующий этап этого процесса. Участие в игре предполагает, что ребенок должен начать справляться с социальными аспектами ролей, а не просто подражать действиям, которые он видит. Дети разыгрывают роли взрослых. Мид называл это принятием на себя роли другого, которое требует, чтобы ребенок видел свои действия в игре с точки зрения других людей. Именно в этой точке начинает возникать социальная самость. Принимая на себя роль другого и видя себя практически извне, ребенок достигает понимания себя как отдельной от других личности.

Теория Мида основана на идее двучастной самости: «I» («Я») и «Me» («Мне», «Меня»). «I» — это человеческий организм, не социализированный элемент самости. Развитие «Me» происходит в ходе социальных взаимодействий, при подражании и во время игры, как отмечалось выше. Социальное «Me» начинает формироваться в возрасте восьми-девяти лет, когда дети, как правило, принимают участие в организованных, а не спонтанных, играх с большим числом игроков. Чтобы освоить организованные игры, ребенок должен понимать не только их прави-

ла, но и свое место в игре наряду с другими существующими в ней ролями. Ребенок начинает видеть себя как будто со стороны и вместо какой-то одной роли принимает на себя роль «обобщенного другого». Тем самым становится возможным развитие самосознания, инструментом которого является внутренний диалог между единоличным, организменным «I» и социально произведенным «Me». Такой внутренний диалог, часто относимый к способности размышлять, есть способ беседы с самим собой. Развитие чувства самости — это фундамент, на котором конструируются крайне сложные личные и социальные идентичности.

Критические замечания

Один из пунктов критики теории Мида состоит в том, что процесс формирования самости представляется в ней сравнительно непроблематичным. Однако другие исследователи полагали, что этот процесс полон конфликтов и эмоционального смятения, которые могут повлиять на всю оставшуюся жизнь. Особенно это характерно для ранней социализации, когда дети приобретают чувство гендерной идентичности. Зигмунд Фрейд и его последователи утверждали, что бессознательное играет гораздо большую роль в формировании самости и гендерной идентичности, чем это допускает теория Мида. Процесс, в ходе которого мальчики и девочки разрушают свои тесные связи с родителями, для многих из них может оказаться травматичным. Даже в тех случаях, когда процесс проходит относительно гладко, он может привести к тому, что люди вырастают с проблемами в личных отношениях. Формирование самости — трудный процесс, включающий подавление неосознанных желаний. Этот аспект в теории Мида отсутствует. Ряд критиков считал, что Мид практически не затрагивает вопрос о влиянии несбалансированности властных отношений между родителями на социализацию детей, результатом чего может стать формирование расколотой, полной напряжений и противоречий самости.

Сохраняющаяся актуальность

Теория Мида оказалась очень важной для развития социологии. Это была первая по-настоящему социологическая теория

формирования самости, которая настаивала на том, что если мы хотим правильно понять самих себя, то должны начать с социального процесса взаимодействия между людьми. Мид показал, что самость не есть врожденная часть нашей биологии и не появляется как простое следствие развития человеческого мозга. Изучение человеческой самости не может быть отделено от исследования общества и требует социологического подхода.

Мы можем воспринимать себя как индивидов, но что происходит с нашей самостью в системе интимных отношений, и как их распад влияет на самость? Этот вопрос исследуется в работе, посвященной разрыву романтических отношений и его влиянию на представление людей о себе [Slotter, Gardner, Finkel, 2009]. В прочных романтических отношениях самости двух людей тесно связаны друг с другом и менее четко определены, о чем свидетельствует постоянное использование слов «мы», «наш», «нас». Окончание подобных отношений зачастую знаменуется душевными страданиями и печалью, но также может вести к изменениям в содержании и структуре самости по мере того, как люди изменяют свою жизнь. Исследование показывает, что многие люди после расставания переживают внутреннюю неразбериху и ощущают собственную незначительность. Герберт Мид и Норберт Элиас утверждали, что наш опыт собственной индивидуальности в действительности искажает тот факт, что самость неизбежно является социальной и формируется во взаимодействиях и отношениях с другими людьми.

В социологии активно обсуждают радикальные социальные изменения последних десятилетий — глобализацию, распространение информационных технологий, массовые миграции, путешествия, сжатие пространства и времени, реструктуризацию гендерных отношений и проч. Можно ожидать, что подобные изменения оказывают значительное влияние на самость человека. Мэтью Адамс объединяет подходы к макросоциальным изменениям и теории изменения форм самоидентификации [Adams, 2007]. К примеру, некоторые теоретики предполагают, что по мере ослабления классовой идентификации, индивидуальная самость человека оказывается без поддержки и становится все более подверженной неопределенности и анонимии. Другие же рассматривают подобное изменение как открытие возможностей для более рефлексивных форм социальной самости, способной воспользоваться преимуществами новых

свобод. Исследование Адамса помогает понять новейшие теории крупномасштабных социальных перемен и их влияние на формирование самости человека.

Литература

Adams M. Self and Social Change. London: Sage, 2007.

Burkitt I. Social Selves: Theories of Self and Society. 2nd ed. London: Sage, 2008.

Mead G.H. Mind, Self and Society / ed. by C.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

Slotter E.B., Gardner W.L., Finkel E.J. Who am I without You? The Influence of Romantic Break-Up on the Self Concept // Personality and Social Psychology Bulletin. 2009. Vol. 36. No. 2. P. 147–160.

СТИГМА (*STIGMA*)

Рабочее определение

Физические или социальные характеристики, которые определяются как унижительные или социально неприемлемые и влекут за собой позор, общественную изоляцию и дискриминацию.

Происхождение понятия

Социологические исследования стигмы и процессов стигматизации проводились начиная с 1960-х годов, преимущественно в рамках символического интеракционизма. Некоторые ранние работы — например, книга Ирвинга Гоффмана 1963 года, — выдвигали теории о дискриминационном действии процессов стигматизации и о том, как на это отвечает стигматизированный человек [Goffman, 1990]. По Гоффману, существуют несколько важных различий в зависимости от типа стигмы, которые влияют на то, до какой степени люди могут управлять собственной идентичностью и защищать свое чувство самости. Другим источником представлений о стигме является деятельность движения людей с ограниченными возможностями. Важным вызовом индивидуалистической модели инвалидности стала работа Пола Ханта «Стигма: опыт инвалидности», в которой автор утверждал, что проблемы инвалидов возникают не столько из их физических недостатков, сколько из взаимодействия со здоро-

выми людьми, приводящего к стигматизации беспомощности [Hunt, 1966]. В последнее время понятие «стигма» успешно используется для изучения положения людей, больных СПИДом и страдающих другими заболеваниями.

Значение и интерпретация

Наиболее успешный и систематизированный подход к производству стигмы представлен Ирвингом Гоффманом. Его работы — яркий пример тесной связи между социальной идентичностью и воплощенностью. Гоффман показывает, как некоторые физические аспекты человеческого тела становятся проблемой в случае, если они были категоризованы другими как источники стигмы. Например, инвалиды могут стигматизироваться на основе наблюдаемых физических недостатков. Тем не менее не все источники стигматизации являются физическими: стигма может быть связана с фактами биографии, изъянами характера или личными отношениями.

Стигма имеет различные формы. Физическую стигму, вроде видимого телесного недостатка, зачастую сложно или даже невозможно скрыть от других, и это может, как утверждает Гоффман, затруднить управление идентичностью. В этом случае стигму можно обозначить как *дискредитированную*, то есть такую, которая должна быть опознана во взаимодействиях. Биографическую стигму (например, наличие судимостей в прошлом) легче скрыть от других. В этом случае можно говорить о *дискредитирующей* стигме, которая приводит к стигматизации, если станет широко известна. Управлять этим типом стигмы легче, но она должна оставаться под постоянным контролем. *Характерологическая* стигма, ассоциируемая, например, с наркоманами, может также быть дискретитирующей, но может стать и дискредитированной, если человек был замечен в дурной компании. Нужно отметить: Гоффман не полагает, что люди *должны* скрывать стигму; он лишь пытается понять, как работает процесс стигматизации в реальном мире и какие стратегии люди используют, чтобы этого избежать.

Гоффман полагал, что стигма — это социальное отношение обесценивания, в котором человек лишается полного социального признания со стороны других. Стигматизация часто проявляется в медицинском контексте, когда человек становится

больным и изменяется его идентичность — иногда временно, но порой (как в случае хронических заболеваний) навсегда. Гоффман подчеркивал, что неотъемлемой частью процесса стигматизации является социальный контроль. Стигматизация групп — один из способов, с помощью которого общество контролирует их поведение. В отдельных случаях стигма не снимается никогда и человек никогда не становится полностью принятым в общество. Так было со многими первыми больными СПИДом, таково положение подобных больных в некоторых странах и сейчас.

Гомосексуальность в течение долгого времени была стигматизирована во многих странах по всему миру. *Гомофобия*, термин, появившийся в конце 1960-х годов, обозначает отвращение или ненависть к гомосексуалистам и их стилю жизни, а также поведение, основанное на этом отвращении. Она может принимать форму унижения и оскорбления, но также и прямого насилия. В 2016 году вооруженный мужчина расстрелял геев в ночном клубе Орlando во Флориде, убив 49 и ранив 53 человека. Это самый страшный массовый расстрел в истории США. Долгое время одним из главных мест гомофобии оставались школы. Слова типа «roof» («педик»), «queer» («гомик»), «sissy» («девочка», «неженка») имели и продолжают иметь широкое хождение на школьных спортивных площадках. Учитывая, что детство имеет решающее значение для формирования социальной самости, гомофобия в школах стала рассматриваться как ключевой аспект воспроизводства гетеросексизма в обществе. Сара Неттлтон отмечает, что поскольку первоначально СПИД в США был обнаружен у геев, его первым названием было «гей-связанный иммунодефицит» (Gay Related Immune Deficiency, GRID) [Nettleton, 2013]. Предполагалось, что действительной причиной заболевания является особый стиль жизни геев, поэтому в СМИ СПИД часто назывался «чума геев». Несмотря на ложность это предположения, эпидемиологические интерпретации геев как части группы риска усиливали разделение между подобными группами и «гетеросексуальной общественностью».

Критические замечания

Одной из проблем исследований стигмы является недостаточный интерес к сопротивлению процессам стигматизации. На индивидуальном уровне люди могут просто отказаться при-

знать стигму, хотя в изоляции это едва ли принесет успех. Но коллективные формы сопротивления могут иметь важное значение при оспаривании стигмы. Движения людей с ограниченными возможностями или геев и лесбиянок бросают вызов общепринятым интерпретациям их дискредитированных и дискредитирующих стигм зачастую путем протеста или акций прямого действия. Заметные символические протесты, борьба с дискриминационным языком и наклеиванием ярлыков направляли организованное давление с требованием перемен и законодательного обеспечения равенства прав и в конечном счете способствовали изменению общественных установок. Процессы стигматизации, возможно, более открыты к изменениям, чем это допускалось ранними теориями.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «стигма» сохраняет свою полезность. Недавние исследования самоповреждающего поведения, например, показывают, что люди, занимающиеся членовредительством, хорошо осознают возможность стигматизации собственного поведения и выбирают те части тела, которые легче скрыть в общественных местах, для того чтобы избежать превращения своей *дискредитирующей* стигмы в *дискредитированную*. Аналогичным образом, исследования пищевых расстройств (например, анорексии) показывают, что люди прилагают многочисленные усилия, чтобы скрыть свое поведение и сохранить управление представлением себя и собственной идентичностью, тем самым избегая потери контроля и стигматизации.

Сохраняющаяся актуальность понятия «стигма» очевидна на примере проведенного в Таиланде исследования ярлыков сексуальной распущенности и СПИДа [Chan, Rungrueng, Reidpath, 2009]. Это исследование использует подход смешанной методологии для выяснения того, каким образом медсестры в Бангкоке воспринимают риск заразиться СПИДом в процессе выполнения своих профессиональных ролей. Авторы выяснили, что страх медсестер в отношении ВИЧ-инфекции коренится главным образом в общественном остракизме, который они связывали с ВИЧ-инфицированными, а не в медицинских последствиях инфекции. Несмотря на то что медсестры прекрасно знали о крайне низкой вероятности заражения в больнице, они

все равно испытывали страх, который поддерживался тем, что они воспринимали как социальные последствия ВИЧ. Социальный страх усиливался непосредственным наблюдением за тем, как стигматизировались их пациенты.

Гоффман утверждал, что стигматизация может затронуть почти любой аспект жизни человека. Каролин Говарт проанализировала, как концептуализация расы в качестве социальной стигмы способна помочь понять процесс стигматизации расы, а также то, как сообщества могут оспорить и изменить процессы, ведущие к дискриминации [Howarth, 2006]. Используя материалы трех качественных социологических исследований, Говарт утверждает, что стигму, связанную с расой, нельзя скрыть или замаскировать, а сопротивление и попытки ниспровергнуть режим стигматизации могут быть только коллективными. Статья описывает различные примеры такого сопротивления в школе и церковных приходах. Его цель — обеспечение особого социально-психологического пространства, в котором стигматизации может быть брошен вызов.

Литература

Chan K.Y., Rungpueng A., Reidpath D. AIDS and the Stigma of Sexual Promiscuity: Thai Nurses' Risk Perceptions of Occupational Exposure to HIV // *Culture, Health and Sexuality*. 2009. Vol. 11. No. 4. P. 353–368.

Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin, 1990 (esp. Ch. 1, 2) [1963].

Green G. The End of Stigma: Changes in the Experience of Long-Term Illness. London: Routledge, 2009 (esp. Ch. 1, 2).

Howarth C. Race as Stigma: Positioning the Stigmatized as Agents, Not Objects // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2006. Vol. 16. No. 6. P. 442–451.

Hunt P. Stigma: The Experience of Disability. London: Chapman, 1966.

Nettleton S. The Sociology of Health and Illness. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2013.

Тема 9. Преступность и социальный контроль

АНОМИЯ (ANOMIE)

Рабочее определение

Чувство серьезной тревоги и страха, которое является результатом отсутствия эффективных социальных норм и возникает, как правило, в периоды быстрых социальных изменений.

Происхождение понятия

Социальные изменения в эпоху модерна так быстры, что зачастую порождают множество социальных проблем, поскольку происходит разрушение традиционных стилей жизни, морали, религиозных верований и повседневной рутины, а на смену принятым нормам порой ничего не приходит. Эмиль Дюркгейм связывал подобные условия нестабильности с аномией, то есть с чувством бесцельности, страха и отчаяния, когда люди не понимают, как жить дальше. К примеру, традиционные моральные правила и стандарты, обеспечиваемые организованной религией, были подорваны индустриальным капиталистическим развитием. Без подобных моральных правил и норм поведения, регулировавших повседневную жизнь, многие люди испытывали чувство страха, неопределенность, были дезориентированы. Именно это состояние Дюркгейм описывал как аномию.

Позднее это общее понятие использовалось Робертом Мёртоном в США, однако он изменил его значение, применив в эмпирических исследованиях преступности и девиантности. По Мёртону, аномия существует тогда, когда люди испытывают напряжение между культурными целями общества и способностью индивида их достичь. В XXI веке Стивен Месснер и Ричард Розенфелд создали модифицированный вариант теории аномии — теорию институциональной аномии, связанную с ситуациями, когда рыночная этика подрывает и аннулирует социальные нормы, регулирующие поведение человека [Messner, Rosenfeld, 2001].

Значение и интерпретация

Человека, совершающего преступление и акты девиации, кажется разумным признать рациональным существом, точно знающим, что именно он делает. Однако социологи выяснили: существуют паттерны преступности и девиантности, которые изменяются в зависимости от гендера, класса и этнической группы, что вызывает вопросы о причинах подобной изменчивости. Например, почему одни социальные группы совершают больше преступлений, чем другие? В сравнительно богатых странах, где даже самые бедные группы обладают значительными материальными благами и живут лучше, чем предыдущие поколения, уровень преступности до сих пор довольно высок. Роберт Мёртон использовал дюркгеймовское понятие «аномия», чтобы дать этому объяснение и показать, что сама структура американского общества является частью ответа на поставленный вопрос.

Мёртон начал с анализа официальной статистики по многим развитым странам: большая часть корыстных преступлений, направленных на получение немедленной денежной наживы, было совершено представителями низшего рабочего класса — во времена Мёртона так обычно обозначались неквалифицированные рабочие, занятые ручным трудом [Merton, 1938]. Мёртон отмечает, что американское общество зиждется на определенных общих культурных ценностях, которые стимулируют стремление к материальному успеху как легитимной цели и поощряют самодисциплину и упорный труд в качестве средства для ее достижения. Представление о том, что человек любого происхождения может преуспеть, если будет усердно трудиться (при этом не важна стартовая позиция), известно как «американская мечта», которая стала в высшей степени привлекательной для многих групп мигрантов, поселившихся в США. Мёртон поясняет, что для социальных групп низшего рабочего класса эта мечта стала идеологией, маскирующей тот факт, что легитимные возможности успеха открыты вовсе не для всех. Те, кто, несмотря на усердный труд, не достигает высокого материального благосостояния, обнаруживают, что их осуждают за явную неспособность добиться успеха. Хуже того, их обвиняют в том, что они недостаточно упорно работали. Это оказывает на них огромное давление, и они пытаются догнать других, часто — незаконными путями. Результатом работы подобных механизмов становится высокий уровень корыстных преступле-

ний, совершаемых выходцами из указанных социальных групп, так как они испытывают *социальное напряжение* между глубоко укорененными культурными ценностями и собственной социальной позицией.

Иными словами, Мёртон утверждал, что США представляют собой общество с высокой степенью неравенства и социальной разобщенности, поощряющее цели, достичь которых может лишь немногочисленная его часть. Многие, особенно, молодые представители рабочего класса, усваивают культурные цели и стремятся к символам материального успеха — технологическим новинкам, автомобилям, одежде. Однако для получения этих символов вынуждены совершать преступления — квартирные кражи, ограбления магазинов, перепродажу краденого. Мёртон говорит о том, что молодежь изобретательна в плане средств, доступных для достижения тех или иных целей, поэтому молодых выходцев из рабочего класса так непропорционально много в официальной статистике преступлений и тюремной статистике. Напряжение, толкающее некоторых людей на преступление, порождается все не индивидуальными изъянами характера, а глубоким и продолжительным социальным неравенством.

Критические замечания

Некоторые критики отмечают, что, фокусируясь на индивидуальных реакциях на социальное напряжение, Мёртон недооценил значимость субкультур в поддержании девиантного поведения. Если все представители низшего рабочего класса находятся в социальной позиции, исходя из которой они испытывают социальное напряжение, или аномию, почему далеко не все они совершают преступления? Формирование бандитских групп и девиантных субкультур помогает объяснить это: большая часть людей внутри этого класса не совершают преступлений, однако те, кто все-таки их совершает, часто объединяются в банды, чтобы легитимировать собственные действия. Ориентация Мёртона на официальную статистику также проблематична, так как ее данные неполны и ненадежны. Некоторые социологи настаивают на том, что официальная статистика вообще не должна использоваться в качестве источника информации. Если Мёртон переоценивает количество преступлений, совершенных представителями низшего рабочего класса, то он явно недооцени-

вает количество преступлений, совершенных представителями среднего класса. Недавние исследования преступности среди белых воротничков и корпоративной преступности показали удивительно высокий ее уровень — мошенничества, хищения средств, нарушения правил безопасности, охраны труда и т.д. Подобные корыстные преступления, совершенные людьми, уже достигшими материального успеха, совершенно не учитываются в теории Мёртона.

Сохраняющаяся актуальность

Творческое применение Мёртоном дюркгеймовского понятия имело большое значение, так как обновило это понятие для использования в других областях исследования. Вопрос Мёртона о том, почему в период экономического роста и увеличения благосостояния общества растет уровень преступности, затрагивал важную социальную проблему американского общества. Ответ Мёртона состоял в следующем: усиление ощущения относительно ухудшающегося положения среди тех, кто чувствует себя «оставленным за бортом», и серьезное социальное напряжение. Это заключение привлекло внимание к устойчивой роли классовых делений в США, несмотря на то что страна представляла себя как относительно бесклассовое, открытое общество.

Аргументы Мёртона были релевантны для 1940–1950-х годов. Однако насколько они применимы к реалиям XXI века? Эрик Баумер и Рейган Густафсон проанализировали массив официальных данных по США, в том числе Единые отчеты о преступности (Uniform Crime Reports), составляемые ФБР, и Общее социальное обследование (General Social Survey) [Baumer, Gustafson, 2007]. Исследователи выяснили, что уровень преступности оставался высоким в тех сферах, где сохранялась сильная приверженность к финансовому успеху наряду со слабой приверженностью к законным способам его достижения. Таково центральное положение современной теории аномии. Данное исследование обеспечивает некоторые статистические данные в поддержку мёртоновской теории социального напряжения.

Эллин Уэринг, Дэвид Вейсбурд и Эллен Чайет рассмотрели вопрос о том, может ли теория аномии что-то предложить изучению «беловоротничковой» преступности [Waring, Weisburd, Chaet, 2000]. Несмотря на общее мнение, что не может, это ис-

следование предлагает ряд способов расширения типологии Мёртона, чтобы сделать возможным учет преступности в среднем классе. Авторы напоминают, что Мёртон не предполагал прямой связи между бедностью и преступностью, рассматривая «белых воротничков» как новаторов, принимающих культурные цели материального успеха, но изобретающих новые средства их достижения. На низких беловоротничковых должностных позициях мошенничество, хищение и другие преступления обычно не связаны с большими денежными суммами, однако существует сходное напряжение между целями и средствами, зачастую создаваемое блокированием возможностей продвижения вследствие классовой, гендерной или этнической принадлежности или же уровня образования. В принципе, некоторые типы «беловоротничковой преступности» объяснимы в терминах Мёртона.

Еще в одно интересном исследовании [Teh, 2009] также привлечена теория Мёртона (и аргументы Месснера и Розенфелда) при анализе роста преступности в Малайзии в период стремительного экономического роста. Теория Мёртона, как представляется, сохраняет свое значение даже в случае выхода за пределы развитых стран, для которых она была первоначально разработана, что позволяет предположить возможность общей социологической теории преступности.

Литература

Baumer E.P., Gustafson R. Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classic and Contemporary Anomie Theories // *Criminology*. 2007. Vol. 45. No. 3. P. 617–663.

Merton R.H. Social Structure and Anomie // *American Sociological Review*. 1938. Vol. 3. No. 5. P. 672–682.

Messner S.F., Rosenfeld R. Crime and the American Dream. Belmont, CA: Wadsworth, 2001.

Teh YikKoon. The Best Police Force in the World Will Not Bring Down a High Crime Rate in a Materialistic Society // *International Journal of Police Science and Management*. 2009. Vol. 11. No. 1. P. 1–7.

Waring E., Wesiburd D., Chayet E. White Collar Crime and Anomie // *Laufer W.S.* (ed.). *The Legacy of Anomie Theory*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2000. P. 207–277.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ (RESTORATIVE JUSTICE)

Рабочее определение

Теория и процесс уголовного судопроизводства, направленного на возмещение нанесенного жертве преступления вреда и требующего вовлечения всех заинтересованных сторон.

Происхождение понятия

Восстановительное правосудие — это форма общинного правосудия. Оно представляет собой отход от карательного (направленного на наказание) правосудия развитых стран. Однако правосудие, основанное на общинном, имеет длительную историю, связанную, как правило, с небольшими, не имеющими государства обществами прошлого. В таких обществах правосудие включало урегулирование споров и разногласий: правонарушители и их семьи возмещали вред своим жертвам и сообществу в целом [Strickland, 2004, р. 2–3]. Системы карательного правосудия, широко распространенные в наши дни, могут рассматриваться как относительно новые — их история начинается лишь в XVIII веке. Изобретение и все более широкое распространение практики тюремного заключения в качестве наказания за любые виды преступления являются очевидным свидетельством отхода от общинного правосудия. Современное движение за восстановительное правосудие, черпавшее вдохновение в восстановительных моделях сообществ маори в Новой Зеландии и аборигенных групп Австралии [McLaughlin et al., 2003], возникло в конце 1970-х годов. Однако, по мнению криминологов, импульсами этого движения стали растущее разочарование конвенциональной карательной политикой, неизменно высокий уровень рецидивов и ощущение, что «ничего не работает».

Значение и интерпретация

Восстановительное правосудие — это форма уголовного, общинного правосудия, принуждающая правонарушителей признать влияние их поведения на жертвы, их семьи и сообщество в целом. В этом отношении оно начинается с допущения, что правонарушитель является неотъемлемой частью своего общества. Карательное правосудие перемещает преступников

в тюрьмы, зачастую находящиеся очень далеко от места преступления и от сообщества. Тем самым оно защищает преступников от последствий их действий. Защитники системы восстановительного правосудия утверждают: преступники должны быть поставлены перед лицом последствий совершенных им действий, что позволит реинтегрировать их в общество [Graef, 2001]. Восстановительные процессы, таким образом, нацелены на поиск новых творческих путей снижения рецидивизма через придание жертве и сообществу ключевой роли в системе правосудия.

Один из главных основателей восстановительного правосудия — Джон Брейтуэйт. Он утверждает, что восстановительное правосудие является наиболее эффективным, если основывается на «реинтегрирующем пристыжении» (*reintegrative shaming*) [Braithwaite, 1999]. Преступники принуждаются к острому осознанию порицания, исходящего как от жертвы, так и от общества, способом, который побуждает их «свободно выбрать согласие» с этим порицанием. Достижение подобного эффекта должно основываться на трех принципах: взаимное уважение; взаимные обязательства друг перед другом; неприятие преступного поведения [Van Ness, Strong, 2010, p. 104]. По Брейтуэйту, пристыжение — лучший способ передать преступникам обостренное негодование их жертв и побудить их принять на себя гражданскую ответственность за содеянное. Однако пристыжение может легко стать стигматизацией, которая превратит нарушителя в аутсайдера, толкая его к криминальной карьере в девиантной субкультуре, поэтому важно, чтобы процесс правосудия оставался реинтегрирующим и верным упомянутым выше базовым принципам [Strang, Braithwaite, 2001].

В восстановительном правосудии от преступников могут потребовать встреч или общения с их жертвами, обычно — через ту или иную форму посредничества. Это позволяет жертвам задавать вопросы, выражать прямо свои чувства, получать формальные извинения, делать ясными последствия действий преступника и способно помочь жертвам жить дальше. Такие практики побуждают преступников принять ответственность за свои действия, осознать, как их преступление влияет на других, и пересмотреть свое будущее поведение [Liebmann, 2007, p. 29]. Однако еще один элемент восстановительного правосудия — возмещение нанесенного вреда. Несмотря на то что тюремное заключе-

ние, возможно, до сих пор является наиболее уместным наказанием за серьезные насильственные преступления, гораздо более вероятно, что в большинстве случаев лучше подойдут меры наказания, учитывающие интересы общин. Это может быть оказание определенных услуг сообществу, выполнение неоплачиваемой работы или содействие в реализации проектов сообщества.

Критические замечания

Использование чувства стыда в системе правосудия неодинаково подходит для всех типов преступников. Большая часть литературы и примеров восстановительного правосудия сосредоточена на схожих преступлениях: незаконное проникновение в жилище, воровство, домашнее насилие, угоны автомобилей и вандализм. Есть ряд примеров успешной реинтеграции, но при этом наблюдается реальный недостаток надежных эмпирических данных в поддержку представления, что восстановительное правосудие сокращает число рецидивов. Можно ли полагать, что члены организованных банд, насильники, убийцы и педофилы станут ответственными гражданами после «реинтегрирующего пристыжения»? Возможно, неслучайно модель восстановительного правосудия заимствуется у небольших, относительно однородных сообществ, в которых возмещение вреда имеет наибольшие шансы на успех. В больших мультикультурных городах и городских районах обезличенность и сегрегация являются нормой. В данном контексте очень трудно понять, что имеется в виду под сообществом. А в отсутствие такого определения пристыжение и восстановительные меры вряд ли будут иметь хоть какую-нибудь силу.

Некоторые ученые не согласны также с принципами, лежащими в основании восстановительного правосудия. Аннализ Экорн утверждает, что диалог и поиски согласия — лучший способ урегулирования последствий преступлений и разногласий, с ними связанных [Acorn, 2004]. Однако мысль о том, что восстановительное правосудие может стать основой всей системы правосудия, ошибочна и, возможна, опасна. Экорн считает, что все системы правосудия — это способы урегулирования отношений между людьми, особенно в тех случаях, когда отсутствуют обоюдное уважение, взаимопонимание и сострадание. Восстановительное правосудие поэтому отражает неспособность или нежелание

видеть реалии современной жизни, в которой упомянутые качества в явном дефиците. Восстановительное правосудие на самом деле не содержит подлинную концепцию правосудия, но просто «связано с вековой надеждой человечества на соединение любви и справедливости» [Acorn, 2004, p. 22]. Предложения демонтировать существующую систему правосудия в пользу подобной неземной сентиментальности чрезвычайно опасны.

Сохраняющаяся актуальность

Будучи сравнительно недавним изобретением, система восстановительного правосудия до сих пор проходит апробацию во многих странах и на целом ряде различных преступлений и актов девиации. Вопрос о том, действительно ли эта система уменьшает число рецидивов, остается открытым. Одна из активно развивающихся областей исследований — систематический анализ и оценка восстановительных подходов в правосудии, и здесь следует ожидать интересных результатов. Но уже сейчас некоторые социологи выдвигают предположение, что всех преимуществ восстановительного правосудия продемонстрировать только показатели рецидивизма не могут. К таким преимуществам относятся удовлетворенность жертв и возрастающая вовлеченность сообществ в работу правовой системы.

Данный аспект находится в центре внимания исследования, которое строилось на сравнении в одном из городов Великобритании полицейских предупреждений старого стиля и предупреждений в новом стиле восстановительного правосудия [Young, Goold, 2003]. Полицейские предупреждения обычно выносятся в участке. Их цель — избежать доведения мелких правонарушений до суда, где унижающее достоинство пристыжение может быть воспринято как несправедливость, что, в конце концов, ведет к принятию правонарушителем девиантной идентичности. Однако авторы исследования утверждают, что вынесение обычных предупреждений в полиции принимает форму «головомойки», поэтому является не менее унижительным. Восстановительные предупреждения длятся намного дольше (как правило, 30–40 минут), что позволяет правонарушителю описать свой проступок, а жертве — задать вопросы и рассказать о своих чувствах. Ричард Янг и Бенджамин Гулд отмечают, что новая восстановительная модель важна тем, что вовлекает в правосудие жертву преступления

и носит достаточно открытый характер по сравнению со старой системой. Основным критерием ее оценки не должно быть количество предотвращенных рецидивов.

Литература

Acorn A. Compulsory Compassion: A Critique of Restorative Justice. Vancouver: UBC Press, 2004.

Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge: Cambridge University Press, 1999 [1989].

Graef R. Why Restorative Justice? Repairing the Harm Caused by Crime. London: Calouste Gulbenkian Foundation, 2001.

Liebmann M. Restorative Justice: How it Works. London: Jessica Kingsley, 2007.

McLaughlin E. et al. Restorative Justice: Critical Issues. London: Sage, 2003.

Strang H., Braithwaite J. (eds). Restorative Justice and Civil Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Strickland R.A. Restorative Justice. New York: Peter Lang, 2004.

Van Ness D.W., Strong K.H. Restoring Justice: An Introduction to Restorative Justice. 5th ed. Abingdon; New York: Routledge, 2014.

Young R., Goold B. Restorative Police Cautioning in Aylesbury: From Degrading to Restorative Shaming Ceremonies? // *McLaughlin E.* et al. (eds). Restorative Justice: Critical Issues. Buckingham: Open University Press, 2003. P. 94–104 [1999].

ДЕВИАЦИЯ (*DEVIANCE*)

Рабочее определение

Совершение действий, не соответствующих общепринятым в обществе нормам или ценностям.

Происхождение понятия

В XIX веке психологические и биологические исследования преступности предполагали, что девиация — это знак того, что с человеком что-то не так. Считалось, если научная криминология сумеет определить причины девиантного и преступного поведения, то его будет возможно предотвратить. В этом отношении биологические и психологические теории были позитив-

вистскими. Они стремились применить естественно-научные методы к изучению социального мира.

Социологическое изучение девиации началось в конце XIX века с работ Эмиля Дюркгейма. Он рассматривал девиацию как во многих отношениях норму, выполняющую ряд полезных функций в поддержании социального порядка. Однако признавал, что чрезмерная девиация может стать дисфункциональной. С 1950-х годов понятие «девиация» использовалось для изучения молодежных субкультур и их отношения к остальному обществу, а в 1960-е годы была разработана радикальная интеракционистская теория девиации. Эта теория определяла как девиацию любую форму поведения, которая маркируется в качестве таковой могущественными контролерами общества. Подобный подход настолько отдалил социологию девиации от ранней позитивистской концепции, насколько это было возможно: девиация стала результатом социального процесса наклеивания ярлыков, благодаря которому отдельные социальные действия определяются как отклонение от общепринятых и устоявшихся общественных норм.

Значение и интерпретация

Девиацию можно определить как несоответствие определенному своду норм, которые принимаются большей частью сообщества или общества. Большинство из нас так или иначе нарушают общепринятые правила поведения, хотя — в общем — мы придерживаемся социальных норм, потому что научились этому в детстве в ходе социализации. Девиация и преступное поведение не синонимы, хотя во многих случаях они пересекаются. Девиация — понятие более широкое, чем преступление; понятие «преступление» относится только к поведению, нарушающему закон. Понятие «девиация» может быть применено как к индивидуальному поведению, так и к активности групп. Исследования девиации также обращают наше внимание на проблему власти: когда мы рассматриваем девиацию, необходимо иметь в виду, *чьи* правила нарушаются в данном случае. В социологии девиации нет одной господствующей теории, есть ряд теоретических подходов, остающихся актуальными и полезными.

Дюркгейм рассматривал преступление и девиацию как социальные факты, утверждая, что они неизбежны и в определенном смысле нормальны для любого общества. Развитые страны ха-

рактируются высокими уровнями индивидуализма и личного выбора, незначительным числом строго соблюдаемых жестких правил и накладываемых на поведение ограничений, большой терпимостью к низовой, то есть рутинной девиантности. Дюркгейм полагал, что девиация выполняет две важные функции. Во-первых, она может исполнять инновационную роль, принося в общество новые ценности и идеи и бросая вызов освященным веками традициям. Во-вторых, когда девиантные действия вызывают негативную ответную реакцию, они выполняют полезную функцию, напоминая каждому, в чем заключаются принятые правила и нормы. Говоря социологическим языком, ответ на девиацию способствуют поддержанию социальной границы между приемлемым и неприемлемым поведением. В то же время, если уровень девиации станет слишком высоким, она может расстроить отлаженное функционирование общества, и в этом случае должны будут вмешаться силы закона и порядка.

Возможно, наиболее широко используемым подходом к девиации является теория наклеивания ярлыков, которая понимает девиацию не как набор характеристик индивида или группы, а как процесс взаимодействия девиантов и недевиантов. Необходимо понять, почему на некоторых людей наклеивается ярлык «девиант». Наклеивание ярлыков оказывает влияние не только на то, как видят человека другие, но и на его самоощущение. Эдвин Лемерт предложил модель для понимания того, как девиация может сосуществовать с чьей-то идентичностью и даже становится ее центральным элементом [Lemert, 1972]. Он утверждал, что, вопреки некоторым мнениям, девиантное поведение в действительности является обычным и, как правило, сходит людям с рук. Например, многие нарушения правил дорожного движения редко становятся известными, а небольшие кражи на рабочем месте обычно просто не замечают. Лемерт назвал эти исходные акты нарушения «первичная девиация». В большинстве случаев они являются неважными для самоидентификации, и акт нарушения нормализуется. В отдельных случаях, однако, нормализации не происходит и человеку приклеивают ярлык «преступник» или «делинквент». Лемерт использует термин «вторичная девиация» для описания тех случаев, когда человек принимает ярлык и сам воспринимает себя девиантом. Наклеивание ярлыков может стать чрезвычайно мощным процессом, когда клеймо «преступник» отменяет все другие аспекты идентичности и становится главным статусом, ведущим к преступной карьере.

Критические замечания

Функционалистские теории имеют явное преимущество, связывая девиацию и преступность с повседневным конформным поведением и показывая, что отсутствие возможностей бывает дифференцирующим фактором между теми, кто вовлечен в преступную деятельность, и теми, кто в нее не вовлечен. Тем не менее нужно помнить, что подавляющее большинство людей из всех социально-классовых групп никогда не становятся профессиональными преступниками, а большая часть людей не совершают преступлений регулярно. Теорию наклеивания ярлыков иногда критиковали за ее сосредоточенность на меньшинстве, на экзотических и экстремальных аспектах общества: вместо того чтобы объяснять, почему большинство людей не нарушают правила и законы, она гуманизирует девианта. Некоторые критики также полагали, что обычно вместо правительственного вмешательства, целью которого является понижение уровня преступности, когда он становится недопустимо высок, происходит переопределение того, что считается девиантным и преступным, чтобы прежде неприемлемое признать нормальным. Подобное переопределение делает невозможным оптимистическое представление Дюркгейма о возможности знать, что конституирует приемлемость и неприемлемость девиации.

Конструктивистская установка теории наклеивания ярлыков также подверглась критике. В мирное время некоторые акты девиантного поведения не только определяются в качестве таковых могущественными контролерами, но повсеместно и последовательно запрещаются во всех обществах. Убийство, изнасилование и разбой, как правило, воспринимаются как неприемлемые независимо от взглядов тех или иных властей. Теории наклеивания ярлыков мало что могут предложить тем, кто определяет политику. Если любая девиация относительна, то как решить, какие действия следует контролировать и запрещать, а какие можно допустить? Если подобные решения должны основываться на причиняемой вреде, то, вопреки теории наклеивания ярлыков, девиация реально является качеством действия, а не заключается лишь в его социальном определении и маркировании.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «девиация» имеет долгую историю в социологии и продолжает способствовать появлению интересных и глубоких исследований нарушений и контроля над ними. Действительно, трудно представить себе, как социология преступности и криминология могли бы без этого понятия обойтись. Данное понятие побуждает нас рассматривать роли многочисленных социальных акторов — девиантов, преступников, создателей общественного мнения, моральных предпринимателей, полицейских, судей и политиков, поэтому оно является важным и связывает ненадлежащее поведение и социальный контекст, в котором оно имеет место. Изучение девиации заставляет переосмысливать существующие социальные стандарты нормальности.

Исследования девиации часто проникали в скрытые миры. Иона Гольдшмидт продолжает эту традицию [Goldschmidt, 2008]. Его небольшое исследование посвящено девиантному поведению в процессе службы десяти офицеров полиции: незаконные задержания и обыски, подбрасывание улик, написание ложных рапортов, лжесвидетельство. Гольдшмидт рассматривает обоснования, даваемые подобным действиям. Первоначально полицейские воспринимали их как имеющие благую цель — поимка преступников и защита общества. Они также полагали, что жертвы преступлений одобряют их методы работы. При этом офицеры извлекли профессиональную выгоду из своих действий и создали эффективную технику нейтрализации моральной вины.

Понятие «девиация» применяется к гораздо более широкому кругу практик, чем преступление. Патриция и Питер Адлеры предприняли качественное исследование действий 80 человек, занимавшихся членовредительством [Adler, Adler, 2007]. Их статья показала, насколько полезным может быть данное понятие для осмысления такой практики. Адлеры анализируют, каким образом членовредительство было классифицировано психологами и медиками в качестве заболевания, требующего лечения. Однако на основе данных интервью и интернет-источников авторы статьи обнаружили, что в конце 1990 — начале 2000-х годов членовредительство теми, кто им занимался, было переопределено и реклассифицировано как свободно выбираемое девиантное поведение, а не медицинская проблема. Данный пример в полной мере отражает максимум интеракционизма: девиантное поведение — это то, которое именно так и обозначается.

Литература

Adler P.A., Adler P. The Demedicalization of Self-Injury // Journal of Contemporary Ethnography. 2007. Vol. 36. No. 5. P. 537–570.

Goldschmidt J. The Necessity of Dishonesty: Police Deviance, “Making the Case” and the Public Good // Policing and Society. 2008. Vol. 18. No. 2. P. 113–135.

Henry S. Social Deviance. Cambridge: Polity, 2009.

Lemert E. Human Deviance, Social Problems and Social Control. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972.

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА (*MORAL PANIC*)

Рабочее определение

Социальная гиперреакция на определенную группу или тип поведения, которые принимаются за симптомы более общего социального или морального недуга.

Происхождение понятия

Процессы усиления девиации были изучены в очень влиятельном исследовании Стэнли Коэна «Народные дьяволы и моральная паника» [Cohen, 1972]. В этой работе, ставшей классической, ее автор анализирует процессы наклеивания ярлыков в связи с возникновением молодежной культуры в Великобритании и контролем над ней. Он рассматривает одну из мелких стычек в 1964 году между так называемыми модами и рокерами¹ в приморском городе Клактон, однако при этом не может увязать то, чему был свидетелем, с газетными репортажами, появившимися на следующий день. Коэн видит в преувеличении значимости события и последующем наклеивании ярлыков пример моральной паники, в которой молодежь становится козлом отпущения за широкие социальные проблемы, а внимание СМИ, как показали другие исследования, ведет к круговороту усиления девиации. Последующие работы использовали понятие «моральная паника» для исследования растущей социальной озабоченности опасными собаками, употреблением наркотиков, буйными

¹ Молодежные группировки в Великобритании в 1960-е годы. — *Примеч. ред.*

«ладетами»², миграцией и многим другим. Некоторые теоретики утверждают, что моральная паника стала столь же распространена, как и механизмы социального контроля, поэтому сегодня она — один из аспектов социального воспроизводства. Возможно, эпоха отдельных вспышек моральной паники окончена.

Значение и интерпретация

По следам случившегося на британском морском курорте в 1964 году газеты выпустили материалы под зловещими заголовками: «Day of Terror by Scooter Groups» («День террора молодежи на мотороллерах»), «Wild Ones Invade the Seaside» («Дикари захватывают побережье») и «Youngsters Beat up the Town» («Зверства молодежи в городе»). Заинтригованный такой реакцией, Коэн занялся реконструкцией событий, пытаясь понять, что же происходило на самом деле. Он исследовал показания свидетелей, судебные материалы и другие документальные источники и обнаружил, что газетные репортажи были очень далеки от истины: актов жестокого насилия в действительности не было, никто не был госпитализирован, а проявления вандализма были не серьезнее, чем в предыдущие праздничные выходные. Однако такой отклик СМИ задал тональность для последующих сообщений. Коэн утверждал: представляя действия молодежи в таком сенсационном ключе, пресса способствовала панике и страху, связанным с тем, что моральные нормы общества оказались под угрозой. При этом СМИ, скорее всего невольно, *содействовали* конструированию новых форм молодежной идентичности, чем просто проинформировали о них. До 1964 года моды и рокеры не существовали как особые молодежные субкультуры, а их предполагаемая взаимная вражда подпитывалась представлениями о них в СМИ. В последующие годы подобные столкновения описывались внутри этой рамки оппозиционных друг другу молодежных культур и их склонности к насилию в отношении как друг друга, так и остального общества.

По Коэну, социальные процессы маркирования группы как аутсайдеров (наклеивание ярлыка «народные дьяволы») помогли сфокусировать многие тревоги людей о направлении

² В молодежной субкультуре Великобритании так именовались девушки, ведущие себя как «крутые» парни; их поведение сопровождалось пьянством и нарушениями общественного порядка. — *Примеч. ред.*

развития общества в целом. Страхи перед растущим попустительством и либеральными установками, недисциплинированностью вследствие отмены воинской повинности в 1958 году, распадом семьи, материалистическим поколением с большим, чем когда-либо прежде количеством денег в карманах — все это оказалось взвалено на молодежные субкультуры как на козла отпущения. Многие моральные паники прекращаются в результате принятия нового законодательства. Новые законы о преступном ущербе позволили в 1960-е годы унять беспокойство относительно вышедшей из-под контроля молодежи. Однако подобные проявления моральной паники возникали вокруг почти каждой молодежной культуры, включая панк и рейв.

Моральная паника разворачивается по типичной схеме. Она начинается в тот момент, когда что-то или кто-то, какая-то группа определяется как угроза общепринятым моральным ценностям. Эта угроза преувеличивается и упрощается в массмедиа, повышая чувствительность общественности к тому или иному вопросу и повышая градус общественного беспокойства. Возникают призывы «сделать что-нибудь». Усиливается давление на властные структуры с требованием, как правило, введения нового законодательства. В отдельных случаях паника продолжается, пока не завершится цикл медийного внимания. После работы Коэна было опубликовано множество исследований феномена моральной паники, а историки обнаружили ее проявления в XIX веке и даже раньше.

Джеффри Пирсон нашел специфический пример моральной паники в 1860-е годы, когда ограбления с применением насилия в Лондоне, казалось, вышли из-под контроля. Пресса писала об удушениях, делая акцент на использовании кинжалов и командной работе грабителей, жертвами которых становились богатые горожане. Отмечался чрезвычайно небританский характер преступлений, что можно было связать с недавней итальянской миграцией. Пирсон утверждал: паника стала результатом страха; правительство проявит мягкость по отношению к преступникам, так как ссылка, порка и другие телесные наказания были отменены. С возникновением паники порка как наказание была восстановлена, что умирало панические настроения в обществе. Теория моральной паники является хорошим примером интеракционистской социологии, связывающей воедино и в рамках процесса взаимодействия моральных предпринимателей, соз-

дателей общественного мнения, полицию, судебную власть, законодателей, широкую публику и, разумеется, девиантов.

Критические замечания

Критики теории утверждали, что главной ее проблемой является различие между преувеличенной моральной паникой и серьезной социальной проблемой. К примеру, будет ли социальный ответ на недавние террористические акты во имя ислама частью моральной паники, или же это серьезная проблема, требующая широкого освещения в СМИ и принятия нового законодательства? Где пролегает граница между паникой и легитимным ответом? Кто это решает? Далее, в последние годы моральная паника возникала по поводу подростковой преступности, потребления наркотиков и мнимых просителей убежища. Это позволяет некоторым социологам утверждать, что моральная паника больше не ограничена короткими вспышками высокой активности, а является неотъемлемой чертой повседневной жизни в современных обществах и поэтому стала нормой. Если это так, то становится гораздо труднее провести линию между девиацией и нормальностью.

Сохранившаяся актуальность

Нам многое известно о моральных паниках и о том, как они разворачиваются, однако их оборотная сторона понятна меньше: почему некоторые аспекты общественной жизни не вызывают моральной паники? Этот вопрос ставится Филипом Дженкинсом при впечатляющем обсуждении общественной реакции на детскую порнографию в Интернете [Jenkins, 2009]. Несмотря на многочисленные комментарии и дискуссии, касавшиеся страха людей в отношении сетевой детской порнографии, а также несколько получивших широкую огласку обвинительных приговоров, проблема детской порнографии в Интернете не вызвала классическую моральную панику. Это представляется странным, поскольку, на первый взгляд, все условия для ее возникновения были. Дженкинс предполагает, что одной из причин этого стало отсутствие правильного понимания явления, со стороны правоохранительных органов преимущественно, вследствие недостатка знаний о технологиях производства, распространения и использования сетевой детской порнографии. Возникнет ли полномасштабная паника и изменит ли это ситуацию, до сих пор неясно.

Ранняя работа Коэна представляется особенно важной, так как она успешно соединила теории наклеивания ярлыков, социального контроля и производства девиантных идентичностей. Тем самым она создала рамку для чрезвычайно продуктивной исследовательской программы в социологии девиации, актуальной и по сей день. К примеру, Карл Ламсден исследовал субкультуру любителей быстрой езды из Абердина (Шотландия), известных как «Bouley Bashers» и вызвавших моральную панику в этом городе [Lumsden, 2009]. Было выдвинуто предположение, что современные «народные дьяволы» способны на сильное сопротивление наклеиванию ярлыков, так как создают собственные медиа (блоги и проч.), противостоящие господствующим. Однако в данном случае процесс разворачивался как классическая моральная паника. Гонщики были маргинализированы, заклеены и стигматизированы СМИ, другими группами и правительством (закон против антисоциального поведения). И несмотря на попытки переопределить ситуацию, ярлык оказался в конце концов крепко закреплен.

Литература

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Martin Robertson, 1972.

Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009 (esp. Ch. 10, об «охоте на ведьм» — «witch craze»).

Jenkins P. Why do Some Social Issues Fail to Detonate Moral Panics? // British Journal of Criminology. 2009. Vol. 49. Iss. 1. P. 35–47.

Lumsden K. “Do We Look Like Boy Racers?” The Role of the Folk Devil in Contemporary Moral Panics // Sociological Research Online. 2009. Vol. 14. No. 1. <www.socresonline.org.uk/14/1/2.html>.

Thompson K. Moral Panics. London: Routledge, 1998.

НАКЛЕИВАНИЕ ЯРЛЫКОВ (LABELLING)

Рабочее определение

Процесс наделения отдельных индивидов и социальных групп характеристиками, которые навешивают на них в качестве идентифицирующих ярлыков другие индивиды и социальные группы, обладающие властью и влиянием, позволяющими им это делать.

Происхождение понятия

Понятие «наклеивание ярлыков» было разработано в 1950–1960-х годах социологами, работавшими в традиции символического интеракционизма. Концепция наклеивания ярлыков была особенно влиятельна при исследованиях девиации и преступного поведения, где она привлекла внимание к способу, каким девиация определяется и создается в процессе социального взаимодействия. Эдвин Лемерт провел различие между первичной и вторичной девиацией, отнеся наклеивание ярлыков к вторичной девиации. Говард Беккер утверждал, что девиацию лучше всего рассматривать как процесс, в ходе которого отдельные действия определяются и категоризируются как девиантные и порождают соответствующее отношение [Becker, 1963]. В центре внимания Беккера находилось влияние этого процесса на идентичность самих девиантов, которых фактически активно превращали в аутсайдеров, стигматизировали и вытесняли из общества.

Значение и интерпретация

Исследования преступности и девиации многим обязаны интеракционистскому подходу, известному как теория наклеивания ярлыков. Ее отправной точкой является определение девиации как процесса взаимодействия между теми, кто способен наклеивать ярлыки, и теми, на кого эти ярлыки наклеиваются. Например, полицейские, судьи и массмедиа обладают властью определять, что составляет девиацию, в то время как другие подчиняются этим определениям. Для некоторых социологов процесс наклеивания ярлыков отражает распределение власти в обществе, потому что группы, создающие правила, это обычно белые, пожилые, мужчины, выходцы из среднего класса. Но следует проявить осторожность и не упрощать данный процесс. Наклеить ярлык — это не просто «назвать кого-то свиньей»³; это конечный продукт длительного социального процесса, в который вовлечено множество акторов.

³ В оригинале использовано идиоматическое выражение *give a dog a bad name*. Наиболее распространенный его перевод на русский язык — «дурная слава накрепко пристает». Мы решили остановиться на более радикальном варианте перевода. — *Примеч. ред.*

Работа Говарда Беккера показывает, как идентичность девианта производится процессами наклеивания ярлыков, а не его девиантной мотивацией или поведением [Becker, 1963]. Беккер писал, что девиация — это не качество действия, совершаемого человеком, а результат применения другими правил и санкций к «нарушителю». Девиант — это тот, на кого был успешно наклеен этот ярлык, а девиантное поведение — это поведение людей с подобными ярлыками. Данное определение стимулировало множество исследований, хотя и подвергалось критике. Беккер был в высшей степени критичен по отношению к криминологии, четко различавшей «нормальное» и «девиантное». По мнению Беккера, поведение не является определяющим фактором того, почему люди становятся «девиантами». На наклеивание этого ярлыка на человека больше влияют процессы, не связанные с поведением как таковым. Одежда, манера речи, страна происхождения могут оказаться ключевыми факторами, определяющими, будет на человека наклеен этот ярлык или нет.

Согласно теории наклеивания ярлыков, есть определенная ирония в том, что отвечающая за снижение уровня преступности система уголовного правосудия и составляющие ее институты — полиция, суд, тюрьма — играют ключевую роль в создании и поддержании девиантных и криминальных идентичностей. Для сторонников данной теории это очевидная демонстрация парадокса социального контроля, результатом которого становится расширение девиации. Лесли Уилкинс интересовался тем, как происходят управление девиантными идентичностями и их интеграция в повседневную жизнь [Wilkins, 1964]. Непреднамеренным следствием наклеивания на поведение ярлыка «девиация» оказывается ее расширение, то есть инстанции контроля фактически провоцируют большую часть такого поведения. Человек, на которого наклеен ярлык, встраивает его в свою идентичность и через вторичную девиацию расширяет его распространение. Концепция наклеивания ярлыков важна своим допущением, что ни одно действие по своему существу не является девиантным или преступным. Напротив, девиацию и преступное поведение необходимо исследовать как социальные конструкции, подверженные постоянному изменению.

Критические замечания

Теория наклеивания ярлыков не придает большего значения первичной девиации ввиду ее широко распространения. Но, уделяя столь пристальное внимание вторичной девиации, она пренебрегает процессами, заставляющими людей совершать акты первичной девиации, оставляя их тем самым без объяснения. Однако любая претендующая на полноту теория должна рассматривать и первичную, и вторичную девиацию. Не ясно также, действительно ли наклеивание ярлыков усиливает девиацию. Молодежная преступность имеет тенденцию к эскалации, являющейся результатом судебного решения и вынесенного приговора, но и другие факторы, такие как более тесное взаимодействие с правонарушителями и новое знание о возможностях совершить преступления, могут играть свою роль. Более того, теория наклеивания ярлыков поднимает проблему структурных отношений власти, но не способна ее решить. Как некоторые влиятельные группы заняли свои позиции? Для ответа на этот вопрос необходимы теории общества, такие как марксизм или другие теории конфликта. У концепции наклеивания ярлыков нет общей теории общества.

Сохраняющаяся актуальность

Девиацию зачастую рассматривают как негативное явление, однако во всех обществах должно быть пространство для индивидов и групп, чьи действия не соответствуют общепринятым нормам. Люди, следующие по ортодоксальному пути, сначала всегда воспринимают тех, кто развивает новые идеи в политике, науке, искусстве и других сферах с подозрением и враждебностью. В этом отношении теория наклеивания ярлыков и социология девиации в целом оказались полезным противовесом криминологии, которая сосредоточена только на преступности и на снижении ее уровня. Хотя данная теория не отвечает на все вопросы, которые поднимает, она превратила девиацию и производство девиантных идентичностей в предмет пристального рассмотрения, что позволило социологам двигаться по новым исследовательским направлениям.

Теория наклеивания ярлыков сохраняет свою полезность при исследовании групп, подвергающихся дискриминации. Джой

Монкрифф использует ее для изучения «уличных детей» и «реставек» на Гаити [Moncrieffe, 2009]. «Реставек» — это ярлык, наклеиваемый на детей из сельских семей, направленных родителями жить в городские дома и работать там. Монкрифф утверждает, что с большинством таких детей плохо обращаются: есть убедительные свидетельства избиений, изнасилований, непомерно продолжительного рабочего дня. При этом правительственные чиновники имеют разные точки зрения на реставек. Одни считают их пятном на репутации Гаити, другие полагают, что они выполняют полезную экономическую функцию. Однако ярлык «уличные дети» вызывает гораздо более негативные реакции — это самая поносимая группа на Гаити. Оба ярлыка воспроизводятся всеми группами и организациями, даже теми, чья деятельность направлена на борьбу с бедностью, например миссионерами. Монкрифф показывает, насколько классический процесс наклеивания ярлыков тесно связан со стигматизацией.

Понятие «девиация» противопоставлено соответствию социальным правилам. Однако может ли оно использоваться для исследования социальных контекстов, в которых еще не произошла нормализация правил? Учитывая сравнительно беззаконный мир киберпространства, можно было бы предположить, что определения девиации и нормальности будут носить случайный характер. Но люди все еще склонны переносить офлайн-конвенции и нормы в виртуальную среду. В интересной работе Дженис Денегри-Нотт и Джеки Тейлор, касающейся этой темы, проводилось исследование онлайн-обмена, совместного пользования MP3-записями и флейминга, то есть провокационного, оскорбительного языка, в виртуальных средах, где социальные нормы находятся еще в стадии становления [Denegri-Knott, Taylor, 2005]. Одна из главных целей этой работы — понять, является ли понятие «девиация» релевантным для описания наблюдаемых форм сетевого поведения.

Литература

Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: Free Press, 1963.

Denegri-Knott J., Taylor J. The Labeling Game: A Conceptual Exploration of Deviance on the Internet // Social Science Computer Review. 2005. Vol. 23. No. 1. P. 93–107.

Hopkins Burke R. An Introduction to Criminological Theory. 4th ed. Abingdon; New York: Routledge, 2013 (esp. Ch. 9).

Moncrieffe J. When Labels Stigmatize: Encounters with “Street Children” and “Restavecs” in Haiti // Eyben R., Moncrieffe J. (eds). The Power of Labelling: How We Categorize and Why It Matters. London: Earthscan, 2009. P. 80–96.

Wilkins L. T. Social Deviance: Social Policy Action and Research. London: Tavistock, 1964.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ (*SOCIAL CONTROL*)

Рабочее определение

Любые формальные и неформальные механизмы, а также внутренние и внешние регуляторы, действующие для обеспечения подчинения.

Происхождение понятия

Теории контроля берут начало в учении философа XVII века Томаса Гоббса, утверждавшего, что в обществе эгоистичных индивидов необходима сильная власть (государство) для предотвращения «войны всех против всех». При этом между государством и его гражданами существует договор, по которому лояльность государству обменивается на защиту с его стороны. По мере того как социальный контроль становился предметом изучения социальных наук, развивались и все более сложные социологические взгляды на это явление.

В конце XIX века Эдвард Росс предположил, что социальный контроль включает все механизмы давления на людей с целью подчинить их социальным правилам и нормам, однако это был слишком общий подход. Толкотт Парсонс выдвинул альтернативный вариант, основанный на социализации [Parsons, 1937]. Он полагал, что подчинение не формируется только страхом и внешними принуждениями, но и обеспечивается нормами и ценностями, которые усваиваются в ходе социализации. Более специфический ответ предложил Трэвис Хирши, считавший, что молодежная преступность обусловлена ослаблением или разрывом связей индивида с обществом [Hirschi, 1969]. Его теория была сосредоточена на привязанности людей к семье, сверстникам и социальным институтам. Для марксизма же государство — ключевой актор в производстве социального контроля,

который в капиталистических обществах является контролем над рабочим классом.

Значение и интерпретация

Социальный контроль — это обратная сторона девиации. В то время как социология девиации и преступления задает вопрос, почему люди нарушают социальные нормы, теоретики социального контроля задают обратный вопрос: почему люди подчиняются? Один из способов рассмотрения различных теорий социального контроля — это деление их на теории производства подчинения и теории подавления девиации [Hudson, 1997]. Первые делают акцент на исследовании усвоения социальных ролей и интернализации социальных норм, вторые — на рассмотрении связей между девиантным поведением и мерами, предпринимаемыми для его уменьшения. Возможно, лучшими являются теории, способные объединить оба подхода.

Парсонс пытался решить проблему социального порядка: как обществам из поколения в поколение удастся обеспечить достаточный уровень подчинения? Он утверждал, что подчинение не кажется результатом насилия, но и не предполагается данным по умолчанию. Большинство людей подчиняются социальным нормам активно. Так происходит потому, что социальные нормы существуют не только вовне (в юридических учебниках или книгах по этикету), но и внутри нас самих. Социализация обеспечивает связь нашего самоощущения с подчинением социальным правилам, что способствует формированию представления о самих себе как о хороших людях. На самом деле мы являемся собственными цензорами и делаем многое для контроля над собственным поведением. К примеру, Дэвид Маца, исследуя молодежную преступность, показал, что даже нарушающие закон подростки разделяют ценности общества и вынуждены разрабатывать техники нейтрализации, то есть самоописания, объясняющие, почему они нарушили закон [Matza, 1964]. Такие техники позволяют и совершать преступления, и не уронить представление о самом себе.

Теория социального контроля Хирши рассматривала подчинение как основанное на социальных связях, а они создаются через привязанность к друзьям, семье, ровесникам, приверженность обычному образу жизни, вовлеченность в нормальную

законную деятельность и также через верования — такие как уважение к законам и авторитетным лицам. Привязанности и чувство долга вовлекают индивида в социальную жизнь и удерживают от девиантного поведения. Причинами девиации поэтому являются не только индивидуальная патология или эгоизм, но и ослабленная привязанность к обществу, его ключевым структурам и институтам, что оставляет человека без поддержки и делает уязвимым перед соблазнами девиации. Девиация не нуждается в объяснениях; она возникает везде, где для нее существуют возможности.

Примером может служить гендерная структура преступности; возможно, это самый поразительный аспект официальной статистики преступлений. Почему женщины совершают намного меньше преступлений, чем мужчины? Согласно теории Хирши, ответ состоит в разнице контроля над мальчиками и девочками со стороны родителей и социальных организаций. Мальчики с раннего возраста побуждаются к вхождению в мир публичности и к риску, что помогает им вырасти способными принять взрослые мужские роли, которые от них ожидают. Чем больше мальчики проводят времени вне дома, тем больше возможностей для девиантного поведения у них появляется. Девочки же держат ближе к родительскому дому как можно дольше и ограждают от внешнего мира, особенно в позднее время суток, что уменьшает их возможности нарушить социальные нормы.

Критические замечания

Социологический подход Парсонса к социальному контролю смещает внимание с внешнего контроля на самоконтроль, что добавляет нашему пониманию новое измерение. Однако критики Парсонса утверждают, что он придает слишком большое значение социализации в производстве подчинения — ноша, которую социализация, возможно, не способна нести. Многие исследователи рассматривают социализацию и формирование самости не как гладкий, а как по самой своей сути конфликтный процесс с множеством эмоциональных напряжений. Это означает: не существует гарантий того, что один и тот же набор социальных норм и ценностей будет усвоен всеми. В производстве подчинения должно быть что-то большее, чем допускается теорией Парсонса.

Более поздние теории социального контроля включают в концепцию наклеивания ярлыков, рассматривающую социальный контроль и девиацию как неразрывно друг с другом связанные. Однако отношения между ними глубоко ироничны: чем больше инстанций социального контроля стремятся предотвратить девиацию, тем больше вероятность ее расширения. Целый ряд интеракционистских исследований девиации, предпринимавшихся начиная с 1960-х годов, показал, как усиление социального контроля ведет обычно к тому, что на все больше типов поведения клеймится как девиантное, а в результате происходит экспансия девиантной активности.

Сохраняющаяся актуальность

Социальный контроль и проблема социального порядка — давние темы социологической теории. Они заставили социологов включить в область своего исследования проблемы структуры и действия, соотношения явлений микро- и макроуровня, социализации и подчинения. Но все это не может быть рассмотрено в отрыве от изучения преступности и девиации, поскольку здесь мы имеем дело с двумя сторонами одной медали. Пока проводятся исследования девиации и преступности, будет сохраняться интерес к тому, каково значение их результатов для понимания социального контроля.

Борьба с антисоциальным поведением привела к возникновению новаторских схем, одна из которых является комбинацией управления социальным жильем с полицейской охраной общественного порядка. Элисон Браун [Brown, 2004] утверждает, что понятие «антисоциальное поведение» в Великобритании — недавнее изобретение, позволяющее государству реагировать на определенные виды деятельности, которые раньше находились вне сферы компетенции системы уголовного правосудия. Она полагает, что этот сдвиг указывает на возникновение новой модели социального контроля, которая включает как заботу, так и контроль над различными родами занятий. Однако это также предполагает провал прежней системы социального контроля.

Теория социального контроля Хирши настаивает на том, что сильные привязанности «прививают» людей от девиации. Однако этот тезис подвергся пересмотру в проведенном в школах исследовании Джеба Бута и его коллег, посвященном вопросам

социального контроля, гендера и подростковым правонарушениям [Booth, Farrell, Varano, 2008]. В отличие от более ранних работ, предполагавших, что родительская привязанность оказывает большое влияние на девочек, это исследование показало ее незначительное воздействие на рискованное поведение и серьезные правонарушения как среди мальчиков, так и среди девочек. Напротив, вовлеченность в социальную активность (спорт, церковные и школьные мероприятия) порождает множественные эффекты. Церковные и школьные неспортивные мероприятия снижают уровень серьезных правонарушений у мальчиков, но не у девочек, в то же время вовлеченность в спортивные мероприятия уменьшает число правонарушений у девочек, но не у мальчиков. Это означает, что некоторые распространенные представления о том, что занятия спортом удерживают от преступления мальчиков, а церковные и неспортивные мероприятия — девочек, могут оказаться неверными. Авторы приходят к выводу, что есть существенные различия в социальных связях, и это делает необходимым скорее гендерно ориентированный, чем общий анализ девиации.

Литература

Booth J.A., Farrell A., Varano S.P. Social Control, Serious Delinquency, and Risky Behavior // *Crime and Delinquency*. 2008. Vol. 54. No. 3. P. 423–456.

Brown A.P. Anti-Social Behavior, Crime Control and Social Control // *Howard Journal of Criminal Justice*. 2004. Vol. 43. No. 2. P. 203–211.

Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969.

Hudson B. Social Control // *Maguire M., Morgan R., Reiner R. (eds).* The Oxford Handbook of Criminology. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 451–472.

Innes M. Understanding Social Control: Crime and Social Order in Late Modernity. Buckingham: Open University Press, 2003 (esp. Ch. 1, 2).

Matza D. Delinquency and Drift. New York: John Wiley, 1964.

Parsons T. The Structure of Social Action. New York: McGraw-Hill, 1937.

Тема 10. Политическая социология

ВЛАСТЬ (POWER)

Рабочее определение

Способность отдельных индивидов, групп или сообществ действовать по-своему или достигать своих целей в условиях вызова или сопротивления со стороны тех, кто им противостоит.

Происхождение понятия

Власть, вероятно, центральное понятие политической социологии. Однако его точное значение до сих пор является предметом споров. Согласия по вопросу о том, что же такое власть, нет. В социологии исследование власти должно принимать во внимание идеи Макса Вебера. По Веберу, «власть — это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась»¹. Многие социологи в проведении различия между насильственными формами власти и ее легитимными формами придерживались точки зрения Вебера. Например, если следовать Веберу, то вторжение в Ирак в 2003 году — проявление насильственной власти, так как не имело мандата ООН и, таким образом, было лишено международной легитимности.

После Вебера наиболее систематическое рассмотрение понятия «власть» принадлежит Стивену Льюксу, который начал с определения Вебера и распространил его на большее количество случаев [Lukes, 2004]. Льюкс считал веберовское понятие одномерным и полагал, что возможно разработать двух- и трехмерные понятия. Работы Мишеля Фуко также оказали серьезное влияние. Вместо того чтобы рассматривать власть как то, что люди могут иметь, терять или получать от других, Фуко понимает ее как продукт социальных отношений. Она пронизывает все общество и тесно связана со знанием. Власть работает

¹ Перевод Л.Г. Ионина. См.: Вебер Макс. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. С. 109. — *Примеч. ред.*

через дискурсы, создающие рамки, с помощью которых мы понимаем мир.

Значение и интерпретация

Подход Вебера и по сей день остается важной отправной точкой для политических социологов и представляется очевидно правильным. В ситуациях конфликта ответ на вопрос о том, у кого власть, видится довольно простым, поскольку именно более сильный человек, группа или армия берут вверх над противоборствующей стороной. Способность добиться своего определяет, насколько велика власть. Также власть может осуществляться в процессе принятия решений, когда некоторые группы способны обеспечить решение в пользу одних людей и в ущерб другим. Однако это весьма ограниченная точка зрения.

Льюкс утверждает, что двухмерная перспектива на власть более многообещающа [Lukes, 2004]. Некоторые группы осуществляют власть, контролируя повестку дня, благодаря которой политические решения становятся объектом внимания широкой общественности. Власть осуществляется путем удержания некоторых вопросов вне поля политики, что позволяет действительно препятствовать отдельным группам отстаивать свои интересы. Один из способов проявления власти правительства — наложение ограничений на сообщения СМИ. Проводя такую политику, можно предотвратить недовольство, а также распространение нежелательных мнений и рост их поддержки. Чтобы понять действия власти, нужно обращать внимание не только на сами решения, но и на процесс их принятия.

Льюкс также предложил другое, трехмерное, или «радикальное», понятие «власть». В этом случае власть определяется как манипуляция потребностями и желаниями людей. Желания могут формироваться изоэренными способами. Франкфуртская школа утверждала, что капиталисты осуществляют свою власть над рабочими, формируя их желания через СМИ, рекламу и другие инструменты социализации, поэтому рабочие принимают статус «потребители». Эту разновидность соблазняющего и идеологического отправления власти трудно увидеть и даже измерить, однако о ее существовании можно заключить в случаях, когда люди действуют в противоречии с собственными интересами. В последнее время усиливается беспокойство ростом личной задолженности в развитых странах, поскольку люди теряют

способность сопротивляться желанию тратить все больше на потребительские товары. Манипулирование желаниями, которое вынуждает людей действовать вразрез с их собственными интересами, демонстрирует власть потребительского капитализма. В этом смысле трехмерное определение власти Льюкса позволяет охватить больший круг ситуаций, чем веберовское.

Социология также испытала влияние идей Мишеля Фуко, который утверждал, что власть не сосредоточена в каком-либо институте (например, в государстве), в руках отдельной социальной группы или индивида. Традиционные модели власти, включая модель Льюкса, основываются на понятии «намеренное действие». Фуко настаивает на том, что власть оперирует на всех уровнях социального взаимодействия и во всех социальных институтах — она охватывает всех. Власть пронизывает общество, смазывая механизмы наших взаимодействий, и должна анализироваться на уровне своего рода микрофизики. Фуко также утверждал, что власть и знание тесно взаимосвязаны, усиливают друг друга. Притязания научного знания — это также притязания и на власть, поскольку они претворяются в жизнь в различных социальных контекстах.

Критические замечания

Концепции власти Льюкса и Фуко решительно отходят от первоначальной веберовской теории. Тем не менее существуют явления, которые лучше вписываются в модель Вебера. Идеи Фуко обрели популярность; его концепция порывает с простым разделением власти на насильственные и легитимные формы, заменяя его единым понятием — власть как феномена, который обнаруживается во всех социальных отношениях, а не находится в руках господствующих групп. Однако критики Фуко утверждают, что хотя он и обеспечил более тонкое описание работы властных механизмов в повседневных взаимодействиях, его концепция недооценивает тот способ, каким власть действительно накапливается некоторыми институтами (например, армией) или отдельными социальными классами, что позволяет им навязывать свою волю способом, который ближе веберовскому понятию о насильственной власти.

Радикальный взгляд на власть Льюкса также открыт для критики: социологи могут никогда не узнать, в чем заключаются

действительные интересы других людей. Как мы это решаем? Адекватность радикальной концепции Льюкса зависит от того, как ответить на этот вопрос, что оказалось делом очень непростым. Даже если спросить самих людей, то, согласно трехмерному пониманию власти, возможны обманчивые ответы, поскольку потребности людей и их желания являются уже не их собственными, а результатом манипулирования. Вторая, схожая с первой, проблема состоит в том, что трехмерная концепция требует исследования нерешенных и ненаблюдаемых влияний идеологии на желания человека. Но как мы можем изучать нечто, чего в действительности не было? Некоторые исследователи полагают, что концепция Льюкса является в действительности не теорией власти, а признанием посягательства социальных структур на жизнь людей.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «власть», как бы его ни определяли, является фундаментальным для политической социологии, и студентам для формирования собственных взглядов на властные отношения необходимо оценить споры о природе власти и о том, как она действует. Льюкс выпустил второе издание своей книги в 2004 году. В книгу вошли два новых раздела, где он развивает свои идеи и защищает трехмерную теорию власти от более общей концепции Фуко. Идеи Фуко о власти дискурса в обществе наилучшим образом подходят к анализу реальных ситуаций. Аманда Хендерсон применяет их в своем исследовании практик сестринского ухода при интенсивной терапии [Henderson, 1994]. Хендерсон утверждает, что в фокусе наблюдения в этом случае находится физиологическое, а не эмоциональное, состояние пациента. Знание о нем имеет прямые последствия для взаимодействия между медсестрами и пациентами. Медсестры получают медицинскую власть как результат способности интерпретировать информацию о физиологическом состоянии, но эта власть незначительна ввиду традиционной сестринской роли — ухода за больным. Подобный анализ может способствовать пониманию недавних скандалов в больницах и домах престарелых.

Учитывая феминистские теории о том, как мужчины устанавливают свое господствующее положение над женщинами путем подавления их ожиданий, и работу Амартии Сена, посвящен-

ную концепции развития как процесса, в основе которого лежат способности людей жить жизнью, которую они ценят, и имеют причины ценить [Sen, 1999], Льюкс утверждает, что власть — это способность или набор способностей, и уделяет особое внимание тому, как они могут быть подвергнуты отрицанию или усилены [Lukes, 2004]. Политическая социология не может обойтись без понятия «власть», но даже с учетом упомянутых пересмотров вряд ли будет достигнуто согласие по поводу того, что есть власть и как она действует. Возможно, в будущем, вместо того чтобы быть задействованным в теоретических спорах о природе власти, понятие получит определение, почерпнутое из практики, которое станет результатом исследовательской работы с реальными случаями.

Литература

Henderson A. Power and Knowledge in Nursing Practice: The Contribution of Foucault // Journal of Advanced Nursing. 1994. Vol. 20. No. 5. P. 935–939.

Lukes S. Power: A Radical View. Rev. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004 [1974]; см. также рус. пер.: Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

Nash K. Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics and Power. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010 (esp. Ch. 1).

Sen A. Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999; см. также рус. пер.: Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.

ГОСПОДСТВО (*AUTHORITY*)

Рабочее определение

Легитимная власть, с помощью которой человек или группа людей оказывают влияние на других.

Происхождение понятия

Политическая социология Макса Вебера — отправная точка для большинства работ о власти, политике и господстве [Weber, 1979]. Вебер рассматривал власть как способность человека или группы людей действовать самостоятельно, даже несмотря

на противодействие, однако люди, занимающие позиции господства, — это те, кто способен отдавать команды и разумно ожидает их исполнения от других людей. Господство покоится на вере тех, кто получает команды, в то, что те, кто их отдает, делают это легитимно. Господство может быть рассмотрено в контексте отношений взрослого и ребенка, в семье, где решения принимает ее глава, внутри организации, где менеджеры воспринимаются как имеющие право отдавать распоряжения, в армии с ее строгой системой званий и полномочий, в политике, где правительства вводят законы и ожидают их исполнения.

Значение и интерпретация

Вебер утверждал, что системы господства различаются в зависимости от общества и времени. Он выделял три исторических типа господства: традиционный, харизматический и рационально-легальный. Все три — идеальные типы, то есть представляют собой эвристические инструменты, разработанные для облегчения стоящей перед социологами задачи изучить реальное социальное явление. Схема Вебера производит впечатление хронологической: сначала появился традиционный тип господства, затем — харизматический, а за ним — рационально-легальный. Однако каждый из трех типов может стать доминирующим. Кроме того, обычно они сосуществуют.

Традиционный тип господства — это власть, легитимированная уважением к давно установившимся культурным традициям, передающимся из поколения в поколение. В такой системе люди подчиняются приказам и командам на основе традиционного статуса правителей. Легитимность традиционной власти проистекает из знания и принятия того, что в прошлом все сложилось именно так. Вебер приводит в качестве примера наследственное правление знати в средневековой Европе, отголоском которого продолжают оставаться аристократические и королевские семьи. При традиционном господстве люди верны отдельным правителям, а не вводимым ими правилам или законам. На практике это означает, что люди подчиняются правителям, а не правилам, и считают себя обязанными быть преданными лично им.

Харизматическое господство, как правило, разрушает традиционные формы и становится источником нововведений и

исторических изменений. Харизматическое господство основано на приверженности подчиненных своему вождю или лидеру, вызванной его исключительными качествами. Понятие «харизма» трудно определить, так как неясно, принадлежат ли эти специфические качества в действительности личности лидера или они результат восприятия лидера другими. Историческими примерами харизматических лидеров являются Иисус Христос, Адольф Гитлер и Махатма Ганди, хотя героические солдаты, святые и политические вожди также описывались как харизматики. Все харизматические лидеры должны регулярно подтверждать свои исключительные качества, в противном случае их власть может быть оспорена, что, как полагал Вебер, делает харизматическое господство неустойчивым по существу. Неустойчивость усиливается высокой вероятностью кризиса веры и легитимности в случае смерти лидера. Когда харизматические системы принимают более рутинизированные формы, они имеют тенденцию к превращению в традиционный или рационально-легальный тип господства.

По мнению Вебера, с возникновением капитализма традиционное господство уступает место его новой форме — *рационально-легальному господству*. Этот тип власти легитимирован юридически принятыми правилами и регуляциями и сочетает веру в закон и формальную рациональность в принятии решений. Примерами осуществления легальной власти сейчас является функционирование современных организаций и бюрократий, а также демократические системы правления, которые регулируют политическую жизнь общества. Рационально-легальное господство может осуществляться только в том случае, если решения и приказы формируются в соответствии с надлежащей процедурой, а не благодаря традиции или личному произволу. Легальная власть имеет место только в том случае, если решения и приказы принимаются в ходе некоторого процесса, а не по традиции или по воле лидера. Бюрократия в этом смысле является типической формой рационально-легального господства.

Критические замечания

Одно из давних критических замечаний в адрес типологии Вебера состоит в том, что он выделяет четыре типа социального дей-

ствия, но всего три системы господства. Отсутствующая категория — это *ценностно-рациональное господство*, легитимность которого основывается на абсолютной ценности, придаваемой некоторому набору норм. По существу, это идеологическая форма господства, где лидеры наделяются легитимностью исходя из их стремления к некоторой цели. Этот четвертый логический тип покоится скорее на подчинении идеологическим целям, чем на конкретных индивидах, а приказы легитимны в той степени, в какой они соответствуют конечной цели. Примерами такого глубоко идеологического господства могут служить религиозные организации или ранний советский коммунизм.

В последние годы социологи широко обсуждают возникновение культуры знаменитостей (селебрити), которая прославляет индивидов на основе их присутствия в массмедиа, а не их достижений. Эта культура влияет и на политическую жизнь: ведущие политики стали зачастую оцениваться на основе того, как их личности представлены в массмедиа. Некоторые социологи предполагают, что это подрывает рационально-легальные демократические процессы и представляет собой угрозу ценностям демократии. Нил Постман, к примеру, серьезно обеспокоен тем, что политика становится простым придатком шоу-бизнеса [Postman, 1986].

Сохраняющаяся актуальность

Классификация Вебера допускает существование смешанных типов господства, даже в случае, если один из них доминирует. К примеру, современная Великобритания характеризуется рационально-легальной системой господства, но в политической жизни Палата лордов продолжает играть значительную роль в управлении, а монарх занимает собственную конституционную позицию. Смешение идеальных типов придает схеме Вебера гибкость и делает ее важным инструментом современной социологии. Однако проникновение культуры селебрити в мир политики породил ряд вопросов, касающихся оснований господства политических лидеров. Общим местом сегодня стало стремление политиков управлять своим публичным образом, а партий — приглашать в свои ряды популярных звезд, актеров и спортсменов. В США бывший актер Рональд Рейган стал президентом, а Арнольд Шварценеггер — губернатором штата.

Вторжение знаменитостей в политическую жизнь часто рассматривается как очевидно пагубное.

Однако Джон Стрит утверждает, что подобное вторжение может быть прослежено уже по крайней мере в XVIII веке [Street, 2004]. Более того, само по себе появление политиков-знаменитостей не является несовместимым с господством представительной демократии. Вместо того чтобы видеть в культуре селебрити противоречие принципам представительной демократии, ее можно рассматривать как расширение этих принципов. Представительность не ограничена партийными манифестами и политическими предложениями; она включает также стиль, эстетику и привлекательность политика. Все указанные элементы способствуют отождествлению политика с теми, кого он намерен представлять. Именно благодаря политическому стилю и внешнему виду политики взаимодействуют со своими избирателями и их планами на будущее, сводя сложные политические аргументы к форме, с которой граждане могут себя отождествить.

Политологи часто утверждают, что небольшие партии чаще, чем крупные, опираются на харизматического лидера, что позволяет им преодолеть нехватку ресурсов. Но действительно ли харизматические лидеры обладают авторитетом, помогающим небольшим партиям выиграть выборы? Ваутер ван дер Бург и Энтони Маган провели эмпирическое исследование выборов в Дании, чтобы ответить на этот вопрос [Burg, Mughan, 2007]. Она проанализировали три избирательные кампании, уделив внимание деятельности правых популистских партий, и пришли к выводу, что влияние лидеров в этих партиях было не более значительным, чем влияние лидеров крупных партий. Работа также показала ошибочность мнения, согласно которому теми, кто голосует за правые партии, движет в основном смутное чувство неудовлетворенности, а не действительная поддержка проводимой партийными лидерами политики. Сторонники правых партий руководствуются теми же соображениями, что и остальные избиратели; их выбор не менее рационален и не более подвержен влиянию харизматических форм господства.

Литература

Burg van der W., Mughan A. Charisma, Leader Effects and Support for Right-Wm Populist Parties // Party Politics. 2007. Vol. 13. No. 1. P. 29–51.

Morrison K. Marx, Durkheim, Weber: Formations of Modern Social Thought. 2nd ed. London: Sage, 2006 (esp. p. 361–373).

Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. London: Heinemann, 1986.

Street J. In Defence of Celebrity Politics: Popular Culture and Political Representation // British Journal of Politics and International Relations. 2004. Vol. 6. Iss. 4. P. 435–452.

Weber Max. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1979 [1925]; см. также рус. пер.: *Вебер Макс.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО (*CIVIL SOCIETY*)

Рабочее определение

Сфера общественной жизни, к которой относятся все те сети, свободные ассоциации, типы занятий, организации, клубы и семьи, которые создаются гражданами независимо от государства.

Происхождение понятия

Истоки понятия «гражданское общество» можно проследить с древних времен, когда оно было связано с представлением об учтивости, благовоспитанности и о людях, относящихся друг к другу с уважением. Однако современные концепции гражданского общества восходят к идеям мыслителя XIX века Алексиса де Токвиля о гражданских ассоциациях (масонских ложах, филантропических обществах, религиозных группах), которые он в изобилии обнаружил в США. Токвиль считал, что тысячи таких организаций не только выполняют множество полезных функций, но и имеют фундаментальное значение для поддержания демократической культуры в стране [Eberly, 2000]. На протяжении XX века социологи и политологи мало говорили о гражданском обществе, однако с 1980-х годов интерес к нему возродился. В последнее время фокус внимания социологов сместился на космополитические теории глобального гражданского общества, которое впервые открывает возможность создания действенной глобальной формы гражданства.

Значение и интерпретация

Понятие «гражданское общество» тесно связано с понятием «публичная сфера», которое, как правило, отсылает к тем публичным пространствам, где разворачиваются дискуссии и споры об обществе и политических решениях. Гражданское общество состоит из свободных объединений, клубов и других организационных форм гражданских ассоциаций. Тем не менее единого мнения о том, что входит в гражданское общество, нет. Некоторые социологи исключают из гражданского общества бизнес, другие — семью, а третьи предлагают рассматривать государство, рынок и гражданское общество как три отдельных сектора.

Фундаментальные разногласия есть и относительно природы гражданского общества. Для некоторых исследователей гражданское общество представляет собой пространство для выражения активной гражданской позиции и демократический оплот против авторитаризма. Этот подход, однако, затушевывает очевидную возможность того, что добровольные объединения и организации находятся друг с другом в состоянии борьбы за членов и ресурсы и в гораздо меньшей степени склонны к сотрудничеству, чем это предполагается. В марксистской традиции гражданское общество еще в меньшей степени является прогрессивной ареной свободы и творчества. Маркс полагал, что гражданское общество, наряду с другими культурными суперструктурами, включено в процесс передачи идеологического и культурного господства капитализма и его ценностей. Позднее неомарксисты — в частности, Антонио Грамши — признали, что подобное идеологическое господство никогда не бывает полным, а гражданское общество открывает по крайней мере возможности для контркультурного вызова [Edwards, 2014].

Оживление интереса к понятию «гражданское общество» в конце 1980-х годов было вызвано, по всей видимости, событиями в Восточной Европе и крахом советского коммунизма. Усиление гражданского общества казалось эффективным способом создания противовеса государственной власти, а в последние годы — действенным средством установления мира в Северной Ирландии, крае Косово и Афганистане [Harris, 2003, p. 2]. Создание инклюзивных общественных объединений и сетей может способствовать построению прочного социального фундамента, независимого от действий правительств.

Понятие «гражданское общество» не так давно было расширено теоретиками глобализации, чья исследовательская программа утвердилась в социальных науках. Ульрих Бек утверждает, что идеи универсального гражданства и глобального гражданского общества исторически защищались много путешествующими и тесно связанными социальными элитами, которые *добровольно* стали относить себя к европейцам или гражданам мира [Бек, 2006]. Но благодаря процессам глобализации взгляд на себя как гражданина мира теперь гораздо сильнее укоренен в реальности и потенциально является гораздо более действенным. Поскольку глобальные коммуникации и взаимодействия становятся все более распространенными, появляются предпосылки для возникновения глобального гражданского общества. Например, кампании против противопехотных мин, ухода от налогов мультинациональными корпорациями и против терроризма могут объединять единомышленников по всему миру в глобальные сети, способствующие созданию глобального гражданского общества [Kaldor, 2003].

Критические замечания

В некоторых социологических исследованиях высказывается предположение, что сильное гражданское общество неизбежно укрепляет демократию. Но гражданское общество и демократия необязательно развиваются вместе. Многие общественные объединения и клубы отнюдь не демократические, и нет оснований полагать, что они должны быть таковыми. Продвижение гражданского общества в качестве панацеи от дефицита демократии в официальной политике или как способа уравновесить авторитарное правление может оказаться ошибкой. Отдельные общественные объединения могут обладать высоким уровнем социального капитала (например, Национальная стрелковая ассоциация (National Rifle Association) в США), иметь доступ к правительству, которое дает им больше возможностей, чем другим группам, и влиять на политику без необходимости участвовать в выборах.

Не все согласны с тем, что сейчас гражданское общество отличается хорошим здоровьем. Роберт Патнэм в исследовании гражданских ассоциаций в США приводит многочисленные свидетельства того, что гражданские связи и членство

в общественных объединениях на самом деле сокращаются [Putnam, 2000]. Патнэм утверждает: ассоциации родителей и учителей, Национальная федерация женских клубов (National Federation of Women's Clubs), Лига женщин-избирателей (League of Women Voters) и Красный Крест пережили сокращение численности своих членов примерно на 50% по сравнению с 1960-ми годами. Совсем немногие люди могут сказать, что общаются со своими соседями и доверяют им. Схожие, хотя и менее драматичные результаты были получены по Великобритании и Австралии; однако ряд стран — Швеция, Нидерланды и Япония — по-прежнему характеризуются высокими показателями социального капитала (социальных сетей) [Halpern, 2005]. Картина неоднородна, и пока не предвещает ничего хорошего для представлений о глобальном гражданском обществе.

Теории космополитизма, которые усматривали рождение глобальной формы гражданского общества, по-видимому, плохо подтверждаются фактами. До сих пор космополитическая ментальность и практика ограничены западными активистами и академиками, которые нормативно привержены проекту глобализации, и богатыми туристами, которые способны в полной мере воспользоваться преимуществами, предоставляемыми возможностями международной мобильности. Для большинства людей причастность к государству или локальному сообществу остается главным источником их идентификации.

Сохраняющаяся актуальность

Мировой финансовый кризис 2008 года заставил исследователей анализировать возможность создания в будущем глобального гражданского общества в более сдержанном ключе, чем предполагали оптимистичные сторонники этого процесса. Например, Марио Пианта в работе, посвященной перспективам согласованных действий внутри гражданского общества, отмечает дефицит демократии в странах Евросоюза и пишет о том, что кризис еврозоны усилил осознания этого дефицита, так как решения принимаются и навязываются обществу без надлежащего участия граждан в их выработке и принятии [Pianta, 2013]. В то же время по всей Европе наблюдалась сильная реакция гражданских активистов на политические решения, демонстри-

рующая потенциальную силу гражданских групп. Тем не менее пока эти группы не имеют общего подхода и расходятся во мнениях о том, как повысить демократическое участие.

Часто отмечается факт, что распространение Интернета — ключевой фактор возникновения глобального гражданского общества, делающий возможными общемировые коммуникации, дебаты и взаимодействия. Однако Джон Нотон отмечает, что Интернет не так беспроblemен, как кажется [Naughton, 2001]. Многие исследования предполагают, что это просто ресурс для использования. Но подобный взгляд на Интернет довольно наивен. Хотя природа Интернета как открытого источника согласуется с ценностями глобального гражданского общества, эта радикальная открытость не является чем-то неизбежным. Государства и корпорации заинтересованы в изменениях. Растущее присутствие корпоративной рекламы в Сети во множестве мягких и не очень форм показывает, каков может быть характер этих изменений. Огромная цифровая пропасть между информационно богатыми и информационно бедными государствами также является барьером на пути глобальной коммуникации. Нотон утверждает, что слишком долго киберпространство рассматривалось как полностью отличное от реального мира. На самом деле и в киберпространстве, и в реальном мире происходит борьба за власть между гражданским обществом и интересами государства и крупных корпораций.

Литература

Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity, 2006.

Eberly D.E. (ed.). The Essential Civil Society Reader. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000.

Edwards M. Civil Society. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2014.

Halpern D. Social Capital. Cambridge: Polity, 2005.

Harris J. (ed.). Civil Society in British History: Ideas, Identities, Institutions. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Kaldor M. Global Civil Society: An Answer to War. Cambridge: Polity, 2003.

Naughton J. Contested Space: The Internet and Global Civil Society // Glasius H.A.M., Kaldor M. (eds). Global Civil Society. London: Sage, 2001. P. 147–168.

Pianta M. Democracy Lost: The Financial Crisis in Europe and the Role of Civil Society // Journal of Civil Society. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 148–161.

Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000.

ГРАЖДАНСТВО (*CITIZENSHIP*)

Рабочее определение

Предоставляемый индивиду в рамках определенного национального или политического сообщества и предполагающий определенные права и обязанности статус.

Происхождение понятия

Концепция гражданства зародилась в городах-государствах античной Греции, где статус «гражданин» предоставлялся тем, кто жил внутри границ города. В этом смысле гражданство являлось символом социального статуса. Во многих традиционных обществах монарх или император управляли массой людей, не обладавших надлежащими средствами, чтобы стать частью системы правления. Во многих обществах с низким уровнем грамотности основная часть населения очень мало знала о правительстве и политике вообще. Идеи о том, что обычные люди могут иметь индивидуальные права и принимать участие в принятии политических решений, не существовало, поскольку подобными привилегиями обладали члены общества с высоким статусом. Сегодня, напротив, большинство людей, живущих в границах политической системы, являются гражданами, которые имеют связанные с данным статусом общие права и обязанности. Томас Маршалл рассматривал гражданство как феномен, возникающий вместе с индустриализацией [Marshall, 1973]. Он проследил эволюцию гражданства в Великобритании (в особенности в Англии) — от *гражданских прав* в XVIII веке через *политические права* в XIX веке к *социальным правам* в XX веке.

Значение и интерпретация

В современном мире гражданство — это социальный статус, предоставляемый членам национального государства на основе их проживания в нем. Гражданство, таким образом, дает

определенные привилегии, уравниваемые обязанностями, которые, как ожидается, граждане должны на себя принять. К примеру, граждане имеют право ждать от своего государства защиты, но и государство, в свою очередь, ожидает от своих граждан, что они будут вести себя разумно и не станут использовать оружие против своих сограждан и правительства. Гражданство было разделено на три разных исторических типа; каждый новый тип основывался на предыдущем.

*Гражданство на основе гражданских прав (civil citizenship)*² возникает с появлением современной формы имущественных прав, накладывающей на людей взаимные обязательства — уважать право собственности друг друга, что, в свою очередь, ведет к взаимной ответственности за поддержание социального порядка. Политическими правами наделялись только владельцы собственности, поэтому огромное число людей оставалось за пределами формальной политики. На втором этапе, этапе *политического гражданства (political citizenship)*, наблюдалось постепенное расширение избирательных прав на группы рабочего класса и женщин. Также возникает право на свободу ассоциаций, способствовавшее формированию профсоюзов, и право на свободу слова. На третьем этапе, этапе *социального гражданства (social citizenship)*, права граждан были распространены на сферу социального обеспечения; формулируется принцип общей ответственности за коллективное обеспечение благосостояния. Ожидалось, что люди вносят свой вклад в общий социальный фонд, используемый для помощи нуждающимся, и, как следствие, имеют право на социальную защиту в случае необходимости.

В последнее время появились утверждения, что происходит движение к четвертому этапу, который можно описать как *экологическое гражданство (environmental citizenship)*. Как предполагается, на этом этапе граждане получают новое право на чистую и безопасную окружающую среду, но им будет вменена и новая обязанность — не загрязнять человеческую среду и природную. Более радикальная версия экологического граж-

² Перевод английского выражения *civil citizenship* имеет очевидные сложности. Помимо использованного нами здесь варианта, в отечественной литературе встречаются «цивильное гражданство» и «гражданское гражданство». — *Примеч. ред.*

данства предусматривает его расширение на некоторые виды животных. Экологическое гражданство будет включать новые обязательства по отношению к животным, будущим поколениям и по сохранению целостности природной среды. Новые обязательства в отношении будущих поколений людей означают также необходимость работы по обеспечению устойчивого развития в долгосрочной временной перспективе. По существу, экологическое гражданство предъявляет людям новое требование — принимать в расчет свои экологические следы, то есть влияние деятельности человека на естественную среду и происходящие в ней процессы.

Критические замечания

Концепция гражданства Томаса Маршалла проблематична, так как основывается на примере только одного государства — Великобритании. Во Франции, Германии и других странах развитие гражданства шло другими путями. Некоторые критики в подходе Маршалла видели простое и не имеющее объяснительной силы описание произошедшего *post hoc*³. Например, почему избирательные права были предоставлены рабочим и женщинами в определенный исторический момент? Было ли это всего лишь частью естественной эволюции гражданства? Известно, что профсоюзам пришлось упорно бороться за расширение избирательного права, преодолевая упорное сопротивление других групп. Кроме того, даже в Великобритании избирательный возраст мужчин и женщин сравнился только в 1928 году, что значительно позднее, чем допускается Маршаллом. Иными словами, не вполне ясно, почему гражданские права должны были вести к политическим правам, которые в свою очередь должны были привести к социальным правам. Это процесс требует объяснения.

Предпринятые в 1980-х годах попытки правительств США и Великобритании пересмотреть роль государства в социальных расходах, урезать их и ввести новые критерии предоставления социальных пособий показывают, что гражданство не настолько прочно закреплено, чтобы его нельзя было отменить. Во время нынешней жесткой экономики, последовавшей за финан-

³ После того (лат.). — Примеч. ред.

совым кризисом 2008 года, многие правительства были вынуждены сокращать государственные расходы и изменять порядок предоставления большого числа социальных пособий, изменяя тем самым содержание социальных прав граждан. Теории глобализации также бросили вызов модели гражданства, основанной на принципе национального государства. К примеру, Европейский союз предлагает жителям своих стран региональные формы гражданства, предоставляющие человеку определенные права (право путешествовать и работать), которые национальные государства должны признавать. Граждане европейских стран могут оспорить судебные решения, принятые на национальном уровне, путем обращения в общеевропейские судебные инстанции. Теоретики-космополиты рассматривают возможность расширения гражданства до глобального уровня, когда каждый человек получит статус гражданина мира. Стоит признать, что на данный момент мы еще очень далеки от осуществления этой идеи.

Сохраняющаяся актуальность

Несмотря на то что модель гражданства, основанного на принципе национального государства, оспаривается, и у нее есть ряд проблем, базовое представление о гражданстве, связанное с правами и обязанностями, сохраняет свое значение. Действительно, в рамках многих современных политических дебатов предпринимались попытки переосмысления того, как воодушевить граждан на более активные действия для оживления политики и общественной жизни. Непрекращающееся давление с требованиями расширения прав и обязанностей продолжает питать наше понимание того, что есть гражданство и каким оно должно быть.

Маркус Редли и Дарин Вайнберг рассматривают вопрос, способна ли либерально-демократическая модель гражданства интегрировать людей с умственными расстройствами [Redley, Weinberg, 2007]. Может ли демократическая модель, которая требует определенных интеллектуальных способностей и независимости суждения, наделить политическими правами людей с нарушениями умственного развития? Редли и Вайнберг провели этнографическое исследование недавней инициативы, реализованной в Великобритании, — Парламента людей с умственными

расстройствами [Parliament for People with Learning Disabilities, PPLD). Работа этого парламента строилась на явно либерально-демократическом принципе самозащиты людей с умственными расстройствами. Однако исследование обнаружило ряд практических препятствий для реализации этого принципа. Некоторые члены данного парламента были не способны к внятной речи, другие говорили невпопад, тем самым препятствуя развитию дискуссии, третьи просто не брали слово, когда их приглашали это сделать. Хотя авторы исследования и поддерживают базовые принципы самозащиты, они подчеркивают, что эти принципы должны подкрепляться заботой о попечении, безопасности и благополучии людей с умственными расстройствами, если мы хотим для них реализации полного гражданства.

Опыт гражданства двух поколений британо-пакистанских мусульман стал предметом качественного исследования, проведенного после массовых беспорядков 2001 года в некоторых городах на севере Англии [Hussain, Bagguley, 2005]. Авторы исследования утверждают, что гражданство в равной мере и форма идентичности, и набор официально признанных прав, и эта идентичность не обязательно разделяется всеми. Мигранты первого поколения из Пакистана, как правило, не считали себя полноценными британскими гражданами, но сообщали о том, что живут в Великобритании, остающейся для них чужой страной. Однако пакистанские мигранты второго поколения чувствуют себя гражданами Великобритании, рожденными на ее территории и наделенными всеми правами, характерными для британской идентичности. Для представителей второго поколения успех на выборах и неприкрыто расистские речи правой Британской национальной партии (British National Party) представляют собой прямую угрозу как их статусу граждан Великобритании, так и их этнической идентичности.

Литература

Bellamy R. Citizenship: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Dobson A., Bell D. (eds). Environmental Citizenship. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

Hussain Y., Bagguley P. Citizenship, Ethnicity and Identity: British Pakistanis after the 2001 "Riots" // *Sociology*. 2005. Vol. 39. No. 3. P. 407–425.

Marshall T.H. Class, Citizenship and Social Development. Westport, CT: Greenwood Press, 1973 [1950].

Redley M., Weinberg D. Learning Disability and the Limits of Liberal Citizenship: Interactional Impediments to Political Empowerment // *Sociology of Health and Illness*. 2007. Vol. 29. No. 5. P. 767–786.

ДЕМОКРАТИЯ (*DEMOCRACY*)

Рабочее определение

Политическая система, основанная на участии граждан в принятии решений или прямо, или через политических представителей, избранных в ходе голосования.

Происхождение понятия

Корни термина «демократия» — в греческом слове *demokratia*, где *demos* — народ, а *kratos* — править. Демократия — это политическая система, в которой правление осуществляется народом, а не монархами или деспотами. В широкой или прямой демократии политические решения принимаются всеми, кого они затрагивают. Именно такая демократия имела место в Древней Греции. Те, кто являлись гражданами, а это была небольшая часть общества, регулярно собирались для рассмотрения политических вопросов и вынесения решения по ним. Демократия принимала различные формы в разные исторические периоды и в разных обществах. Например, народ понимался то как взрослые мужчины, то как владельцы собственности, то как взрослые мужчины и женщины. В некоторых обществах официально принятый вариант демократии ограничен политической сферой, в то время как в других она распространяется и на иные области социальной жизни. Представительная демократия стала обычным методом достижения народовластия. С падением коммунистических режимов в Восточной Европе в 1990-х годах представительные формы либеральной демократии рассматривались как господствующая модель по всему миру.

Значение и интерпретация

Демократия обычно рассматривается как политическая система, в наибольшей степени способная гарантировать политическое

равенство, защищать свободу и общие интересы, отвечать нуждам граждан, способствовать моральному самосовершенствованию, делать возможным эффективное принятие решений, учитывающих интересы каждого [Held, 2006]. Представительная демократия — это политическая система, в которой решения, касающиеся всего сообщества, принимаются напрямую не всеми его членами, а теми, кого они избрали. В национальных государствах представительная демократия принимает форму выборов в конгресс, парламент или аналогичные национальные органы. Представительная демократия существует также и на других уровнях, таких как провинции или штаты в рамках целого национального сообщества, города, области, района и т.д. Страны, в которых избиратели могут выбирать из двух или более партий, а правом голоса обладает большая часть взрослого населения, обычно называют либеральными демократиями (Великобритания, США, Япония, Австралия).

С начала 1980-х годов некоторые страны Латинской Америки (например, Чили, Боливия и Аргентина) пережили переход от авторитарного милитаристского правления к демократическому. Аналогичные процессы произошли во многих странах Восточной Европы после падения коммунистического блока в 1989 г. Россия, Польша и Чехословакия⁴ стали тогда демократическими государствами. В Африке государства, бывшие прежде недемократическими (Бенин, Гана, Мозамбик и ЮАР) стали провозглашать на своих территориях идеалы демократии. Главным образом демократия сосредоточена в западных странах, но сегодня ее поддерживают как желаемую форму правления — по крайней мере в принципе — во многих регионах мира.

Одна из причин такой популярности демократии, возможно, заключается в том, что другие политические системы просто потерпели неудачу: демократия оказалась способной удовлетворить нужды больших масс людей гораздо лучше иных систем. Несмотря на убедительность этого аргумента, представляется более вероятным, что распространению демократии в значительной степени способствовали процессы глобализации. Увеличение межнациональных контактов активизировало демократические движения во многих странах, а глобальные медиа и прогресс информационных и коммуникационных технологий

⁴ Чехословакия как единое государство существовала в 1918–1993 годах; с 1 января 1993 года — Чехия и Словакия. — *Примеч. ред.*

пропагандировали демократические идеалы в недемократических странах, что усиливало внутреннее давление на политические элиты.

Но что более важно, глобальные медиа и средства мгновенной передачи информации распространяют известия о демократических революциях и мобилизациях. Новости о революционных событиях в Польше в 1989 году быстро доходили до Венгрии, снабжая продемократических активистов подходящей региональной моделью для организации собственного протестного движения, а в 2011 году так называемая Арабская весна ознаменовалась волной демонстраций и протестов, свергнувших лидеров Туниса, Египта, Ливии и Йемена и приведших к разрушительной гражданской войне в Сирии. Международные организации, такие как ООН или Европейский союз, играют все более важную роль в глобальной политике и оказывают серьезное внешнее давление на недемократические государства, побуждая их к изменениям.

Критические замечания

Господство представительной демократии не является абсолютным. Прямая демократия играет важную роль даже в наши дни: например, многие сообщества в Новой Англии (США) до сих пор проводят ежегодные городские собрания, а референдумы набирают популярность во многих странах мира. Референдум возможен в случае, если может быть проведена прямая консультация с населением по определенным проблемам. Как правило, на референдум выносятся один или два вопроса, на которые граждане должны ответить. Референдумы регулярно проводятся на национальном уровне в некоторых европейских странах, чтобы принять важные политические решения: например, должен ли парламент подписать новую Европейскую конституцию? Референдумы также использовались для принятия решения по спорным вопросам отделения этнических регионов (например, Квебека, преимущественно франкоговорящей провинция Канады) или сохранения членства в Европейском союзе, как в Великобритании в 2016 году.

Общую тенденцию к установлению демократических режимов нельзя рассматривать как неизбежность. В Польше, Чехии и Венгрии либеральная демократия, кажется, установилась проч-

но. Однако в других странах — в бывших советских республиках Центральной Азии, Югославии и даже в России — демократический режим до сих пор хрупок. Еще одной причиной, по которой нельзя считать демократический режим победителем, является то, что почти все сложившиеся демократии сталкиваются с внутренними проблемами. Например, в Великобритании число голосующих на европейских, национальных и местных выборах неуклонно уменьшается с начала 1990-х годов. Ощущение того, что политическая элита представляет интересы общества недолжным образом, что стало особенно очевидно в свете скандала о расходах 2009 года⁵, приводит к утрате доверия к политикам и официальной демократической политике. Имеются также свидетельства, что люди могут обратиться к менее формальным способам политической деятельности, например, к созданию социальных движений или добровольных групп для проведения кампаний, связанных с конкретными вопросами общественной жизни.

Сохраняющаяся актуальность

Фрэнсис Фукуяма однажды заметил, что идеологические битвы прошлого завершены и мы на пороге конца истории [Fukuyama, 2006]. Никто больше не защищает монархизм, фашизм и коммунизм; капитализм выиграл сражение с социализмом, а либеральная демократия — неоспоримый победитель в идеологических противостояниях. Некоторые последние события подтверждают эти соображения. Однако теоретики космополитизма сегодня утверждают, что национальные демократии больше не способны отвечать требованиям, предъявляемым глобальными процессами.

Космополитическая демократия видится многим ее защитникам амбициозным проектом постнациональной политики. Однако Крейг Калхун говорит не только о преждевременности, но и об опасности этого проекта [Calhoun, 2007]. Он преждевремен, так как с начала 1990-х годов целая серия вооруженных

⁵ Скандал о расходах разразился в Великобритании в мае 2009 года и был вызван публикацией данных о массовых финансовых махинациях депутатов парламента и членов правительства, включая злоупотребление правом на компенсацию расходов, связанных с выполнением рабочих обязанностей. — *Примеч. ред.*

конфликтов, случаев геноцида (в том числе в Европе), терроризм и ответы на него, а также глобальная экономическая рецессия показали, что космополитизм до сих пор остается лишь иллюзорной мечтой. Эта мечта сопутствовала модерну с момента его возникновения. Космополитизм может быть тесно связан с национализмом, а не являться его противоположностью. Более того, национализм — главный источник идентификации для множества людей и многих освободительных движений; он ни в коей мере не опасен по самой своей природе. Национальная идентичность остается жизненной силой в борьбе за демократию, социальную интеграцию и гражданство, что крайне недооценивается защитниками космополитизма. На сегодня Калхун — один из наиболее энергичных и конструктивных критиков космополитической демократии.

Демократии для установления необходимо время, и некоторые исследователи полагают, что новые демократические режимы, как правило, менее стабильны вследствие неспособности партий привить лояльность своим сторонникам. Однако в историческом анализе развития демократии и политической принадлежности в Аргентине на протяжении XX века, проведенном Ноамом Лупу и Сьюзен Стокс, было показано, что электоральная стабильность растет в периоды демократии и снижается при диктатуре [Lupu, Stokes, 2010]. Авторы исследования предполагают, что новые демократии могут быть разрушены военными переворотами, которые препятствуют укоренению демократической культуры, прерывают избирательный процесс, подвергают эрозии низовую активность партий и становятся препятствием для формирования устойчивой партийной приверженности, необходимой для стабилизации демократической системы.

Литература

Calhoun C. Nations Matter: Culture, History and the Cosmopolitan Dream. London: Routledge, 2007.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London: Hamish Hamilton, 2006 [1992]; см. также рус. пер.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Ермак; АСТ, 2005.

Held D. Models of Democracy. 3rd ed. Cambridge: Polity 2006; см. также рус. пер.: Хелд Д. Модели демократии. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014.

Lipin N., Stokes S. Democracy, Interrupted: Regime Change and Partisanship in Twentieth-Century Argentina // Electoral Studies. 2010. Vol. 29. No. 1 (March). P. 91–104.

КОНФЛИКТ (*CONFLICT*)

Рабочее определение

Борьба за превосходство между социальными группами, связанная с противоречиями, разногласиями и соперничеством.

Происхождение понятия

Конфликт столь же стар, как и само человеческое общество. Ныне мы рассматриваем конфликт как нечто неприемлемое, как то, что необходимо предотвратить, но в широкой исторической перспективе конфликты и завоевания формировали мир человека и вели к распространению человечества по всему земному шару. Западная колониальная экспансия была основана на неприкрытой эксплуатации покоренного населения и природных ресурсов, но, порождая новые конфликтные отношения все большего географического охвата, колониализм также содействовал глобальной взаимозависимости. Для Георга Зиммеля конфликт — это форма человеческой связи. Люди таким образом вступают в контакт друг с другом и способны достигнуть единства. Данный подход — важная отправная точка, которая поможет нам избежать мысли о том, что конфликт является *окончанием* отношений и взаимодействий между людьми. Точка зрения Зиммеля заключается в том, что конфликт вынуждает различные группы людей признавать друг друга, несмотря на антагонизм отношений.

Исследования конфликта часто рассматриваются как отдельная социологическая традиция, хотя такие работы едва ли имеют общее теоретическое основание, кроме внимания к конфликту интересов между большими социальными группами. Большинство исследований использовали подход либо К. Маркса, либо М. Вебера и изучали внутрисоциальные конфликты, связанные с основными формами неравенства — классового, гендерного, этнического. Социологические исследования конфликтов получили широкое распространение в 1960-х годах. Отчасти это была реакция на господство функционалистской парадигмы,

отчасти — ответ на увеличение в то время конфликтов внутри обществ и между ними. Функционализм, казалось, лучше способен объяснить консенсус и подчинение, чем конфликт, и многие социологи отвернулись от Т. Парсонса и Э. Дюркгейма и обратились за вдохновением к Марксу и Веберу. В настоящее время теория конфликта является устоявшейся областью знания, а социология в целом гораздо лучше оснащена для понимания и объяснения феноменов социальных движений, терроризма и войн.

Значение и интерпретация

Конфликт — это весьма общий термин, который может описывать как спор двух людей, так и международные войны, и охватывает все, располагающееся между этими двумя крайними случаями. На практике социологи сосредоточили свое внимание скорее на изучении структурных социальных конфликтов внутри общества, чем на конфликтных отношениях между национальными государствами, — тема, до недавнего времени встречавшаяся сравнительно редко. Стремление к власти и богатству, социальное неравенство и попытки получить статус приводят к образованию отдельных социальных групп с общими интересами и идентичностями, которые борются друг с другом за реализацию этих интересов. Теория конфликтов полагает, что возможность соперничества присутствует всегда.

Исследование конфликта — одна из главных традиций в социологии, включающая множество теоретических подходов. Марксизм, феминизм, веберизм — все они используют тот или иной вариант теории конфликта, которая изучает важность социальных структур общества, порождающих постоянное напряжение и периодически вспыхивающие акты насилия противостояния. Некоторые теории (например, марксизм) помещают структурированный классовый конфликт в центр общества, рассматривая его в качестве динамики, определяющей социальные изменения. Здесь стоит вновь вспомнить Г. Зиммеля: хотя социальные классы находятся в конфликте, они встроены в отношения взаимозависимости. В условиях капитализма рабочие зависят от капиталистов, обеспечивающих их работой и необходимым для выживания доходом, а капиталисты зависят от рабочих, производящих товары и услуги, которые приносят прибыль.

Отнюдь не все теории конфликта являются марксистскими. Многие исследования конфликта испытали влияние идей Макса Вебера, который видел, что большое число конфликтов возникает на иных, чем классовые, основаниях. Конфликты могут основываться на политических различиях, борьбе за статус, гендерном разделении или этнической ненависти. Каждый из них может быть относительно не связанным с классом или даже независимым от него. Патриархальная власть действует в пользу мужчин и в ущерб женщинам, независимо от их позиции в классовой структуре, хотя классовая позиция может обострить многочисленные проблемы, с которыми сталкивается женщина из рабочих. Схожим образом эпизоды геноцидного насилия хуту против тутси в Руанде (1994), сербской армии против боснийцев в Сребренице (1995), массовые убийства евреев германским нацистским государством в Европе в период Второй мировой войны (1939–1945) рассматривались не как классовый конфликт, а как конфликты, вырастающие из традиционной этнической вражды и расовой ненависти. Все это не умаляет значение класса. Просто подлинная важность класса, гендера, расы, этнической принадлежности может быть оценена только при изучении конкретных ситуаций.

Критические замечания

Теории конфликта порой упускают различие между конфликтом и конкуренцией. Между социальными группами возможна конкуренция за доступ к ресурсам, но она не всегда приводит к конфликтным действиям. Пока конкурентные отношения не становятся действиями, направленными на достижение превосходства над установленным врагом, конкуренция — не конфликт. Возникает вопрос: являются ли классовые отношения классовой борьбой? Можно показать различие интересов социальных классовых групп, но пока это различие не ведет к попыткам установления господства над классовым «врагом», есть ли реальные основания для определения класса в терминах конфликта?

В последние десятилетия наметился интерес к анализу миротворческих процессов, а не только конфликтных ситуаций. Социологи начали изучать разрешение споров, процессы примирения и усилия по поддержанию мира. Растущий корпус

исследований по этой проблематике может направить теорию конфликта по разным направлениям.

Сохраняющаяся актуальность

Теории конфликта и исследования конфликтов еще никогда не были в социологии столь многочисленными. Исследования столкновений цивилизаций, антикапиталистических протестов, нового терроризма, новых войн, геноцида, преступлений на почве ненависти и т.д. множились в течение последних 30 лет, и социологам приходилось использовать свой концептуальный и теоретический инструментарий для анализа этих новых эпизодов серьезных конфликтов. По мере того как с окончанием холодной войны ускорялись процессы глобализации, стали возникать новые формы конфликтов.

Новейшие подходы в области исследований конфликтов и их разрешений можно найти в пособии под редакцией Джакоба Берковича, Виктора Кременюка и Айры Зартмана [Bercovitch, Kremeneyuk, Zartman, 2009]. В редакторском предисловии сказано: исторические данные показывают, что конфликт является «нормальной, повсеместной, неизбежной <...> и неотъемлемой чертой человеческого существования» [Ibid., p. 3]. Важно трезво отнестись к этому факту. Однако должно быть возможно управление и (или) контроль над насильственными проявлениями конфликта. Эта тема — главный объект внимания современных академических исследований. Учитывая многочисленные аспекты человеческих конфликтов, в том числе политические вопросы, личностные мотивации и изменение международного контекста, неудивительно, что анализ разрешения конфликтов становится междисциплинарным предприятием, и в книге множество тому примеров.

Строго социологическая перспектива представлена в работе Джона Бруэра, которая посвящена процессам миротворчества и его шансам на успех — теме, до сих пор почти не изученной [Brewer, 2010]. Автор книги различает три типа миротворческих процессов, наступающих после ослабления насильственного конфликта: захват; картографирование; достижение компромисса. *Захват* происходит в результате после войны между государствами, после гражданской или колониальной войны. *Картографирование* является способом достижения мира через

географическое разделение. *Достижение компромисса* присуще тем ситуациям, когда прежние соперники вынуждены прекратить насильственные действия в отношении друг друга и прийти к разумному соглашению. То, какой из этих процессов возможен, зависит от степени распространения общей национальности, ценностей и норм, а также от того, насколько участники конфликта сохранили или утратили свой исторический и культурный капитал. Схема, предложенная Бруэром, направлена на лучшее понимание того, что реалистично и достижимо в конкретных постконфликтных ситуациях.

Литература

Bercovitch J., Kremenjuk V., Zartman I.W. (eds). *The Sage Handbook of Conflict Resolution*. London: Sage, 2009.

Brewer J. *Peace Processes: A Sociological Approach*. Cambridge: Polity, 2010.

Joseph J. *Social Theory: Conflict, Cohesion and Consent*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (NATION STATE)

Рабочее определение

Соединение большого сообщества (то есть нации) и территориально-политической формы (то есть государства), создающее культурно-политический организм. Сейчас это наиболее распространенная в мире «единица выживания».

Происхождение понятия

Национальные государства в современном мире стали нормой и даже воспринимаются как естественные политико-культурные сущности. Однако национальное государство как социальное явление имеет историю, которую можно проследить. Многие исследователи согласны с тем, что современные национальные государства возникли относительно недавно — в XVII–XVIII веках. Европа управлялась абсолютными и конституционными монархиями, которые поглотили множество мелких политических образований, сформировав несколько

сильных государств, находящихся в состоянии конкурентной борьбы друг с другом за власть. Система суверенных государств, созданная Вестфальской концепцией международного права (1648), основывалась на праве государств на самоуправление и легитимности разрешения межгосударственных споров путем применения военной силы.

Вестфальская система заложила основы перехода к современным национальным государствам, который сопровождался Английской революцией 1640–1688 годов и Французской революцией 1789 года, ставшей символическим окончанием феодальных социальных отношений. Однако требования индустриализации создали необходимость в более эффективной системе управления и администрирования. Поскольку основой общества была теперь не локальная деревня или город, а гораздо более крупные территориальные единицы, теми средствами, при помощи которых могло быть организовано крупномасштабное общество и сохранена его целостность, стали массовое образование и формальная образовательная система, базирующиеся на государственном языке. Национальные государства стали господствующими инстанциями благодаря легитимной монополии на средства налогообложения и насилия, обеспечившие их военной мощью и лояльностью многочисленного населения.

Значение и интерпретация

Набор таких понятий, как «нация», «национальное государство», «национализм» и «национальная идентичность», является одним из наиболее дискуссионных и с трудом поддающихся уточнению в социологии. Эти понятия могут показаться довольно простыми: нация — большое сообщество; государство — политическая форма, которая гарантирует этому сообществу безопасность. Однако нации необязательно являются однородными культурами с общим языком, историей и традициями. Соединенное Королевство, к примеру, представляет собой национальное государство, включающее Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, имеет несколько языков и разные исторические традиции. Это мультикультурное общество с множеством культур и традиций, а граждане Великобритании — это чрезвычайно разнообразная группа с множеством языков и религий.

Бенедикт Андерсон утверждает, что нации — это не конкретные, а воображаемые сообщества, где различные группы связаны друг с другом представлениями о том, на чем основана культурная целостность, причастность к которой они ощущают [Anderson, 2006]. То, что эти сообщества воображаемые, не означает, что они нереальны. Если множество людей действует на основе осознаваемой национальной общности, возникает связывающая их национальная идентичность.

Национализм, в определенном смысле, довольно современное явление, но он также опирается на чувства и символические формы, которые восходят к далекому прошлому. Энтони Смит утверждает, что между нациями и ранними этническими сообществами, то есть этниями, как он их называет, часто существует преемственность [Smith, 1986]. В большинстве районов Западной Европы утвердилась одна этния, вытеснив из них более ранних соперников. Например, во Франции несколько языковых сообществ противостояли друг другу вплоть до начала XIX века. Но после того как государство объявило французский язык официальным и только этот язык стал преподаваться и использоваться в школе, соперничающие этнии и их языки быстро утратили свои позиции. Сходный процесс шел в Соединенном Королевстве, где английский язык стал господствующим в составляющих государство образованиях. Другие языки не исчезли полностью в ходе этого процесса. Например, на валлийском и гэльском языках до сих пор говорят в отдельных частях Соединенного Королевства так же как баскский язык продолжают использовать в ряде районов Испании и Франции (в так называемой Стране Басков). Существование этих языков — важный аспект поддержания непрерывности прошлого и настоящего для этний, которые на них говорят.

Критические замечания

Социологи обсуждают государства с гораздо большим энтузиазмом, чем нации, просто потому что очень сложно определить понятие «нация». Но понятие «национальное государство» также весьма расплывчато, так как существуют несколько типов «наций без государств». Национальное государство может допускать культурные различия среди своих меньшинств и поддерживать их активное развитие, как поступает Великобрита-

ния в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. В 1999 году Шотландия и Уэльс добились большей автономии, восстановив парламент Шотландии и учредив Национальную ассамблею Уэльса. Однако ни Шотландия, ни Уэльс не являются независимыми государствами. На шотландском референдуме о независимости осенью 2014 года большинство выступило против независимости и за сохранение Шотландии в составе Соединенного Королевства. В Квебеке (франкоговорящая провинция Канады) и Фландрии (регион северной части Бельгии, большая часть населения которого говорит на голландском) местные политические органы наделены властью, чтобы принимать основные решения, хотя эти районы и не являются полностью независимыми. Некоторые нации остаются непризнанными национальным государством, в составе которого они находятся: например, тибетцы в Китае, или курды, чья историческая родина располагается на территории современных Турции, Сирии, Ирана и Ирака.

В развивающемся мире строительство нации и национального государства пошло в основном по-другому, чем в индустриальных обществах, пути. Большинство развивающихся стран были в свое время колонизированы европейцами и обрели независимость только во второй половине XX века. Но государственные границы стали результатом произвольных решений, не учитывавших существовавших экономических, культурных и этнических делений. Большая часть колонизированных регионов представляли собой мозаику этнических и других групп, и хотя колонии добились независимости, чувство национальной принадлежности оказалось сформировать трудно. Даже в наши дни многие постколониальные государства находятся под постоянной угрозой внутренних распрей и соперничающих притязаний на политическое господство. Современные нации наиболее успешно складывались на территориях, которые никогда не были полностью колонизированы или уже обладали высокой степенью культурной однородности, например в Японии, Китае и Корее.

Сохраняющаяся актуальность

Пожалуй, одним из основных факторов изменения национальной идентичности является сегодня глобализация, создающая

конфликтное напряжение между централизацией и децентрализацией. С одной стороны, власть бизнес-структур и политических объединений — например, транснациональных корпораций и организаций — становится более концентрированной, но с другой стороны, существует давление децентрализации. В результате глобализация создает двойную угрозу национальной идентичности: централизация формирует напряжение сверху, а децентрализация — снизу. Некоторые исследователи предсказывают конец национального государства как ключевого актора международной политики, так как глобализация создает мир без границ, в котором власть государства снижается в сравнении с властью рыночных сил. Кэнъити Омаэ исследовал подъем региональных экономик (например, Евросоюза) и действия государств в связи с этим подъемом [Ohmae, 2007]. И хотя регионализация — не совсем полностью глобализированная система, национальные государства утрачивают контроль над ключевыми экономическими функциями в пользу возникающих государств-регионов.

Вместе с тем падение советского коммунизма привело к возникновению множества независимых национальных государств. Сегодня в мире гораздо больше суверенных наций, чем 30 лет назад. Пока еще рано с уверенностью говорить о судьбе национальных государств в XXI веке, но влияние глобализации на государства и национальные идентичности стало предметом растущего интереса социологии. Интернет виделся как инструмент продвижения глобальной культуры и в принципе должен сыграть также роль в разрушении национальных идентичностей. Однако Томас Эриксен интересно пишет о процветании наций в киберпространстве [Eriksen, 2007], что как раз связано с тем, что нации — воображаемые сообщества, члены которых могут сохранять сетевое присутствие, гораздо эффективнее распространяя чувство национальной идентичности на дальние расстояния. Парадоксальным образом отсюда следует, что в эпоху глобальной коммуникации и массовых миграций Интернет способствует укреплению, а не ослаблению национальных идентичностей.

Литература

Anderson B. Imagined Communities. London: Verso, 2006; см. также рус. пер.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Eriksen T.H. Nationalism and the Internet // Nations and Nationalism. 2007. Vol. 13. No. 1. P. 1–17.

Held D. Political Theory and the Modern State. Cambridge: Polity, 1989 (esp. Ch. 1).

Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. London: HarperCollins, 2007.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986.

СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (*SOCIAL MOVEMENT*)*Рабочее определение*

Коллективное усилие, направленное на продвижение общего интереса или достижение общей цели преимущественно с помощью кампаний и действий вне сферы формальных политических институтов и зачастую через свободную сетевую организацию.

Происхождение понятия

На протяжении большей части XX века социальные движения рассматривались социологами как необычные и даже иррациональные явления. Анализируемые как тип коллективного поведения, наряду с бунтами, толпами и революциями, они казались маргинальными для исследовательской практики магистральной социологии. Чикагская школа с 1920-х годов превратила изучение подобных эпизодов коллективного поведения в отдельное исследовательское поле. Герберт Блумер видел в социальных движениях *агентов* социальных изменений, а не только их продукты; он также разработал теорию социальных волнений для объяснения социальных движений, действующих вне формальных политических институтов [Blumer, 1969]. Нейл Смелзер в 1950-х годах представил свою функционалистскую теорию: его модель добавленной ценности (*value-added model*) выделяла стадии в развитии социальных движений, причем на каждой из них происходило добавление ценности

[Smelser, 1962]. В 1960–1970-х годах поднялась новая волна социальных движений, которые были организованы и действовали по-новому, поэтому были охарактеризованы как «новые социальные движения». Их новая организация и новые способы действия требовали и новых типов анализа. Исследования социальных движений, занимавшие некогда позицию академического аутсайдера, превратились в прочно утвердившуюся специализацию в мейнстриме социологии.

Значение и интерпретация

Социальные движения — это коллективные попытки изменить общество. Примерами могут служить профсоюзные, женские, экологические движения, движения в защиту жизни и за права сексуальных меньшинств и др. Социальные движения, вероятно, самая сильная форма коллективного действия: хорошо организованные, настойчивые кампании могут добиться серьезных результатов. Американское движение за гражданские права в 1960-х годах, к примеру, оказалось успешным в борьбе за законодательную отмену расовой сегрегации в школах и общественных местах. Движение феминисток сыграло серьезную роль в уменьшении гендерного неравенства в областях формальной экономики и политики, а в последние годы экологические движения весьма нетрадиционными способами продвигают устойчивые формы развития и изменения отношения общества к проблемам окружающей среды.

Социальные движения, как правило, имеют жизненные циклы, состоящие из нескольких стадий [Goodwin, Jasper, 2009]. Первая стадия — социальное брожение, когда люди взволнованы какой-то проблемой, но их действия рассеяны и неорганизованы. Следующая стадия — народное волнение, когда источники неудовлетворенности более четко определены и поняты. На третьей стадии создаются формальные организации, координирующие возникающее социальное движение, что делает возможным проведение более эффективных кампаний. Наконец, движение институализируется и признается в качестве части политической жизни общества. Некоторые социальные движения достигают лишь частичного успеха, иные же терпят полное поражение. Одни имеют долгую историю, другие, пройдя жиз-

ненный цикл, прекращают существование по мере окончания финансирования или энтузиазма.

Социологи используют ряд теорий для понимания социальных движений. Нейл Смелзер разработал функционалистскую теорию, в которой волнения в обществе рассматривались как результат *структурного напряжения* [Smelser, 1962]. Эта теория утверждала, что для возникновения социального движения необходимы шесть элементов: (1) социальный контекст, благоприятствующий формированию движения; (2) активисты, чувствующие структурное напряжение между ожиданиями и реальностью, что приводит к фрустрации и желанию перемен; (3) широкое распространение мнения относительно причин напряжения; (4) особое иницирующее событие, например, жестокое полицейское подавление протеста или ключевой символический инцидент, которые убедительно будут свидетельствовать в пользу основного послания движения (если присутствуют данные четыре элемента, то высока вероятность мобилизации); (5) создание социальных сетей между протестующими и активистами движения и (6) ответ властей — это конечные решающие элементы, зачастую определяющие, наберет ли движение силу или угаснет.

После Смелзера исследователи социальных движений все чаще обращались к теориям рационального выбора, особенно — к теории мобилизации ресурсов (ТМР), возникшей в конце 1960-х — начале 1970-х годов как реакция на теории, рассматривавшие социальные движения как иррациональные феномены. ТМР утверждала, что поведение участников социальных движений носит рациональный характер, а сами движения не хаотичны, а целенаправленны. С помощью ТМР исследовалась способность движений привлекать для проведения эффективных кампаний необходимые *ресурсы*, то есть получать финансирование, проводить экспертизы кампаний, мобилизовать членов движения и сторонников, использовать влиятельные социальные сети. ТМР позволяла изучать, какие ресурсы полезны, каким образом они привлекаются активистами и как затем используются для реализации общих интересов.

С конца 1960-х до середины 1980-х годов по многим странам мира прокатилась активная волна социальных движений — студенческих, за гражданские права, за права людей с ограниченными возможностями, за права женщин, против распро-

странения ядерного оружия и экологические движения, а также за права сексуальных меньшинств. Все упомянутые движения получили общее название — «новые социальные движения»: они сформировали новую политическую повестку, подняв, например, вопросы экологии и инвалидности. Эти движения приняли более свободные организационные формы, использовали новую программу действий, в том числе ненасильственное прямое действие, и привлекли в свои ряды представителей нового среднего класса, которые работали в бюрократических организациях государства всеобщего благосостояния, творческих и художественных областях, в сфере образования. Возникли и новые теории социальных движений как носителей символических сообщений о проблемах, которые долгое время оставались невидимыми в современных обществах [Melucci, 1989], а их выявление способствовало оживлению слабеющей демократической культуры во многих странах.

Критические замечания

Социологические теории социальных движений подвергаются серьезной критике. Теория мобилизации ресурсов использовалась широко, однако она плохо объясняла те случаи, когда общественные движения были успешными и в условиях чрезвычайно ограниченного доступа к ресурсам. Движение бедняков в США и движение безработных в Соединенном Королевстве, как и движение за гражданские права темнокожих в США в 1950-х годах, в значительной мере повлияли на изменения законодательства и социальных установок в условиях высокой ограниченности ресурсов. При отсутствии, например, финансовой поддержки члены общественных движений компенсировали ее нехватку неподдельным энтузиазмом и активными действиями. Конечно, по мере усиления организации этот энтузиазм угасал.

Теория новых социальных движений также стала предметом резкой критики. Все предположительно новые черты этих движений обнаружались и в старых движениях. Постматериальные ценности были очевидны в небольших коммунах в XIX веке, а многие социальные движения прошлого начинались как свободные сети, прежде чем стать формальными организациями. Некоторые организации новых социальных движений прошли схожий путь и приобрели более бюрократический характер, чем

предполагается в теории. Самый яркий пример — Greenpeace: первоначально свободная сеть единомышленников, вовлеченных в акции прямого действия, с течением времени превратилась в структуру, схожую с бизнес-организацией, с массовым членством и огромными финансовыми ресурсами.

Сохраняющаяся актуальность

Социальные движения стали важной частью политической жизни общества. Процессы глобализации сделали более систематическими и непосредственными связи поверх государственных границ, создав тем самым возможности для возникновения подлинно международных и глобальных социальных движений. Условия для этого благоприятны: кажется, у людей растет чувство утраты контроля над собственной жизнью из-за быстрых социоэкономических изменений. Становясь сторонником или активистом какого-либо социального движения, человек ощущает, что может повлиять на направление развития общества. Некоторые исследователи предположили, что мы приближаемся к «обществу социальных движений», в котором национальные социальные движения прошлого уступят место движениям без границ [Meyer, Tarrow, 1997].

Так называемые новые социальные движения используют ненасильственные методы в качестве символической репрезентации того типа мирного общества, которое они хотят создать в будущем, и часто рассматриваются как предвестники «бархатных» революций и эпохи ненасильственных движений. Однако проведенный анализ террористических актов во имя ислама говорит об ошибочности подобных суждений [Sutton, Vertigans, 2006]. Группировки типа Аль-Каиды перенимают многие формы и тактические приемы новых общественных движений, однако использование ими радикальных насильственных методов несет совершенно иное символическое сообщение — власти Запада не являются недосыгаемыми и могут быть атакованы на своей собственной территории. Вывод, который делается в этом исследовании, заключается в том, что если мы движемся к новому обществу социальных движений, оно может оказаться не таким мирным, как мы его себе представляем.

Литература

Blumer H. Collective Behavior // McClung-Lee A. (ed.). Principles of Sociology. New York: Barnes & Noble, 1969. P. 165–221.

Crossley N. Making Sense of Social Movements. Buckingham: Open University Press, 2002.

Goodwin J., Jasper J. (eds). The Social Movements Reader: Cases and Concepts. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. London: Hutchinson Radius, 1989.

Meyer D.S., Tarrow S. The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century. Oxford: Rowman & Littlefield, 1997.

Smelser N.J. Theory of Collective Behaviour. New York: Free Press, 1962.

Sutton P.W., Vertigans S. Islamic “New Social Movements”? Radical Islam, al-Qa’ida and Social Movement Theory // Mobilization: An International Journal. 2006. Vol. 11. No. 1. P. 101–115.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

ЭНТОНИ ГИДДЕНС, ФИЛИП У. САТТОН
**ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ
В СОЦИОЛОГИИ**

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ТАТЬЯНА СОКОЛОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЮЛИЯ ПЕТРИНА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 16,8
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2069. Заказ № К-2347.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.: (8352) 64-24-00

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*

*Энтони Гидденс
Филип Саттон*

ОСНОВНЫЕ
ПОНЯТИЯ
В СОЦИОЛОГИИ

ЭНТОНИ ГИДДЕНС — бывший директор Лондонской школы экономики и политических наук, пожизненный член Королевского колледжа (Кембридж), член британской Палаты лордов; влиятельный социолог и социальный теоретик, автор многочисленных книг, в числе которых «Социология» (М., 1999), «Устройство общества» (М., 2003), «Ускользающий мир» (М., 2004), «Неспокойный и могущественный континент» (М., 2015).

ФИЛИП САТТОН — независимый исследователь, в прошлом преподавал в Университете Лидса и Университете имени Роберта Гордона.

В Ы С Ш А Я
Ш К О Л А
Э К О Н О М И К И

Энтони Гидденс
Филип Саттон

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ